

УС (Калм)

Г521

30767

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

**ГЛАГОЛ И ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ
СОВРЕМЕННОГО
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
КАЛМЫЦКОЙ АССР

ГЛАГОЛ И ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

- 30767 -

188
188

Элиста - 1979

Библиотека Калмыцкого НИИ ЯЗ

Печатается по решению Редак-
ционно-издательского совета
Калмыцкого НИИ ИФЭ

Редакционная коллегия:

Б.Д.Муниев /ответственный редактор/, Э.Ч.Гардаев

Научно-вспомогательная работа по подготовке сборника
к печати выполнена Бембеевой Р.У., Гаряевой М.Б., Бовыко-
вой Г.М. и Поляевым В.О.

Глагол и исходные от него части речи представляют собой
одни из важных разделов современного калмыцкого языка. Авто-
ры статей данного сборника делают попытку осветить отдель-
ные малоисследованные и актуальные вопросы калмыцкого глаго-
ла.

Калмыцкий научно-исследовательский институт истории,
филологии и экономики

ЗАЛОГИ И ВИДЫ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ
И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ ¹

Категория залога в грамматике русского языка определяется как отношение между субъектом действия /производителем действия/ и объектом, находящее свое выражение в форме глагола. Залоги в русском языке оформляются или посредством возвратных форм на-ся /стремиться/ или посредством особых образований - страдательных причастий /выстроенный/.² Частица -ся употребляется после согласных, -сь - только после гласных. В калмыцком языке формы залогов образуются прибавлением к основам слов специальных аффиксов, в результате чего глагол приобретает то или иное залоговое значение. Причем аффиксы присоединяются к основам в соответствии с законом агглютинация языка. Например: аффиксы -уа, -үа: сурх /просить/ - суруах /заставить просить/; аффиксы -дг, -г: келх /говорить/ - келүах /заставить говорить/; идх /есть/ идгдх /быть съеденным/; есх /расти/ - ескгдх /быть выращенным/ и т.д.

Аффиксы залогов имеют определенное место среди других аффиксов в слове. Так, после именной основы следует глаголообразующий аффикс, за ним аффикс залога, а затем - аффиксы времени и отрицания. Например: сам /гребешок/ - самдуах /не дает расчесаться/. Или к непроизводной основе глагола присоединяется аффикс залога, а к нему наращивается аффикс времени и отрицания. Например: йовх /идти/ - йовуах /не дает идти/; су /сиди/ - сууах /посадили/.

В русском языке пять залогов: действительный, страдательный, средний, возвратный и взаимный. В калмыцком языке имеются залогов: действительный /келгч/, побудительный /закалгч/, страдательный /зовгч/, взаимный /ниит/, совместный /хамт/.

Залоги тесно связаны с делением глаголов на переходные и

непереходные. Переходными являются такие глаголы, которые обозначают действие, переходящее с одного предмета на другой. Например: Отец читает газету /Эцки газет умсдана/. Брат взял ручку /Ахм ручки авб/. Здесь действия одних предметов /читает и взял/ переходят на другие предметы.

При переходных глаголах существительное, обозначающее предмет, на который переходит действие, в русском языке стоит в винительном падеже, без предлога. То же самое и в калмыцком языке.

Непереходными являются такие глаголы, которые не могут иметь при себе прямого дополнения. Например: стоять, заболеть, спать. Некоторые переходные глаголы употребляются в значении непереходных.

Прямое дополнение в русском языке выражается в родительном падеже. Но в этом случае действие, обозначаемое переходным глаголом, распространяется не на весь предмет, а только на его часть. Сравни - выпил чай /весь чай/ и выпил чай /какую-то его часть/; выпил молоко /все молоко/ и - выпил молока /часть его/.

Глаголы в калмыцком языке в этом отношении не имеют прямого соответствия с глаголами в русском. Прямое дополнение, обозначающее часть целого, выражается исходным падежом. Например: Би цэһэстн уувув. Би үснэстн уувув. /Дословно: Я выпил из вашего молока. Я выпил из вашего чая/.

Глаголы русского языка, оканчивающиеся на -ся, относятся к непереходным. Частица -ся является формально - грамматическим показателем образования от всех переходных глаголов в непереходные. Например: выполнять /переходный глагол/, выполняться /непереходный/. Я выполняю задание /Би даалһвр күцэгдэһэв/. Задание выполняется /Даалһвр күцэгдэһэв/.

В калмыцком языке переходные глаголы от непереходных образуются с помощью аффиксов побудительного залога -х, -к после конечных согласных основы д, с, г, һ, после конечных согласных за исключением д, с, а, э, и кратких гласных.

Например:

Непереходные глаголы

бос - встань
ес - расти
һар - выйди
үлд - останься
зов - мучься

Переходные глаголы

босха - заставь встать,
поставь на ноги
еск - вырасти
һарһ - выведи
үлдә - оставь
зова - мучь

Из этих примеров видно, что аффиксы побудительного залога в то же время являются грамматическими показателями переходности глаголов.

Если в русском языке значительная часть глаголов являются непереходными /все глаголы с частицей -ся - непереходные/, то в калмыцком языке глагол, образованный при помощи аффикса побудительного залога, становится переходным.

Если в русском языке категория залога распространяется только на переходные глаголы, то в калмыцком языке она охватывает все глаголы - как переходные, так и непереходные. Так, от непереходного глагола шуугх /шуметь/ образуются и переходные, и непереходные глаголы в формах совместного и взаимного залогов: шууглц-шууглдх /помогать шуметь другим, или с кем-нибудь шуметь/.

Переходность или непереходность многих глаголов зависит прежде всего от их лексического содержания. Например: писать, читать, учить и многие другие являются переходными, а такие глаголы, как лежать, сидеть могут быть только непереходными. Непереходность подобных глаголов обуславливается их содержанием.

Д е й с т в и т е л ь н ы й з а л о г

Действительный залог является основой для образования всех других залогов глагола. Значение его в русском языке выражается переходными глаголами, так как они обозначают действие, которое направлено на объект действия, выраженный существительным в винительном падеже без предлога.

Действительный залог в калмыцком языке выражается переходными и непереходными глаголами. Он не имеет особых аффиксов залога и выражается основой глагола. Например:

Переходные глаголы	Непереходные глаголы
бичх - писать	кевтх - лежать
умшх - читать	унтх - спать
уух - пить	уурлх - сердиться
хэлэх - смотреть	көгшрх - состариться
учх - плавать	тасрх - оторваться
довтлх - скакать	уульх - плакать
идх - есть	хатх - сохнуть
маажх - чесать	халх - нагреваться

"Оформление прямого залога, - пишет Г.Д.Санжеев, - в монгольских языках можно считать... первичным в том смысле, что от основы этого залога образуются все прочие залого, образование которых поэтому всегда является вторичным... Таким образом, прямой залог к прочим залогам в монгольских языках относится примерно так же, как именительный падеж - к прочим падежам".³ В форме действительного залога могут быть производные и производные формы глагола, а также и сложные, состоящие из основного и вспомогательного глаголов. Например: ид /ешь/ - иджэх /есть/ - иджэнэв /ем/.

Действительному залогу русского языка в калмыцком языке соответствует переходная форма глагола. Соответствие или расхождение их зависит от реального содержания глагола в сопоставляемых языках. Так отдельные глаголы не совпадают в переходности. Например: Та медэте улсан кундлнэт /Вы уважаете пожилых людей/. Стучи в дверь /непереход./ - Үүд цок /переход. глагол/. Он тоскует по отцу и матери /Тер эцк эк хойран санжана /переход./.

Непереходные глаголы калмыцкого действительного залога имеют аналогию и соответствия с русскими непереходными глаголами такими как: идти, спать, служить, болеть, бояться, смеяться.

Калмыцким непереходным глаголам действительного залога, .

можно сказать, соответствуют русские непереходные глаголы с частицей -ся, образованные от переходных глаголов.

Итак, глаголы действительного залога в обоих языках не имеют залоговых аффиксов. Они являются исходной формой для образования всех других залоговых форм.

П о б у д и т е л ь н ы й з а л о г

В русском языке побудительного залога как особой грамматической категории нет. Он характерен и типичен для монгольских языков. Полная характеристика этого залога в монгольских языках дается Г.Д.Санжеевым в его "Сравнительной грамматике монгольских языков". Этот залог применительно к бурятскому языку: "а/ образует переходный глагол от непереходного, б/ выражает действие, которое одно лицо выполняет по приказанию, просьбе или разрешению другого лица, выраженного в подлежащем, в/ выражает, как и страдательный залог, действие, которому подвергается субъект со стороны другого субъекта".⁴ О побудительном залоге как о типичной особенности тюркских языков говорит Н.К. Дмитриев: "Основное содержание этой категории сводится к специфическому оттенку значения, который можно охарактеризовать так: вмешательство одного субъекта в действие другого. Вмешательство это понимается весьма широко, начиная от приказания до молчаливого попустительства совершить что-либо".⁵ Таким образом, в монгольских /в калмыцком/ и тюркских языках побудительный залог обозначает: побуждать, заставлять, приказывать, велеть, допускать что-то сделать. Например: кедх /сказать, говорить/, кедүлх /велеть сказать, заставить, позволить говорить/, бичх /писать/, бичүлх /попросить, заставить писать/, умшх /читать/, умшүлх /попросить, велеть, заставить читать/.

В калмыцком языке побудительный залог образуется от действительного залога путем присоединения к первичной основе глагола следующих аффиксов:

а/ -ул, -үл после конечных согласных и кратких гласных основы глагола. Например: кедлх /работать/ - кедл-үлх /заставить работать/, йовх /идти/, - йовүлх /попросить идти/.

б/ -г, -һ - от основы глагола с конечным -л или -р. Напри-

мер: салх /разобщить/, - салг /пусть расходятся/, ол /найти/
- олг /заставить найти, пусть найдет/.

в/ - лн - после конечных долгих гласных. Напрмер: ке /де-
лать/ - келн /заставить, попросить делать/, са /дой/ - саалн
/заставь, попросить доить/, у /пей/ - уулн /напоить, заставить,
попросить пить/.

г/ -х, -к - для образования переходных глаголов от непере-
ходного после конечных согласных с, д. Например: бос /встань/-
босх /заставить встать, попросить, велеть встать/.

Побудительный залог имеют также производные глаголы, обра-
зованные от имен существительных с помощью аффикса -д со зна-
чением "делать чем или посредством чего". Например: керэд /пи-
ли/, бүлүд /точь/, ширд /крась/, сууд /освободись/ и т.д.

С помощью аффиксов -а, -э образуются глаголы побудительного
залога от непереходных глаголов пассивного значения, основы
которых оканчиваются на редуцированный гласный. Например: зов
/страдать/ - зов /страдай/ - зова /мучь/; эчх /худеть/- эч
/худей/ - эчэ /заставь похудеть/.

Побудительный залог, образованный от основ переходных гла-
голов, выражает действие, которое производится одним лицом как
бы по приказанию или просьбе другого.

Лицо или предмет, а вернее имя, обозначающее лицо или пред-
мет, который приказывает или заставляет делать что-либо в пре-
дложении, обычно находится в именительном падеже и поэтому яв-
ляется главным членом предложения - подлежащим. Лицо или пред-
мет, являющийся фактическим исполнителем действия, выражается
именем в винительном падеже. Например: Хөөч малан тууһэд, тер
довун давулчкы /Стадо-коров, подгоняемое пастухом, перевалило
за бугор/. Исполнитель действия может выражаться дательно-мес-
тным падежом: Совхоз бод мал шаңгд орулж өгрэ /Совхоз сдал го-
сударству крупный рогатый скот/. Сохр үкрт худг бичэ үзүл/Сле-
пой корове не показывай колдсец/. Действие, выраженное в гла-
голе побудительного залога, образованного от непереходных гла-
голов, по значению почти не отличается от действия, выраженно-
го в глаголе побудительного залога, образовавшегося от перехо-
дной основы глагола. В предложении с глаголом в непереходной

форме также участвуют субъект и объект, хотя действие субъекта не переходит непосредственно на объект действия. Здесь только кто-то побуждает кого-то совершить то или иное действие. Например: Би теруг кедлмшт йовудув /Я послал его на работу/. Эцкитн би херу дуудулчкув, шулунар ирг /Я вызвал вашего отца, пусть скорее приедет/. В этих примерах побудительные глаголы йовудув, дуудулчкув, ирг означают, что действие выполняется реальным исполнителем по принуждению и просьбе других лиц. Подлежащее, выражающее ее второе лицо или предмет, всегда находится в винительном падеже. Кроме того, побудительный залог в калмыцком языке имеет значение, близкое к значению страдательного залога, т.е. употребляется как бы вместо страдательного залога. В этих случаях субъект действия не имеет активного значения, он всегда пассивен. Например: Би икэр цокулчкиджв /Я сильно избит/. Дословно: Я допустил сильно избить себя./ В этом примере действие побудительного глагола направлено на самого производителя действия /т.е. на подлежащее/.

Побудительный залог по своему значению в калмыцком языке довольно обширен.

Тут говорилось, что в современном русском языке побудительного залога нет. Но в нем сохранилась пережиточная небольшая группа глаголов каузативного значения, т.е. глаголов с оттенком понуждения. "В ряде случаев можно заметить, что в то время как глаголы 2-го класса /инфинитив на -е-ть имеют непереходное значение, глаголы того же корня, принадлежащие к 5-му классу /инфинитив на -и-ть/, отличные от первых только суффиксом глагольного класса, имеют переходное значение. Ср.: белеть - белить, чернеть - чернить, синеть - синить. Следует заметить, что такие глаголы на -и-ть имеют даже не просто переходное, но и специфическое, более узкое значение. Они обозначают специально "заставлять что-то делать" или "заставлять находиться в каком-то состоянии". Так, например, белить означает "заставлять быть белым". Глаголы 5-го класса на -и-ть с тем же значением, как здесь, могут выступать и как производные от переходных же глаголов других классов /они специально

обозначают "заставлять делать то, что выражено производным глаголом"/. Ср. например, пить, поить /помимо суффикса глагольного класса эта форма характеризуется еще чередованием в основе заставлять пить. Такие глаголы со значением "заставлять делать" в лингвистике принято называть "каузативными" /от латинского - кауза - "причина"/.⁶

В русском языке эти каузативы отнесены к действительным залогам, но они все же сохраняют оттенки значения принуждения /"заставлять что-либо делать, или заставлять находиться в каком-то состоянии"/, хотя грамматическими средствами, как залоговая форма, не выражаются. И только в зависимости от содержания фразы или контекста можно уловить оттенок понуждения, выраженный глаголом действительного залога. Например: Я шил костюм в мастерской /Би мастерскойд костюм уйюлд авуу/. Это означает, что шил не я, а кто-то, а я только заказывал. Таким образом, глагол действительного залога русского языка может в калмыцком языке передаваться переходным глаголом, а также глаголом-глаголом побудительного залога.

Переходным глаголом передается значение действительного залога в том случае, если действие совершается самим подлежащим /субъектом/. Например: Совхоз построил кошару для овец /Совхоз хөөдтөн кошар бард авуу/. Глаголом побудительного залога передается, если субъект /подлежащее/ совершает действие не сам, а через кого-то. Например: Я построил сарай. /Би сара тосхув/.

С т р а д а т е л ь н ы й з а л о г

Страдательный залог и в русском и в калмыцком языках означает, что предмет или лицо, выраженное подлежащим, подвергаются действию со стороны другого предмета или лица. Например: Школа стрится рабочими. Задание выполняется студентами.

В этих примерах глаголы стритса и выполнятса /тосхгджана, күцэгджэне/ показывают, что предметы школа /сурһуль и задание /даалһвр/, являющиеся субъектами, подвергаются действию со стороны объектов - рабочих и студентов. Следовательно, производителями действия здесь являются рабочие и студенты, а не школа и задание. Поэтому логический субъект в этих и подобных предложениях становится грамматическим дополнением, а логический

объект – грамматическим подлежащим, выраженным творительным падежом без предлога.

Страдательный залог в русском языке образуется с помощью частицы –ся от переходных глаголов главным образом несовершенного вида. Кроме того, он выражается и краткими страдательными причастиями прошедшего времени. Например: Эти костюмы /были,будут/ сшиты в мастерской Бадмаевым. И очень редко страдательный залог выражается этим причастием настоящего времени.

Страдательный залог в калмыцком языке образуется с помощью специальных аффиксов –гд, –д. Аффиксы –гд и –д употребляются там, где глагольная основа имеет на конце краткий или редуцированный гласный. Например: бергд /быть пойманным/, образовано от бер /держать/, эрггд /быть поднятым/ – от эрг /поднять/, келггд /быть сказанным/ – от кел /говорить/ и т.д. Аффикс –гд, присоединяясь к основам переходных глаголов, придает им значение "подвергаться известному действию со стороны другого, быть делаемым". Например: Небо обволакивается тучами /Теңгр үүлэр бүркгдэнэ/. Письмо посылается в район/Районур бичг йовулгдэна/. Аффикс –д употребляется там, где глагольная основа на конце имеет согласный л. Например: олд от ол – найти /быть отысканным/. Если аффикс –д присоединяется к переходным глаголам, то он придает им значение "быть вынужденным находиться в известном положении".⁷ Например: суугдх от су – сидеть /будь вынужден сидеть/, йовгд /будь вынужден ходить/, от йов – иди, хэргд /будь вынужден возвращаться/ от хэр – возвращайся.

В калмыцком языке страдательный залог имеет две специфические особенности, заключающиеся в том, что а/непосредственный исполнитель действия в страдательном обороте вообще обозначается посредством дательного-местного падежа, а в русском посредством творительного падежа и что б/страдательный залог в своем употреблении ограничен известными рамками.⁸ Например: Хальмгин баатрмуд дэсэнд даргддг уга чидлтэ, көөсөн күцдг, өгдсэндэн күцгддг уга хурдн күлгүдтэ болж /Калмыцкие богатыри были врагами непобедимы, кони их были так резвы, что всегда

догоняли врага, а гнавшиеся за ними, никогда их не догоняли/. Алтн шаврт дэргдз бийинь өнгөн аддхш /Хотя золото покрыто землей, оно не теряет свой блеск/. В этих примерах слова дэснд /врагу/, шаврт /земле/ находятся в дательном-местном падеже и на русский язык переведены творительным падежом. Невозможность употребления страдательного залога Г.Д.Санжеев видит в случаях, когда невозможно дополнение, оформленное посредством дательного-местного падежа и обозначающее непосредственного исполнителя действия.⁹ Это можно показать на примерах из калмыцкого языка, в которых после страдательного глагола отсутствует слово, показывающее субъект действия, т.е. реального исполнителя действия: Цэ шулуһар чангдв /Чай быстро вскипятился/. Цэ икэр уугдв /Много пилося чаю/. Эн дегтр удаң бичгдз /Эта книга долго писалась/. Беш сәәнәр түлгдз /Печь хорошо натоплена/. В этих предложениях нет прямых дополнений, обозначающих непосредственных исполнителей действия, выраженных в страдательных глаголах. Такого рода предложения расширить за счет дополнений невозможно и поэтому /по терминологии Г.Д.Санжеева/ они относятся к ограниченной степени употребления страдательного залога, хотя сфера применения их в калмыцком языке все больше возрастает.

В з а и м н ы й з а л о г

Категория взаимного залога характеризуется тем, что она указывает действие одного лица или нескольких лиц и предметов, переходящее от одного на другое лицо. Причем лицо, производящее действие, само испытывает такое же действие со стороны других лиц.

В русском языке эта категория образуется от глагола действительного залога путем прибавления частицы -ся. Например, встречать - встречаться, купать - купаться, столкнуть - столкнуться, обнимать - обниматься и т.д.

Глаголы со взаимным значением отличаются от других глаголов на -ся тем, что при них всегда бывают существительные в творительном падеже с предлогом с. Например: Всю свою жизнь он боролся с врагами. /Насни туршар эн хортца нооллж

йовла/. При глаголах взаимного значения ставится вопрос с кем? с чем? Бороться /с кем?/ с врагами. Учиться /с кем?/ с братом.

В калмыцком языке взаимный залог образуется от глагольной основы с помощью аффиксов - лд,-лд. Например: цөкх /бить/ - цөклдх /биться/, татх /тянуть/ - татлдх /тянуться/ и т.д.

Значение взаимности проявляется, как правило, только тогда, когда взаимные глаголы образованы от переходных глаголов. Если же они образованы от непереходных глаголов, то эти глаголы в ряде случаев могут не иметь залогового значения и употребляются в другом значении, в значении действия, совершающегося группой лиц и предметов. Например: Туһамуд кашаһас гуудж һарв /Телята выбежали из сарая. Дословно: Телята бежали и вышли из сарая/.

Таким образом, в калмыцком языке глаголы, обозначающие совместное действие, входят в число глаголов взаимного залога, хотя по их значению видно, что производители действия не могут быть объектом действия для других, так как здесь нет переходности действий.

Сравнивая такие русские глаголы, как смеяться, съехаться, с их эквивалентами /инэлдх, цуглрдх/ в калмыцком языке, видим, что совместность их действий обозначается, но взаимности в их действиях нет.

Итак, глаголы взаимного залога, образованные от первичных переходных основ, обозначают взаимность действия, калмыцкие взаимные глаголы передаются в русском языке глаголами взаимно-возвратного значения возвратно-среднего залога. Например: умслхд /целоваться/, цууглдх /ссориться/, мөрглдх /бодаться/, хэкрлдх /кричать/, халдх /стреляться/. Кроме того, они передаются сочетанием слов. Например: Ажрһс хазыдад нег-негөн ишквл /Жеребцы друг друга грызли и лягались/. Нег-негөн түшлэд, иньгүд дуудлдад аашна /Опираясь друг о друга, друзья идут с песней/. Нег-негьдөн эди дурго боллдад бээцхене /Они друг друга ненавидят/.

С о в м е с т н ы й з а л о г

Совместный залог образуется в калмыцком языке с помощью

суффикса - иц и обозначает совместное действие, или соучастие. Например: келц /помочь делать/, шулц /помочь почистить/, умшлц /помочь читать/, ерглц /помочь поднять/, буулһлц /помочь снять/ и т.д.

"Совместный залог - это такое оформление вторичной глагольной основы, при котором предмет /подлежащее/ выступает в качестве участника действия, предпринимаемого или совершаемого другим предметом. Таким образом, в совместном залоге, так сказать, инициатором или главным исполнителем какого-нибудь действия является предмет, обозначенный в особом дополнении или упомянуты в предыдущем предложении, тогда как предмет /подлежащее/ выступает лишь в качестве его соучастника на начальном или заключительном этапе действия".¹⁰ Например: Басан Бемб хойр колхозур йовж одв /Басан и Бембе пошли в колхоз/. В калмыцком языке совместный залог выражает такое действие, которое совершается двумя или более лицами совместно, или такое, в котором одно лицо помогает другому совершить определенное действие. Например: Чя нанд эн мэр бэрлц /Ты мне помоги поймать этого коня/. Тийгж эдн хооридан некд боллцна. /Так они друг другу оказывают помощь/. Хөөнэ ноос уһахд некд болад, хөд бэрлцв /Когда промывали овечью шерсть, я помогал ловить овец/.

По своему значению взаимный и совместный залогов близки друг другу, а потому в калмыцком языке они иногда выступают один вместо другого.

Еще в середине XIX века А.Бобровников в своей грамматике монголо-калмыцкого языка писал, что "учаственный, совместный глагол может заменять взаимный... Это зависит от взгляда говорящего, когда он, не обращая внимания на то, что действие двух предметов переходит от одного на другой, замечает только то, что они производят одно и то же действие. От этого происходит, что эти два залогов часто употребляются без различия".¹¹ Эту мысль А.Бобровникова развивает Г.Санжеев, замечая, что "совместный и взаимный залогов не только выступают один вместо другого, но и просто обозначают действия, при совершении которых оба компонента никак не находятся в тех специфи-

ческих отношениях, которые вообще "предусмотрены" непосредственными значениями этих залогов".¹²

В подтверждение правоты этих высказываний можно привести примеры из современного калмыцкого языка: Колхозин амбарин еер дала эмти цуглржана, баһчуд инэдди правленур селлцэд орад парад бээнэ /Около колхозного амбара собралось много людей, молодежь со смехом заходит и выходит по очереди в правление колхоза/. Удл уга ардаснь дахлцад бийнь ирв /Скоро почти одновременно с ним приехал сам/. Совхозин малынь асрлцад биди Бадминд үвлзлэвидь /Мы зимовали у Бадмы, помогая ему ухаживать за совхозным скотом/. Тог деер бээси буудята мяшгүдинь ерглцэд машинд тэвүвди /Зерно, которое находилось в мешках на току, мы грузили на машину/. Биди хооридан зэңгэн авлцэвиди /Мы получаем сведения друг от друга/.

Эти формы совместного залога можно превратить в другую форму, в форму взаимного залога, при этом их значение не изменяется. Так, вместо хувацти, дахлцад ирв /следом за ним пришел/ асрлцад үвлзлэвиди /ухаживая зимовали/, ерглцэд тэвүвиди, авлцэвиди можно сказать хуваддад /делясь/, дахлцад ирв /за ним пришел/, асрлцад үвлзлэвиди /ухаживая зимовали/, ергэд тэвүвиди /подняв поставили/. Такое смешение функций этих залогов в современном калмыцком языке встречается все чаще и чаще.

С р е д н и й з а л о г

Глаголы среднего залога в русском языке обозначают действие или непереходящее состояние, т.е. такое действие, которое ни на кого и ни на что не переходит и не выходит за пределы производителя действия.

Глаголы данного залога выражают в русском языке внешние изменения в состоянии субъекта /кататься, подниматься/, внутренние изменения в состоянии субъекта /радоваться, успокоиться/, постоянные свойства предмета /бодаться, кусаться/ а также и другие оттенки.

Средний залог образуется от переходных глаголов действительного залога путем прибавления частицы -ся /-сь/.

В казахском языке этой залоговой формы нет. Но значение среднего залога часто передается непрямозначными пассивными глаголами, т.е. чисто лексически /глаголами действительного залога/. Например: Козел бедается /Яман мөрген/. Собака злится, кусается /Ноха догшрхна, зууна/.

"Категория вида в русском языке характеризует выраженное глаголом действие или состояние с точки зрения отношения к его внутреннему пределу или независимо от всяких ограничений в его течении или повторяемости".¹³

Глаголы в русском языке имеют совершенный и несовершенный виды.

Совершенный вид глагола обозначает законченность, завершенность действия и достижение определенного результата. Например: Студент решил задачу. Наша бригада завершила уборку зерна. Я прочитал интересную книгу.

Совершенный вид глагола не имеет значения настоящего времени, глаголы совершенного вида могут выражать мгновенность и моментальность действия /крикнуть, толкнуть, капнуть/.

Несовершенный вид обозначает действие без указания на достижение результата и выражает длительность, повторяемость действия. Глаголы несовершенного вида имеют все три времени: настоящее, прошедшее и будущее /будущее сложное/. Например: Тракторист Бадмаев пашет колхозное поле. Стихотворения народного поэта Хасыра Сян-Белгина я читал с большим удовлетворением. Летом я буду работать в поле.

К несовершенному виду глаголов относятся почти все непрямозначные глаголы: учить, писать, читать, спать, сидеть, ходить, строить, жить, есть, пить, работать и т.д., так как они не выражают законченности или завершенности действия.

К несовершенному виду относятся также и производные глаголы, образованные от других частей речи. Такие производные глаголы как: ночевать /от ночь/, спорить /от спор/, грустить /от грусть/, гостить /от гость/, белить /от белый/, зеленеть /от зеленый/ и другие. Эти и подобные им глаголы не могут выражать законченности действия и потому относятся к глаголам несовершенного вида.

В калмыцком языке видовые грамматические значения выражаются сочетанием вспомогательных глаголов с основными глаголами. В результате образуется сложная глагольная форма, выражающая значение несовершенного и совершенного видов. Это можно видеть в переводах с калмыцкого на русский язык глаголов совершенного вида.

Например:	Несовершенный вид	Совершенный вид
	һазр малтв / копал землю/	һазр малтж оркв /вскопал землю/
	Мөрөн хазарлв /зануздывал лошадь/	Мөрөн хазарлж оркв /зануздал лошадь/
	Бичг бичдэлэ /писал письмо/	Бичг бичж оркув /написал письмо/

В калмыцком языке допустима и несложная форма глагола для выражения законченности или завершенности действия. Например: вместо сложной формы глагола малтж оркв можно сказать малтчкв /вскопал/, вместо хазарлж авб - хазарлчкв /зануздаль/, вместо бичж оркв - биччкв /написал/ и т.д. Здесь аффикс - чк является показателем видовой категории.

Таким образом, вид глагола в калмыцком языке определяется, с одной стороны, по сложным глагольным основам и, с другой стороны, по аффиксам -кч, -лв, -цха. Причем сложные глагольные основы в форме деепричастия настоящего или прошедшего времени являются основным компонентом, а вспомогательные глаголы ставятся в той форме, какая нужна в конкретном предложении, и превращаются в грамматические средства выражения значения вида.

В калмыцком языке в качестве вспомогательных глаголов для выражения вида русских глаголов употребляются также глаголы: авх /взять, брать/; өгх /дать/, ирх /приходить/; оркх /положить/; бөөх /быть/; йовх /идти/; кевтх /лежать/ и другие.

Так, например:

Мы читали книгу	- Бидн дегтр умшдалавидн
Мы прочитали книгу	- Бидн дегтр умшж оркувидн
Мы записали в блокнот	- Бидн блокнотдан бичж авувидн
Он уснул на диване	- Эн диван деер унтж одв.

В данных примерах вспомогательные глаголы /оркуади, ануди, одв/ потеряли свое прежнее лексическое значение и стали грамматическими показателями, выражающими значения глагольных видов.

Образование видов глагола

I. Глаголы совершенного вида образуются в русском языке различными способами, а именно:

а/ путем присоединения продуктивных приставок.

Несовершенный вид

читать
строить
слушать
держать
делать

Совершенный вид

прочитать
застроить
прослушать
задержать
сделать

б/ при помощи суффикса - ну некоторые глаголы несовершенного вида превращаются в глаголы совершенного вида с добавочным значением мгновенности и однократности.

Несовершенный вид

кричать
прыгать
капать
махать
качать

Совершенный вид

крикнуть
прыгнуть
капнуть
махнуть
качнуть

Такие глаголы с суффиксом -ну, как вянуть, гибнуть, глоснуть, зябнуть, мерзнуть, могнуть, сохнуть, не являются глаголами совершенного вида. От этих глаголов совершенный вид образуется с помощью приставок за, по, о, на и других /завязнуть, погибнуть, оглохнуть, замерзнуть, засохнуть/.

в/ путем чередования суффиксов -а, -и.

Несовершенный вид

решать
пускать
заражать

Совершенный вид

решить
пустить
заразить

изучать

изучить

П. Совершенный вид глагола от несовершенного вида может отличаться только лишь местом ударения.

Несовершенный вид

Совершенный вид

насыпать

насыпать

высыпать

высыпать

обрезать

обрезать

нарезать

нарезать

Ш. От глаголов совершенного вида несовершенный вид образуется:

а/ при помощи суффиксов -ыва, -ива.

Совершенный вид

Несовершенный вид

прочитывать

прочитать

отстаивать

отстоять

засеивать

засеять

зарабатывать

заработать

выигрывать

выиграть

б/ при помощи суффикса -ва

Совершенный вид

Несовершенный вид

узнать

узнавать

разбить

разбивать

согреть

согревать

разлить

разливать

успеть

успевать

Глаголы с суффиксом -ва, хотя и имеют приставки, не являются глаголами совершенного вида. Приставки в данном случае изменяют лексическое значение слова, а вид остается несовершенным. Например: передавать, отдавать, выдавать, продавать, издавать, задавать.

Можно проследить изменение значения глаголов с суффиксом -ва и указать на их соответствия в калмыцком языке. Например: Коммунистическая партия создала материально-техническую базу коммунизма в нашей стране /Коммунистическ парть орн-нутгт

коммунизма материально-технически корь тогтав/ здесь глаголы создава и тогтав – глаголы совершенного вида. Коммунистическая партия создавала в течение ряда лет материально-техническую базу коммунизма /Коммуна парть коммунизма материально-технически корь кесг жидэн тогтаһад йовб/. Здесь глаголы создавала, тогтаһад – глаголы несовершенного вида.

Примечание: Суффикс -ва присоединяется к основам глагола, оканчивавшихся на гласный /смивать, созреть, разбивать/. Суффикс -ва всегда находится под ударением.

в/ посредством суффикса -а/я/,

Совершенный вид

Несовершенный вид

спасти	спасать
объявить	объявлять
получить	получать
обидеть	обижать
отпустить	отпускать
изучить	изучать
закрепить	закреплять

Например: Мы изучали географию СССР /Биди СССР-ни географ дасчкувиди/. Глаголы изучали и дасчкувиди – глаголы совершенного вида. Мы изучаем географию СССР /Биди СССР-ни географ дасджанавиди/. Здесь глаголы изучаем и дасджанавиди – глаголы несовершенного вида.

Из приведенных примеров видно, что в русском языке в корнях или основах глаголов происходят изменения в зависимости от видовых различий.

В отдельных случаях различие в видах в русском языке выражается разными корнями. Причем эти глаголы образуют как бы пары глаголов, один из которых – несовершенного, другой – совершенного вида.

Несовершенный вид

Совершенный вид

брать	взять
говорить	сказать
ловить	поймать
сидеться	сесть

В калмыцком языке эти и подобные им разные слова, которые отличаются только по значению вида, передаются разными формами одного и того же глагола. Так, русским глаголам брать и взять соответствует калмыцкий – авх; ловить и поймать – бэрх; садиться и сесть – суух и т.д.

Значение же вида передается различными формами одного и того же глагола. Это можно видеть на примерах, взятых из обоих языков.

Например: Он говорил около часа /Тер нег час дүңгө келв/. Здесь глаголы говорил и келв – глаголы несовершенного вида. За это время он сказал все /Эн цагларн цугтнь келчкв/. Здесь глаголы сказал и келчкв – глаголы совершенного вида.

Сопоставление данных примеров показывает, что глаголы несовершенного вида в калмыцких предложениях по значению соответствуют совершенному виду.

Что же касается сложной глагольной формы, то и она имеет значение несовершенного вида. К таким сложным формам относятся причастия с вспомогательными глаголами бэ – быть, билэ – был. Служебный глагол билэ показывает действие основного глагола, которое происходит более равномерно. Сочетание основного глагола со служебным глаголом билэ – это по существу и есть образование аналитической глагольной формы несовершенного вида прошедшего времени: суусн билэ – сидел, келсн билэ – говорил и т.д. В калмыцком языке ударение за редким исключением одноместное и постоянное. Поэтому в различных видовой категории ударение никакой роли не играет.

В пределах одного вида глагола в русском языке могут иметь различные видовые оттенки.

В пределах совершенного вида различаются: 1/ глаголы со значением начала действия /Я заговорил. Он запел песню/; 2/ глаголы со значением конечного результата /Мама дочитала книгу. Мы построили дом/; 3/ глаголы, имеющие значение мгновенности действия /Он прыгнул в воду. Она заглянула в окно/.

Несовершенный вид глагола имеет оттенки значения: 1/ многократного или повторяющегося действия /Мальчик поглядывает

на меня. Дедушка едет на верблюде и покачивается из стороны в сторону; 2/ определенного и неопределенного движения /Девочка бежала по направлению к седлу. Мальчик бежал по степи/.

- I Из монографии Илишчина И.К. "Сопоставительная грамматика кадымского и русского языков". Фонетика и морфология. Элиста, 1973, с.105-122
- 2 Грамматика русского языка. Фонетика и морфология. М., 1952, с.412
- 3 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с.16
- 4 Там же, с.21
- 5 Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 1940, с.135
- 6 Современный русский язык. Морфология /курс лекций/. М., 1952, с.349
- 7 Котвич В.Л. Опыт грамматики кадымского разговорного языка. Ржевнице, 1929, с.222-223
- 8 Санжеев Г.Д. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962, с.230
- 9 Санжеев Г.Д. Там же, с.231
- 10 Санжеев Г.Д. Там же, с.238-239
- 11 Бобровников А. Грамматика монголо-кадымского языка. Казань, 1849
- 12 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с.60
- 13 Современный русский язык. Морфология. М., 1952, с.309

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛОВ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Спряжение глагола в калмыцком языке, как и в любом другом, является одним из важнейших элементов грамматического строя языка.

Под спряжением обычно понимают систему изменения глаголов. В современном русском языке глаголы, как известно, изменяются по лицам, числам, временам и наклонениям, а в прошедшем времени и в сослагательном наклонении в единственном числе также по родам. В калмыцком же языке, как и в бурятском, глаголы изъявительного наклонения изменяются по временам, лицам и числам. Глаголы калмыцкого языка в отличие от русского не имеют особых личных аффиксов лица, нет у них и личных окончаний. В качестве показателя личных окончаний выступают лично-предикативные частицы -в, -ч, -видн, -т: келүв "я сказал", келүч "ты сказал", келүвидн "мы сказали", келүт "вы сказали". Эти частицы представляют собой усеченную форму личных местоимений первого и второго лица обоих чисел: би -в, чи -ч, бидн -видн /в орфографии -видн/, та -т.

В третьем лице обоих чисел отсутствует грамматический показатель лица, т.е. третье лицо множественного числа не оформляется особым окончанием, выражающим лицо, и совпадает с формой единственного числа: Тер умшла. "Он читал". Тедн умшла. "Они читали".

При спряжении глаголов категория лица выражает отношение действия к говорящему лицу. 1-ое лицо - говорящий, 2-ое лицо - собеседник, 3-е лицо - то лицо, о котором говорят, но не участвующее в беседе. Следовательно, если субъектом действия является сам говорящий, глагол употребляется в форме 1-го лица ед. или мн. числа: Би бичжэнэв "Я пишу"; Бидн бичжэнэвидн. "Мы пишем". Если субъектом действия является не говорящий, а его собеседник, к которому непосредственно обращается говорящий, глагол употребляется в форме 2-го лица ед. или мн. числа: Чи сәэнэр келжэнэч. "Ты хорошо говоришь". Та сәэнэр кел-

дэнэт. "Вы хорошо говорите". Субъектом действия 3-го лица глагола обоих чисел является лицо, к которому говорящий не обращается, не ведет с ним беседы. Тер чикэр медв "Он правильно понял". Тедн чикэр медцхэв "Они правильно поняли".

Показатели лица

Ч и с л о

единственное		:	множественное	
лицо	: лицевые показ.	:	лицо	: лицевые показ.
1. би	-в		1.бидн	-видн
2. чи	-ч		2.та	-т
3. тер	-		3.тедн	-

Отмеченные выше показатели лица или лицевые показатели являются по существу частицами сказуемости. Эти сказуемостные частицы носят универсальный характер. Любая часть речи, выступающая в предложении сказуемым /предикатом/ может принимать лицевые показатели. Поэтому эти показатели справедливо называются лично-предикативными частицами. Отсюда, имена, выступающие в роли сказуемого /предиката/, принимая лицевые показатели, или проще личные частицы, функционально глаголизируются. Би - багшв "Я - учитель". Чи - пионерч "Ты - пионер".

Интересно попутно отметить, что личные местоимения, выступая в роли сказуемого, могут приобретать лично-предикативные частицы. Чамаг сурххнь бив. "Тот, кто научит тебя - я". Тедниг шүүхнь чич. ^I "Тот, кто выигрывает у них - ты". Тедниг дилхнь - бидмдн. "Те, кто победит их - мы".

Лично-предикативная частица первого лица ед. числа может выступать в форме б, а во множественном числе в форме мдн /← мадн ~ бидн/. В этих случаях в словах с конечным н последние ассимилируются в м, а во множественном числе выпадает вовсе. Би терүне нүдмб "Я - его глаза". Бидн цуһар улачудвидн "Мы - все красные".

Несмотря на то, что лично-предикативные частицы носят в целом универсальный характер, они являются типичным грамма-

тическим свойством глагола. В отличие от имен, глаголы в форме времени и наклонения принимают личные окончания.

Структура калмыцкого глагола в личной форме состоит из следующих элементов: 1/корень или основа; 2/аффикс времени или наклонения; 3/лицевые показатели, или лично-предикативные частицы.

Аффикс времени обычно предшествует личному показателю: Би бичээнэв "Я пишу". Би умшлав. "Я читал". Чи ирхч "Ты придешь". Здесь аффиксами, обозначающими временные отношения, являются -жана, -ла, -х. Глаголообразующие суффиксы обычно следуют за именными основами, от которых образуются глаголы. Биди "Хар һазрт" үвлзүвиди. "Мы зимовали на "Черных землях". Здесь -з суффикс, образующий глагол, ү - аффикс недавно прошедшего времени, -види - лично-предикативная частица I-го лица мн. числа.

В тех случаях, когда аффиксы побудительного, страдательного, взаимного и совместного залогов встречаются в структуре глагола изъявительного или желательного наклонений, то они размещаются в строго последовательном порядке. За глагольной основой следует аффикс побудительного залога, затем - страдательного. После аффиксов времен следует личное окончание. Би умцулув "Я заставил прочитать". Би цокулгдлав "Я был избит". Би бйчүлгдсв "Я постараюсь подписаться". Аффиксы взаимного и совместного залогов в структуре глагола размещаются за его основой перед аффиксами желательного или изъявительного наклонений: Би зурлсв "Я желаю принять участие в рисовании". Чи умшлчхч "Ты примешь участие в чтении". Биди шин ду дууддувиди "Мы совместно пели новую песню".

Различные частицы, входящие в состав спрягаемого глагола, имеют свои закономерности в порядке размещения в нем. Они обычно следуют за временными аффиксами, но обязательно перед лично-предикативными частицами. Примеры:

I/ Подтвердительная частица -л: Би келнэлв "Я действительно говорю". Чи оньдин келнэлч "Ты всегда действительно говоришь". Та энугэн эртэс сурһжаналт. "Вы его действительно рано начинаете учить". Биди терүг үзхлвиди "Мы его действительно

увидим". Тер одах ирэд. "Он недавно действительно приехал". Та ора ирэдт. "Вы действительно пришли поздно". Как видно из этих примеров, частица -д расположена после аффиксов времен и перед лично-предикативными частицами.

2/ Отрицательные частицы -ш, -го /-уга ←үгэй/. Би келхив. "Я не скажу". Биди келдэхивиди "Мы не говорим". Та үз-дэхвт. "Вы не видите". Чи меддэхшч. "Ты не понимаешь".

Отрицательная частица -ш перед лично-предикативными показателями первого лица обоих чисел получает полногласный и. Эта частица встречается только с аффиксом будущего времени -х и в сочетании последнего с морфемой -жа /-жэ/, восходящей к сочетанию аффикса соединительного деепричастия -ж и вспомогательного глагола бэ "будь" /-а~э-бай/. Отрицательная частица -го обязательно требует перед собой частицу -ш. Сочетание двух отрицательных частиц -шго /-ш + -го/ не встречается при временных показателях. Когда они непосредственно сочетаются с глагольной основой, то выражают будущее время: Би үзигов. "Я не увижу". Биди умшшговиди. "Мы не будем читать". Та йовшгот. "Вы не поедите".

3/ Морфема -чк, восходящая к аффиксу соединительного деепричастия -ж и элементу -к вспомогательного глагола орк /←орки/, выражающая законченность действия, всегда ставится между глагольной основой и временным аффиксом. Би келчклев. "Я сказал". Биди күчэчквевиди. "Мы, оказывается, выполнили". Та умшчклат. "Вы прочитали". Чи некэдүр ирчкчч. "Ты послезавтра придешь".

Первое упоминание о лично-предикативных частицах, как об особом грамматическом явлении в калмыцком языке, дает В.Л. Котвич.² Более подробно излагает этот вопрос Г.Д.Санжеев.³ Он отмечает, что "Сказуемые первого и второго лиц обоих чисел независимо от того, выражаются они именем или глаголом, сопровождаются личными частицами, которые по своему происхождению являются личными местоимениями /первого и второго лиц обоих чисел/ с усеченными гласными."⁴

Изученные нами материалы показывают, что появление лично-предикативных частиц в калмыцком языке относится к сравнитель-

но недавнему прошлому. В "Грамматике калмыцкого языка" проф. А.Попова⁵ ничего не сказано об этих частицах. В текстах указанной грамматики⁶ встречаются предложения: Би гэр бариху буй^а. "Я построю дом". Би эсэ мэдэлэй.^б "Я не знаю". Би тоуни эрдами соносогсон бөлөгэ.^в "Я слышал о его достоинствах". Чи бичиг бичиху буй.^г "Ты будешь писать письма". Чи йуу кэжи байнай.^д "Что ты делаешь".

Во всех этих предложениях отсутствуют лично-предикативные частицы. В этом отношении указанная конструкция предложений без лично-предикативных частиц переключается с такими же типами предложений в современном монгольском языке.

Изложенное выше подтверждается также данными и из "Грамматики монгольско-калмыцкого языка" проф. А.Бобровникова. Здесь⁷ в текстах находим предложения: Би нигэ шубууни алабай^а "Я убил птицу". Би... абула.^б "Я взял". Одо: чи йуу кэлэнэм^в? "Теперь ты что скажешь?"

В старописьменных калмыцких текстах, в текстах и примерах, приведенных в указанных двух грамматиках, личные местоимения первого и второго лиц обоих чисел последовательно приводятся в конце предложений.

В грамматике А.Попова⁸ читаем: Дэгтэрэ:н олтола^а хайиху би."Я буду искать свою книгу до тех пор, пока не найду". /Здесь хайиху → хэ:хь "искать" в отличие от хайаху → хайхь "бросать". Үгэ:су чини дабан йадаба би^б. "Я не мог нарушить твоих слов". Теүни ирэкүйиги мэдэбэй би^в "Я знал, что он придет". Бичинэй чи."Пишешь ли ты". Мөңгө өгөнэй та."Дадите ли вы деньги".

Подобные примеры можно привести и из грамматики А.Бобровникова.⁹ Тэйимэ сайяхан йуума үзэ:д үгэй билэ: бида^а... Такого прекрасного мы еще ничего не видели". Эдэнлэ: дайилдайа бидэ^б. "Мы с ним сразимся". Нуур ту күрбэ бида."Мы достигли озера".

Во всех этих предложениях личные местоимения стоят в самом конце, непосредственно входя в состав сказуемого и выражают лицо субъекта. Неслучайно А.Попов констатировал, что "Спряжение в калмыцком языке называется изменение глаголов

по наклонениям и временам, лица же и числа определяются личными местоимениями.¹⁰

Встречается немало предложений, где при наличии личных местоимений, являющихся субъектом предложения, эти же личные местоимения дублируются в составе сказуемого, тем самым согласуя сказуемое с подлежащим в лице и числе. Би эсэ кэлэбей би.¹¹ "Разве я не говорил". Би йабулай би.¹² "Я ухожу".

Постпозиция личных местоимений первого и второго лиц обоих чисел в составе сказуемого для выражения лица и числа субъекта являлась установившейся грамматической формой в старописьменном калмыцком языке. Со временем указанная позиция личных местоимений позволяла им превратиться в лично-предикативную частицу.

Переход постпозитивных личных местоимений в лично-предикативные частицы, видимо, начался значительно раньше середины XIX века. Это можно заключить из примечания к § 280 грамматики А.Бобровникова,¹² где сказано: "Когда за этой формой /отрицательной частицей —ш Д.П./ следует местоимение би, последняя гласная причастия и гласная местоимения часто теряются, а буква ш принимает гласную и. Например, говорят мадэхшибь "Я не знаю", чидахшибь "Я не могу".

Уже к концу XIX века завершается переход постпозитивного би в бь, а затем в -в. Такой переход губно-губного смычного б в губно-губной щелевой -в обусловлен интервокальным положением согласного б. Как видно из приведенного примера, гласный и местоимения би сначала редуцировался, что отмечено твердым знаком /ь/, а затем вовсе выпал. В настоящее время лично-предикативные частицы -в /-би/, ч /-чи/, -т /-та/ не имеют после себя никаких гласных, вернее в потоке речи никакие гласные после них не произносятся.

Переходу постпозитивных личных местоимений в лично-предикативные частицы, на наш взгляд, в значительной мере способствовала система передачи повелительно-просительной формы глагола 2 лица через посредство личных местоимений чи "ты", те "вы". В грамматике А.Бобровникова приводятся такие примеры: йаба: чи, йабу: чи "иди", еге: чи, егей чи "дай", бичи:

чи, бичий чи "напиши", һуйһа: та "попросите". При этом утверждается, что "для местоимений чи и та эта форма не употребительна".

В настоящее время указанные сочетания произносятся так: йович "иди", өгич "дай", бичич "напиши", һуйит "попросите". Показатели $-ч$, $-т$ в составе $-ич$, $-ит$ восходят к личным местоимениям чи и та, а элемент и - это суффикс, образующий повелительно-просительную форму. Но он без этих частиц $-ч$, $-т$ не употребителен. Поэтому показатели $-ич$, $-ит$ должны рассматриваться как особые морфемы, образующие повелительно-просительную форму глагола 2 лица обоих чисел. Исторически, на наш взгляд, элемент и - результат метатезы -чи на -ич: кәлэ чи - кәлич, а форма $-ит$ - это закономерный процесс уподобления. Этому способствовала живая форма типа бичи чи.

Таким образом, спряжение глаголов в калмыцком языке оформляется по лицам при помощи частицы сказуемости. Часть речи, выступающая в предложении сказуемым, принимает личные частицы - показатели действия субъекта. Эти личные частицы, представляющие собой лично-предикативные частицы, присоединяются к любой сказуемостной основе без каких-либо изменений.

Переходя далее к освещению вопроса о категории времени в системе спряжения глагола, следует отметить, что в школьных учебниках по калмыцкому языку приводятся все три времени: настоящее, прошедшее и будущее. При этом констатируется, что настоящее время имеет две группы аффиксов: $/-на, -нэ; -жана, -жэнэ; -чана, -чэнэ/$, прошедшее время - три группы аффиксов: $/-в, -д ~ ч, -жа ~ жэ/$, а будущее время имеет аффикс $-х$. Эти аффиксы перечисляются не указанным трем временам без соответствующей дифференциации внутри этих времен в зависимости от тех оттенков значения, которые выражаются ими. Лично-предикативные частицы и аффиксы времен обозначены одним общим названием - суффиксы. Такая система передачи временных аффиксов глагола является, на наш взгляд, недостаточной с точки зрения развития логического мышления у учащихся.

Время глагола, как известно, является выражением отношения действия к объективной действительности. Иными словами,

грамматическая категория времени глагола связана с выражением объективного времени. Поэтому употребление временных аффиксов в точном соответствии с отражаемым ими отрезком времени и отмеченном значении играет важную роль. Существенное значение имеет также терминологическая точность передаваемого понятия.

Аффиксы -на и -нэ /по гармонии гласных/, будучи аффиксами настоящего времени, охватывают три аспекта совершения действия: действие, происходящее в момент речи, действие совершающееся безотносительно к моменту речи и действие, которое совершится в момент речи и состоится после момента речи, т.е. в будущем. Не случайно данный аффикс называется еще аффиксом настояще-будущего времени.

В тех случаях, когда глагол с аффиксом -на /-нэ/ выражает действие собственно настоящего времени, и конкретное действие происходит в момент речи, его можно назвать едгэ ил цаг "конкретное настоящее время". Сурһульч школэс аашна. "Школьник идет из школы". Та энд суунат. "Вы здесь сидите". Чи эн көвү меднэч. "Ты знаешь этого мальчика".

Если совершаемое действие носит общий и продолжительный характер, то оно не бывает связано с моментом речи, вернее, совершается безотносительно к моменту речи. Это время можно назвать едгэ йири цаг "обычное настоящее время". Эди шишлц ирнэ. "Они специально приходят". Тер йири келнэ. "Он обычно говорит". Көвүд ора ирнэ. "Ребята поздно приходят". Би оньдин оратнав. "Я всегда опаздываю".

Если действие совершается в момент и после момента речи, то такое время можно назвать едгэ-ирх цаг "настояще-будущее" время. Это относится к отдельным глаголам, которые могут одновременно выражать действие, связанное с настоящим и будущим временем. В этих случаях в зависимости от контекста уточняется характер времени. Минь ода бел кенэв. "Сейчас же приготовлю". Би меднэв. "Я знаю", "Я узнаю". Биди умшнавиди. "Мы читаем", "Мы прочитаем".

Следует здесь подчеркнуть, что глаголы, выражающие настоящее время посредством аффикса -на /-нэ/ и стоящие в первом

лице ед. и мн. числа, чаще других имеет указанную двойственную природу, т.е. выражают действие, носящее характер настоящего-будущего времени. При этом больше тяготеет к будущему времени. Сравните: Би умшнав. "Я прочитаю", но: Чи умшнач. "Ты читаешь". Тер умшна. "Он читает".

Глаголы с аффиксом -на /-нэ/ безусловно обозначают действие в настоящем времени. Но нам представляется целесообразным при изучении его в школах, особенно в старших классах и вузе, обращать внимание на указанные особенности с целью развития логического мышления у учащихся.

Глаголы с аффиксом -дана /-дэнэ/, -чана /-чэнэ/ выражают действия, происходящие в момент речи. Эти аффиксы образовались синтетическим способом от сочетания соединительного деепричастия на -д, -ч, вспомогательного глагола ба /-бай/ "быть" и наращенного аффикса времени -на /-нэ/. Вспомогательный глагол ба в дальнейшем развился в -э /-а/. Схематически это выглядит так: -д /-ч/ + э /-ба/ + на → -дэнэ - в словах с гласными переднего ряда, -дана - в словах с гласными заднего ряда.

Таким образом, аффикс соединительного деепричастия знаменательного глагола -д /-ч/ и сокращенная форма вспомогательного глагола -а /-э/ образуют сложный аффикс -да /-дэ/, -ча /-чэ/: суужа "посади", келда "продолжай говорить". При дальнейшем наращении к ним аффикса -на /-нэ/ образуется сложный суффикс настоящего времени: -дана /дэнэ/, -чана /чэнэ/: харчана /хар + ч + а + на/, келдэнэ /кел + д + э + нэ/.

Аффикс -чана /-чэнэ/ наращивается к основам глаголов с конечными глухими согласными ш, с независимо от того, имеют ли или не имеют после них редуцированные гласные, а также после звонких согласных г, р, в /-б/, которые в конечной позиции слова обычно оглушаются: өгчэнэ "дает", босчана "встает", ташчана "дает оплеуху", умшчана "читает", сурчана "учатся", курчэнэ "доходит", авчана "берет".

К глагольным основам, имеющим в своей конечной позиции все остальные согласные и гласные, наращивается аффикс -дана /-дэнэ/. В глаголах, с конечными редуцированными гласными ос-

новн, перед которыми имеются согласные р, г, в наращивается то же аффикс -дана /-дэнэ/: сурдана "спрашивает", кургдэнэ "отвезит", шивдэнэ "бросает".

Прошедшее время /енгрсн цаг/, как было сказано, имеет три аффикса -в /~у,-ү/, -д /-ч/, -да /-дэ/. Посредством этих аффиксов выражается время действия, предшествующего моменту речи. В семантическом отношении глаголы в зависимости от того, какие из этих аффиксов имеют, показывают различный отрезок прошедшего времени.

1. Недавнипрошедшее время /ода енгрсн цаг/ передается посредством аффикса -в, /~у,-ү/. Данный аффикс выражает действие, которое произошло только что, недавно, ближайшее к моменту речи. Это время выражает законченность действия. Би суув. "Я сел". Чи түүвч. "Ты собрал". Та кээвт. "Вы прогнали". Би умшув. "Я прочитал". Биди бичувиди. "Мы написали". Чи ирүч "Ты пришел". Та мэдүт. "Вы узнали". Тер кэлв. "Он сказал". Теди кэлв. "Они сказали".

Аффикс прошедшего времени -в, будучи между глагольной основой с конечным согласным и лично-предикативными частицами первого и второго лиц обоих чисел, перешел в губной -у /-ү/. Это положение закреплено в письменности. Би келүв. "Я сказал". Биди умшувиди. "Мы прочитали". Чи бичүч. "Ты написал". Та ирүт. "Вы прибыли". Но: Би суув "я сел". Чи суувч "ты сел". Биди түүввиди "мы собирали". Та түүвт "вы собирали".

2. Обычно прошедшее время /дирин енгрсн цаг/ передается посредством аффикса -д /-ч/. Данный аффикс омонимичен с аффиксом соединительного деепричастия. В старописьменном калмыцком -ди /-чи/, а старописьменном монгольском -хухуй /-чу-хуй/.

Глагол с аффиксом -д /-ч/ выражает действие, которое является обычным в прошлом, общеизвестным, само по себе разумным, иногда неожиданным и нечаянным. Употребляется при сиряжении, как и другие аффиксы времен, в первом и во втором лице обоих чисел. Хур орд. "Дождь пошел". Гер бэрд. "Дом построили". Би умшдв. "Я, оказывается, прочитал". Чи ора ирдч. "Ты поздно приехал". Гентки модн матд. "Неожиданно загорелось де-

рево".

Этот аффикс широко употребляется в повествовательной форме речи, часто встречается в калмыцких сказках.

Между частицей совершенного вида -чк и аффиксом -д /-ч/ употребляется полногласный и: умшчккжд "прочитал", келчккжд "сказал". Би шуучккжд "я выиграл". Биди дийлчккждвиди "мы победили", чи медчккждч "ты действительно узнал".

На правописание аффиксов -д и -ч при их наращении к тем или иным глагольным основам распространяются изложенные выше правила в отношении аффиксов -жана и -чана.

3. Давнопрошедшее время /урд өдгрсн цаг/ передается посредством аффикса -да /-дә/. Данный аффикс показывает, что действие закончилось значительно раньше по отношению к моменту речи. Би келдв. "Я говорил". Биди эрт ирлөвиди. "Мы рано приехали". Чи зург зурлч. "Ты писал портрет". Та кезэнэ белдлэт. "Вы давно подготовили".

Глагол с аффиксом -да /-дә/ выражает обычно действие прошедшего времени, законченность которого несомненна или разумеется сама по себе. Вместе с тем для передачи значения завершенности действия употребляется также морфема -чк, природа которой указана выше: Би медчккв. "Я узнал". Та умшчкклат. "Вы прочитали". Биди зурһан куцэчккөвиди. "Мы выполняли план".

Будущее время образуется посредством аффикса -х. По своей форме данный аффикс внешне не отличается от аффикса причастия будущего времени, так как исторически он восходит именно к этому аффиксу. Со временем в живом языке калмыков произошла дифференциация глагола будущего времени от причастия будущего времени, но морфемный показатель остался тот же самый. Эти формы теперь должны рассматриваться как омонимичные показатели, несущие различные морфологические функции.

Основное отличие глагола будущего времени от причастия будущего времени заключается в следующем:

I. Будущее время изъявительного наклонения глагола, переданное посредством аффикса -х, обладает способностью, как любые глаголы, присоединять к себе лично-предикативные частицы. Би келхв. "Я скажу". Биди йовхвиди. "Мы поедем". Та сурһулъ

сурхт. "Вы будете учиться". Чи багш болхт. "Ты станешь учителем". Теди ирцэх. "Они придут".

2. Глаголы будущего времени, образуемые посредством аффикса **-х**, могут сочетаться с различными частицами: Би юмд Йовхар бээхши. "Я никуда не собирался ехать". Чи теруг кулэшгоч. "Ты его не подождешь". Эн кевүн сонъя ээцг келхлмн. "Этот человек действительно сообщит интересную новость".

Из изложенного напрашивается вывод, что глаголы будущего времени в отличие от причастий будущего времени отвечают на глагольные вопросы, я будучи сказуемым, согласуется с подлежащим не только во времени, но и в лице и числе.

Что касается причастий будущего времени, образуемых посредством аффикса **-х**, то они, сочетаясь с именами, становятся определением к последнему: Умшх дегтр. "Книга, которая будет прочитана".

Эти же причастия, сочетаясь с модальными словами, вспомогательными глаголами образуют составные сказуемые. Если глагол занимает всегда постпозитивное положение, то причастие будущего времени, как и любые другие причастия, занимает препозицию. Бидн дийлвр деддх йоставидн. "Мы должны обеспечить победу". Би эн дегтр умшх билэв. "Я бы прочитал эту книгу".

К сказанному выше следует добавить, что синтетический способ образования глаголов и спряжение глаголов в этой форме является более распространенным. Наряду с этим способом образования глаголов, наличествует еще аналитический способ. Аналитические формы являются более ранними, и они образуются обычно из двух, а иногда трех глаголов. Ачлвринь бэрүлж эгч бээне. "Вручают награду". Сурһульчиг сүндлж авч ирлэв. "Школьник привез я верхом на лошади". Бичэчиг тосч авхвидн. "Мы встретим писателя".

Во всех указанных случаях изменяется по временам и лицам последний компонент в форме глагола, а остальные глагольные формы, входящие в состав сказуемого, остаются без изменения в деепричастной или причастной основе. Это положение распространяется на имена, входящие в составное сказуемое. Би энүгичи медулси бээжв. "Я, оказавшись, дал об этом понять". Та

Илр күчтэ бээжт. "Вы очень сильны". Чамаг ирхд, би унтсн билэв. "Когда ты пришел, я уже спал".

Следует здесь отметить, что из вспомогательных глаголов самое широкое распространение имеет бээх "быть". Он употребляется во всех временах и лицах. Вспомогательный глагол билэ "был" употребляется только в прошедшем времени в сочетании с причастиями или именами. Эн шатрчиг би түрүн шүүдг билэв. "Этого шахматиста я быстро выигрывал". Боргчи - хурди мөрн билэч. "Серуха, ты была быстрая лошадь". Вспомогательный глагол орх "положить" спрягается в прошедшем и будущем временах только в сочетании с соединительным деепричастием. Келд орхав. "Я сказал". Умшд орхч. "Ты прочитаешь". Шулунар күцэд орхна. "Быстро выполняет".

Публикуя эту статью, автор ставил своей целью оказать возможную практическую и методическую помощь учителям, преподающим калмыцкий язык.

Ниже прилагаются таблицы спряжения глаголов калмыцкого языка.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ /Үүлдэгчин хуврт/
Настоящее время /Өдгэ цаг/

Показатели	Настоящее время /Өдгэ цаг/		Лично-предикативные частицы /Нүр хувс/	
Аффиксы				
число /то/	лицо /нүр/	-на, -нэ	-жана, -жана -жэнэ, -чэнэ	
Единственное число	би	умшнав бичнэв	оржанав иржэнэв	һарчанав күрчэнэв
	чи	умшнач бичнэч	оржанач иржэнэч	һарчанач күрчэнэч
/Нег то/	тер	умшна бичнэ	оржана иржэнэ	һарчана күрчэнэ
Множественное число	бидн	умшнавидн бичнэвидн	оржанавидн иржэнэвидн	һарчанавидн күрчэнэвидн
	та	умшнат бичнэт	оржанат иржэнэт	һарчанат күрчэнэт
/Одн то/	тедн	умшна бичнэ	оржана иржэнэ	һарчана күрчэнэ

Прошедшее время /вигрос цаг/

Показатели	Некандо про- шедшее /Ода вигрос/	Одично прошедшее /Идрия вигрос/	Время /цаг/	Два прошедшее /Урд вигрос/	Лично-предл- кальские частичи /Нур хувс/
------------	--	------------------------------------	-------------	-------------------------------	---

Аффиксы

Число	лицо	-в, -у, -ү	-д, -ч	Аффиксы	-да, -да	-в
Кандо- Венное чис	бл	суудв умшув бмчүв	суддв оржв идрв	кедв нерчв күрчв	суудав ордав идрав	-в
/Нер то/	чл	суудвч умшувч бмчүч	суддвч оржвч идрвч	кедвч нерчвч күрчвч	суудавч ордавч идравч	-ч
	теп	суудв умшув бмчүв	суддв орж идрв	кед нерч күрч	суудав ордав идрав	-
Мно- кест- венное /Ода то/	блнл	суудвдл умшувдл бмчүвдл	суддвдл оржвдл идрвдл	кедвдл нерчвдл күрчвдл	суудавдл ордавдл идравдл	-длнл
	тв	суудвт умшувт бмчүвт	суддвт оржвт идрвт	кедвт нерчвт күрчвт	суудавт ордавт идравт	-т
	тедл	суудвд умшувд бмчүвд	суддвд орж идрв	кед нерч күрч	суудавд ордавд идравд	-

Примечание: Аффикс законченности действия -чк употребляется в глаголах прошедшего в буду-
дее время. Размещается после глагольной основы, но при наличии аффикса -тхв
/-тхв/ после его: идрвч, идрвчк, идрвчдл, идрвчдлч, суддвччк, умшувччк.

Примечание: Аффикс множественного числа глаголов **-чих /-чихе/** размещается в середине составного аффикса **-дана, -чана, т.е. так -дэчихана, -чэчихана /умичэчихана, кэдэчихэна/.**

Будущее время /Ирх цаг/

Показатели		Будущее время /Ирх цаг/			Лично-предикативные частицы /Нур хүвс/
		Аффикс			
		-х			
число /тө/	лицо /нур/				
Единственное число	би	суухв көхв	умихв бичхв	хурхв күлэхв	-в
	чи	суухч көхч	умихч бичхч	хурхч күлэхч	-ч
	төр	суух көх	умих бичх	хурх күлэх	-
Множественное число	биди	суухвди көхвди	умихвди бичхвди	хурхвди күлэхвди	-вди
	та	суухт көхт	умихт бичхт	хурхт күлэхт	-т
/Одн тө/	теди	суух көх	умих бичх	хурх күлэх	-

-
- I На письме является омонимом слова чич "ударь". Но данный вариант произносится как чичь. Здесь ь - редуцированный гласный
 - 2 Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915, с.104-105
 - 3 Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Д., 1940, с.83
 - 4 Там же, с.83
 - 5 Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1947
 - 6 Там же, с. а-143, б-157, в-160, г-142, д-154
 - 7 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1949, с. а-237, б-246, в-217
 - 8 Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1947, с. а-145, б-156, в-200, г-154, д-154
 - 9 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1949, с. а-140, б-262, в-269, г-177, д-355
 - 10 Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1947, с.173
 - II Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1949, с.177, а-355
 - 12 Там же, с.153

1. Повелительное наклонение /императив/

Повелительное наклонение халхаского наречия можно обнаружить как в письменном языке¹, так и в других известных монгольских диалектах и наречиях². Но ничто не свидетельствует о наличии суффикса в этой форме.

Повелительное наклонение без окончания все-таки является общим свойством современных монгольских языков и древне-монгольского языка. Повелительное наклонение считается той формой, от которой образуются все другие глагольные формы путем присоединения соответствующих суффиксов.

Это в какой-то степени верно только в том случае, когда перед обучающимся хотят непосредственно "образовать" формы спряжения, рассматривая их исторически, как уже существующие и образованные не от повелительного наклонения.

Все же прежние грамматиксты считают эту форму только

* Настоящая публикация является извлечением из труда выдающегося финского монголоведа Г.И.Рамстедта "Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors. 1903."

Известный алтаист Г.И.Рамстедт исследовал глагольные формы халхаского наречия монгольского языка в сравнении с другими монгольскими, а также тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Существующие различия в терминах, выражающих одни и те же понятия, между автором данной публикации и авторами монголоведных лингвистических трудов позднего периода, объясняются разницей во времени.

Необходимость публикации настоящего исследования вызвана тем, что названная книга Г.И.Рамстедта в настоящее время стала библиографической редкостью.

Перевод с немецкого на русский язык осуществлен преподавателем немецкого языка Казанского государственного университета Г.С.Биткеевой.

как форму единственного числа, подобное ограничение не оправдывается ее употреблением на письме, когда эта форма выражает приказ, направленный к одному или нескольким лицам³, а еще меньше не оправдывается ее употреблением в современных диалектах. Как известно, подобная, бессуффиксальная форма повелительного наклонения имеется также в тюркских и маньчжурских языках.

И. Побудительное наклонение. / ПРЕСКРИПТИВ /

Из окончаний побудительного наклонения, заднеязычного ряда - $\bar{a}r\bar{a}$ и переднеязычного - $\bar{e}r\bar{a}$, первый восходит к более древнему - $\bar{a}rai$ ⁴.

Согласно фонетическому закону, ему, т.е. - $\bar{a}rai$, параллельно противопоставляется переднеязычный - $\bar{e}rei$, который в современном языке встречается как - $\bar{e}r\bar{i}$, Окончание - $\bar{e}r\bar{a}$ является возмозможим, опирающимся на - $\bar{a}r\bar{a}$ и в обоих случаях мы имеем один и тот же главный - \bar{a} , как в - $\bar{a}r\bar{a}$ и - $\bar{e}r\bar{a}$, так и в - $\bar{a}r\bar{a}$.

Более древний халхаский суффикс - $\bar{a}rai$ встречается в этой или соответственно в подобной звуковой оболочке во многих бурятских диалектах и даже в камыцком. Кастрен⁵ /стр. 44 ГЗЛ/ описывая следующее о бурятском языке: "Наряду с окончанием повелительного наклонения - $i\bar{a}$ встречается диалектное - rai у глаголов, оканчивавшихся на гласную или на согласные t , r , t , s , при этом выступает форма - $\bar{a}rai$ и - $\bar{e}rei$ ". Приведенные им примеры⁶ однако не обнаруживают ни - rai , ни - $\bar{a}rai$, ни - $\bar{e}rei$: $a\bar{l}\bar{a}rai$, $pe\bar{m}\bar{e}rei$, $\bar{o}rg\bar{o}r\bar{o}i$, $\bar{a}i\bar{g}\bar{a}rai$. Орлов⁷ пишет, например, $a\bar{l}\bar{a}rai$, однако это можно читать также и как $a\bar{l}\bar{a}rai$, потому что не принято в должной степени во внимание количество /гласного/; но ведь встречаются, например, также $abu\bar{r}\bar{a}i$, $ga\bar{r}\bar{u}k\bar{a}i$, $\chi\bar{u}r\bar{u}l\bar{e}i$, которые действительно выступают как примеры с окончанием - rai .

В бурятской сказке, записанной молодым исследователем А. Рудневым, я нашел написание $abu\bar{g}\bar{a}ra$ ⁸, которое опять-таки свидетельствует о существовании варианта - $\bar{a}ra$ /или

точнее - $\bar{a}r\bar{a}$?/. Из калмыцкого языка до сих пор только известен - $\bar{a}r\bar{a}i$ ⁹. Встречаются ли эти изменяемые формы также и в других диалектах, например, в южномонгольском, я еще не могу это утверждать. В ранних литературных трудах они не встречаются, также и в более поздней литературе. Вышесказанное пока недостаточно освещает лишь вопрос об общности и распространении прескриптива внутри монгольского языка.

То обстоятельство, что его существование не доказано в южномонгольском языке, обращает на себя внимание северной языковой сосед - якутский язык. Там имеется императив /повелительное наклонение/ на - $\bar{a}r$ и - $\bar{a}ryi$ где - $y\bar{i}$ является усиливающим значение конечным звуком ¹⁰. Подобные усилители встречаются в конце слов и предложений, являются обычными и в монгольском языке ¹¹ и тогда - a в - $\bar{a}r\bar{a}$, - $\bar{e}r\bar{a}$ можно также рассматривать как застывший здесь конечный звук.

Это предположение достаточно подтверждает появление - \bar{a} /или - \bar{e} , $nem\bar{e}r\bar{e}$ у Кастрена/ вместо ожидаемого - \bar{i} . Здесь следует учесть еще одно обстоятельство. Во многих бурятских диалектах ¹² встречается подобное образование во множественном числе от прескриптив, особенно в тех диалектах, где бенедиктив как форма множественного числа отнесена к повелительному наклонению; итак, $ala : ala\chi\bar{t}ui = al\bar{a}rai : al\bar{a}rtui$. Как видно, ко времени образования слов типа $al\bar{a}rtui$ только форма $al\bar{a}r$ воспринималась как прескриптив ¹³.

Так как со всей очевидностью мы можем написать * $\bar{a}r$ / - $\bar{e}r$ / как "основную форму" в - $\bar{a}r\bar{a}$, - $\bar{e}r\bar{a}$, поэтому этот суффикс совершенно совпадает с якутским суффиксом повелительного наклонения. Если написание, согласно Орлоу $garur\bar{a}i$, $d\bar{u}r\bar{u}r\bar{e}i$ и др. является правильным, то в монгольском языке предполагается /существование/ второй, "основной формы" - r . Нет необходимости останавливаться подробнее на данном исследовании о существовании этого суффикса - $r \sim -\bar{a}r < -\chi ar$ в тюркско-татарских диалектах, так как Бётлинг ¹⁴ уже сравнил эти якутские и монгольские формы

повелительного наклонения о уже известными "причастиями настоящего времени" и "временными основами" на (-y)-r~(y)-z для "настоящего" и -ar~-az для будущего¹⁵. Как свидетельствуют эти языки, первоначальный суффикс -r / ~-z / и тюркский -a-, монгольский -ya относятся к первоначальной глагольной основе /см. ниже опитатив -желательное наклонение/. Сюда относится, конечно, также "причастие настоящего времени" на -ra / -re , -ro / o предшествующим гласным в маньчжурском и нерчинско-тунгусском языках¹⁶. В маньчжурском языке¹⁷ этой глагольной форме придается часто значение императивного или, точнее, значение повелительного наклонения будущего /в будущем времени/. В других тунгусских диалектах встречается много рода претеритивный суффикс -ri /суффикс -ri¹⁸ для обозначения прошедшего времени/, потому есть вероятность, что маньчжуро-нерчинское "причастие настоящего времени" развивалось под влиянием монгольского и даже монголо-тюркского происхождения. Противопоставление тюркского -ar и маньчжурского -ra является неверным и частично необоснованным. Это противопоставление выявлено еще Фр. Мюллером в его "Очерках", II 2 с. 264.

Одновременно следует отметить, что в монгольском языке сюда еще относятся сплунум - отглагольное окончание -r -a , который упоминался до сих пор только в староперсидском языке и правильно идентифицировался еще Бобровниковым¹⁹ с тюрко-татарским "инфинитивом" на -ra / = дат.пад. от -r - именного/, а также "preparative герундий" на -run или -r -un , который считается как родительный падеж того же самого -r -²⁰, что на деле может быть только именительным падежом. Кстати невозможно обнаружить в монгольском языке генитив /родительный падеж/ употребленный как наречие и мы до сих пор имели дело с вторичным образованием основы. Окончание -un = -ün является как в монгольском, так и в маньчжурском языке, таким частым вторичным явлением именных форм, что нет необходимости об этом говорить подробно. См. некоторые примеры у Радлова "Фонетика", § 295,

Что обобщить вышесказанное, мы можем констатировать существование в халхаском побудительном наклонении маньчжуро-монгольско-тюркского первоначального суффикса $-r / \sim -z /$ и наличие дополнительной $s-\gamma a$ /маньчжуро? $-/$ монголо-тюркской глагольной основы. О конечных $-ai \sim -a$ в конце слова ом. желательное наклонение /оптатив/ и временные формы.

III. Сослагательное просительное наклонение / ПРЕКАТИВ /

Как своеобразная синтаксическая особенность сослагательного просительного наклонения упоминается энклитическое присоединение к нему личных местоимений $t\dot{s}i$, ta ²². Подобное употребление личных местоимений, когда совершенно очевиден переход $t\dot{s}i > -t\dot{s}$, $ta > -t$, реже $bi > -p$, $bi\dot{n}$ / $\text{Дэ} / > b\dot{n}\dot{a}$, можно наблюдать и у других форм слова, но ни в коем случае не общепринятых. Я написал очень мало таких примеров, как nas $\chi\dot{e}v$ $\chi\dot{u}r\dot{e}-p-t\dot{s}$ 'Сколько тебе лет' и $arwvn-na\dot{e}mp$ $\chi\dot{u}r\dot{e}-w\dot{i}-p$ 'Мне 18 лет /по монгольскому исчислению, по нашему же 17 лет/'.
Здесь в халхаском наблюдаются отдельные случаи уже древнего и в то же время обновляющегося явления. Энклитическое становление основывается здесь на добавлении, которое вносит уточнение объясняющих слов, как это имеет место во всех языках, а в монгольском также подчеркивает это и подлежащее, например, $eng\dot{a}d\dot{z}$ $\chi\dot{e}ll\dot{e}d\dot{z}$ $\chi\dot{a}v$ 'так сказал он, а именно Хан' = 'так сказал Хан' bi $jawv$ n bi 'я иду, я'-'я иду'. Выдыхание потока воздуха и связанный с ним глубокий регистр вызвали в обычных случаях как следствие фонетического характера ослабление и исчезновение гласных.

Это особенное явление в бурятских диалектах, где они чаще всего уже обобщены, поэтому легко наблюдать за ними, именно на этом явлении основано также и "личное спряжение" многих других языков. По какой-то еще неясной причине /бурятское влияние²² просящего тона?/ такие добавления стали обычными также и в халхаском сослагательном просительном

наклонении.

Что касается самого сослагательного просительного наклонения, то он стал известен из бурятского с одинаковым употреблением и значением. По Кастрену, его окончанием является $-is$ /неточно для $iš$ /, по Орлову, в ед.ч. $-yš$ и $aiš$, $eiš$, во мн.ч. $-yt$ и ait , eit . Более ранние работы не обнаруживают таких форм и в калмыцком, я их тоже не нахожу, чтобы они где-то упоминались. Если бы положение Бобровникова оправдалось относительно $ya - bu - hai$ в документах Дармабала и Буянту²³, то можно было бы это сослагательное просительное наклонение признать также и как ижно-монгольское, но, к сожалению, это не имело места. Возможно, что будущие исследователи обнаружат эту глагольную форму также и в других монгольских диалектах.

Если отделить от $-ā$ $-tš$, $-aiš$, $-yš$ и $-āt$, $-ait$, $-yt$ "личное окончание" $-š$ и $-t$, то окончанием сослагательного просительного наклонения везде будет $-ā \sim ai$ / $\sim i < *ai$ /. Это окончание долгого гласного, как и другие, восходит к $*ya \sim *yai$, который подвергся стяжению с конечным звуком основы; после долгого гласного стало $-ya > -g_a$, которое изменилось в $-g_ā$ при установлении формального единства. Вопрос заключается в том, является ли это окончание первоначально конечным гласным $-ā \sim -ai$ межтометного происхождения, тогда бы эта форма была = /равнозначна/ повелительному наклонению с $ā$ / $\sim ai$ в бурятском/, или является ли долгий гласный особым глагольным образованием, тогда бы мы имели основу потентатив в повелительном наклонении²⁴.

Эти вопросы являются весьма трудными, чтобы решить их сегодня, имея скудные знания о монгольских диалектах. В пользу последнего предположения говорит упомянутое Бобровниковым отрицательное образование повелительного наклонения $ya - ba$ / $-bā$ /, которое не встречается в калмыцком языке, которое употребляется "всегда" с "личным окончанием", так как оно предполагает якобы особую основу²⁵. В пользу первого предположения говорят одинаковые формы и значения

этого ослабительного просительного наклонения с якутским усиливающим повелительным наклонением на -yī, -ii, -ui, -üi, которые содержат по Ястремскому ²⁶ /"вопросительную частицу"/?. Срав.: бурят. jab-ai : jabār-ai с якутским bys-yī : bysār-yī.

IV. Бенедиктив

Это наклонение нам известно из многих диалектов. В бурятском оно является обычной глагольной формой, его употребление и значение не такое деликатное как в халхаском. В некоторых бурятских наречиях, по Кастрену²⁷ и Орлону²⁸, формы на -tui и -xtui с ta ассоциируются с подлежащими, с повелительными наклонениями, для которых šī (= халх. tši) мыслится как подлежащее и потому выдается за 2-ое лицо мн. числа повелительного окончания. Прескриптив сконбинировано с окончанием бенедиктив во 2-ое лицо множественного числа Прескриптив. Предикательное наклонение: итак, после ab : abtui, также *abār : abārtui или после ab : abuxtui, а также abārai : abāraixtui. В калмыцком языке бенедиктив образуется с -tun, -tan, а на письме передается монгольской орфографией²⁹. А также в подговорах находятся примеры бенедиктив на -tun /-ton / в /Рухсат/ Кетона "позвольте мне" / Phrase # 26/.

Во всех диалектах, наверняка, есть примеры, в которых окончания бенедиктив восходят к более древним *gtun и *gtui. Подобные окончания, являющиеся основными формами суффикса в халхаском наклонении бенедиктив, и регулярно заменяются на -xtun > tʰ а также *xtui > tʰi, часто встречающихся на письме, а от них заимствованы -atʰ, -atʰi, которые относятся к более высокому стилю. Но встречается также и другое правописание, как -dʰun, -gdʰui, -daʰui и -taʰui³⁰. Какие из этих пестрых орфографических вариантов относятся к старописьменному языку и какие припадают к разговорному диалекту или же являются только орфографическими мудрствованиями, почти невозможно установить. Однако верно то, что -gdʰui полностью совпадает

с именным будущим основы страдательного залога на -гда - и не отталкиваются друг от друга и правильно или неправильно на это, но они идентифицируются³¹. На этой идентификации основываются также -daqui или taqui, из которых последняя, также как и tuqui, может быть неверной реконструкцией. Следовательно бы еще спросить, является ли на деле бенедиктив только эманированным именным будущим основ страдательного залога. На этот вопрос следует ответить отрицательно, так как едва ли возможен этот переход -гдаqui или -гдаqui > -at'i. Возможно, что -гдаqui /гдаqui/ можно было бы сместить в -at'i, но тогда следовало бы ожидать долгое -adū /или -adā /³². Скорее всего -at'i может быть сослагательным - волеизъявительным /желательным/ наклонением: ta jawat'i = ta jawat'i 'Вы должны быть выжили'. Значение подходит хорошо, тогда вариант -at'o остается недолгим, хотя употребительным, и примеры можно привести из более ранних времен. В Дамь-Час-Ми-Ши мы находим один за другим формы бенедиктива, на -dun и -gtun, формы которых не восходят к сослагательному-волеизъявительному наклонению. Мнение Кастрена не является убедительным, что -ktui якобы образовано от "3-го лица", т.е. нашего уступительного, потому что уступительное первоначально оканчивалось на -gi, и вторичное -tun ~ -tui также не доказано. В отношении истории этого окончания имеются разные варианты - *g.tun ~ *g.tui восходит к одной форме /ср. именное будущее *-kun ~ *kui ~ *ku, желательное наклонение - *sun ~ *sui ~ *su, волеизъявительное -ju ~ фактически / а /-jun и др. В якутском есть повелительное наклонение /3 л., ед.ч./ на -yahtun, -iahtin³³ и др. По Белянгу эта якутская глагольная форма образовалась из именного будущего на -yaq и личного окончания -tun / тюркско-монгольское -sun /. Если это действительно так, то эти образования не имеют ничего общего друг с другом, так как для якутского именного будущего нет эквивалента в монгольском языке и невозможно рассматривать как заимствованный из якутского старый и широко распространенный бене-

ДЛЯТЯВ.

История бенедиктив мне еще не ясна, несмотря на много точек соприкосновения.

У. Уступительное наклонение / КОНДИССИМ /

Уступительное наклонение имеется не только в халхаском, но и в бурятском, где его окончание -gi или -k³⁴-gi. В письменном монгольском языке и в казахском уступительное наклонение не обнаружено. Эту глагольную форму называют в грамматиках "3 лицо ед.ч. повелительного наклонения", что не относится к халхаскому языку и не является для бурятского. "Я" и "мы", а также "ты" и "вы" или "Их" могут быть в некоторых случаях рассматриваются как подлежащее³⁵.

Уступительное наклонение пока что утверждается только как северомонгольская глагольная форма. Кроме монгольского оно еще встречается в тунгусском, члн - gin , - kin множ.члн - gitin , - kitin³⁶ совершенно совпадают с халхаским - gi . Даже с этим /клинками/ адекватными маньчжурские -ki и -kini , которые образуют по Захарову повелительное наклонение "2" и "3" го лица³⁷, в действительности же имеются примеры для всех лиц. В наличии этимологической связи между тунгусско-маньчжурским и халха-бурятским уступительным наклонением я совершенно уверен, хотя я не могу сказать в каком языке оно является первоначальным. Говоря о других сходных контактах, можно будет принять такое первоначально общемонгольскую форму на - gi и можно, вероятно, говорить о связи этой глагольной формы "в распространенном повелительном наклонении" на -gil /-yil , -kil qul / или -gir / -yur / и т.д. в тюркских языках³⁸.

УІ. Желательное наклонение / СИТАТИВ /

Из современных окончаний желательного наклонения -āzā и -ās³⁹ более ранним считают -āsai , так как конечный -ā в словах с гласным заднего ряда всегда образован от -ai . Напротив, -ēsā не происходит из соответствующего -ēsei /, -ei , дает -i , см. в SU § 58,2,

-а базируется на близком прищипывании к гласному заднего ряда - $\bar{a}s\bar{a}$, таким образом, - $\bar{a}s-\bar{a}$ и $\bar{e}s-\bar{a}$ /сравни. прескриптив/.

В литературе желательное наклонение $jaw\bar{a}s\bar{a}$ встречается в различных формах с написанием 1/ $jabusai$, $jabasai$, 2/ $jabusasai$, 3/ $jabusuqai$ и 4/ реже $jabusasugai$. Очевидно, что все эти орфографические обозначения для - $\bar{a}s\bar{a}$, $\bar{a}s\bar{e}$ калхаского совершенно верны. В калмыцком также встречается желательное наклонение на - $\bar{a}sai$, - $\bar{e}sei$ и Кюстрен нашел в бурятском "условное" на - $\bar{a}ha$ /? а также - $\bar{a}h\bar{a}$, - $\bar{e}h\bar{e}$ /⁴⁰. На существование желательного наклонения в различных независимых монгольских диалектах уже, конечно, указано, и мы можем эту глагольную форму признать как общемонгольский языковой запас.

Наряду с - $sugai$ на письме в том же самом значении встречается более короткий - su , который идентифицирован еще Шмидтом⁴¹ с вариантом - $sugai$. Этот - su известен также и в бурятском, но отличается от - $\bar{a}sai$ тем, что ему предшествует краткий гласный, т.е. $jab\bar{a}ha$ но $jabuhu$, $nem\bar{e}he$ но $nemehu$. То же самое имеет место в калмыцком, где $\bar{o}g\bar{o}s\bar{o}i$ и $\bar{o}g\bar{e}i$, $jab\bar{a}sai$ и $jabusu$ противопоставляются друг другу. Так как и письменному языку свойственно это суффиксальное образование с отсутствием гласного, что подтверждается $\bar{o}gs\bar{u}gei$ и $\bar{o}gs\bar{u}$, $bolsugai$ /наряду с $bolsugai$ / и $bolsu$ и др. Появление - a является особенно частым в Юан-Чоу-биши, например, $a-sa-khu-ha-su$ 'если спрашивают', $\bar{o}-gu-he-su$ 'если дают' и другие подобные встречаются в позднем монгольском письме, например, $b\bar{u}ges\bar{u}$ 'Если это есть' ижнмонг. $\bar{v}\bar{o}s$, $b\bar{o}s$. И если я еще упомяну, что в некоторых брошюрах из Алашана имеются вместо - su и - $sugai$ обычными являются окончания - sun и - sui ⁴², тогда мы можем обобщить с следующим образом относящиеся сюда словоформы, которые существуют в письменном и в разговорном монгольском языке:

I. C - a su / - sun , - sui /: а/ пишется ja-

бузу , произносится jabusu ; б/ пишется ja-bu-
 ha-yu , произносится jabāsu
 2. С -^{*}суха или -^{*}сухай : а/ пишется jabasaɣai ,
 произносится jabusa /бурятский/; б/ пишется jabuɣa-
 suɣai < ^{*}jabuɣasuyai халх. jawāsā

Для желательного наклонения и ему подобных образований /волинтативного, повелительного наклонений I и 3 лица условного/ имелись две основы в общемонгольском языке а/ коренная основа ^{*}jabu- и б/ расширенная основа потенциал jabuɣa- , пишется jabuɣa- , новомонг. jabā- и два суффикса: I/ -^{*}su наряду с -sun и -sui и 2/ расширенное с помощью ai ~ yai - suyai . Вариация основ ^{*}jabu ~ jabuɣa известны нам из побудительного наклонения и, вероятно, имеются также в бурятском именном перфекте jabāsaɣ . Довольно редким оно является в монгольском языке, но чаще встречается в тюркских языках, где тоже они трудно объяснимы, как и в монгольском языке⁴³. Поэтому мы должны довольствоваться упоминанием этого монголо-тюркского соответствия. Суффиксы -^{*}su / -sun , -sui / и -^{*}суɣa(i) > -sā, -sai распространены во многих областях. Наряду с -su , -sun имеются: в тюркских языках -sun / -syn, -sün, -sin /, основная форма это -sun , которая встречается как окончание 3 лица единственного числа повелительного наклонения и может иметь звучание в алтайском и койбальском языках⁴⁴ -zen , -sen и т.д., в якутском⁴⁵ -dun , -tun и т.д., далее -su ~ -so в маньчжурском, которые должны обозначать окончание повелительного наклонения и образуют довольно обычную глагольную форму⁴⁶. Расширенное -^{*}суɣa > -sā встречается также вне монгольского. Мы вспоминаем, что Кастрен alāsa называл "условным". Этим можно сравнить окончание -sa условного наклонения тюркских языков /османское, кумыкское, уйгурское и др. -sa , койбальское -sa , -za⁴⁷, чувашское -san⁴⁸. Приведенное в этих языках окончание -sar / в орхонских письм. якутском -dar , -tar и т.д.⁴⁹/ являются старым примыканием к причастию

настоящего времени на -сг или же это -г одинаково яново-го происхождения как и окончание месячного падежа /месяца/ старомонгольского -dur, наряду с -da вост. известных теперь монгольским и тюркским диалектов и -di тулгусского /X век в киргизском -yur-, монгольского -gi-, см. устулительное?/.

Здесь уместно назвать желательное наклонение /оптатив/ на -tuɣai⁵⁰. В новом халхском наречии местообразование от чаго запретительное bütügei /bitügei/ > bit'ugāi, -gā, -gā 'оставь' не! и baituɣai > baēt'ugā 'оставь как есть' от būki 'быть' и baiqu 'оставаться, быть'. Встречаются также vol'tug'pē 'пусть станет' и в киргизском учебник мужей бывает еще другие подобные слова, но они заимствованы из иезика и не являются исконными. bit'ugāi и baēt'ugā искажают, однако, что мы должны иметь дело с суффиксом -tuɣā или -tuɣai, а не с -tuɣai /ср. -tuɣai > -sai, -sa/. То же самое подтверждает также примеры из квадратной письменности, например, ai-da-tu -khai /на доске Везогурова/. Несколько подробнее об этом суффиксе я не сообщил, что мог бы восходить к первоначальскому -*tug. Вероятно, в этом можно увидеть двойную форму тюркского именного действия на -dug / = монг. -*dag, см. именной узус/.

Дубитатив на -ūnz'pē будет рассмотрен в связи с именным будучим.

III. Желательное наклонение / ВОЛЕНТАТИВ /

Глагольная форма халхского наречия, которая приведена под названием волентатив /наклонение желательное/, она известна /многим/ грамматистам, но каждым из них понимается и трактуется несколько по-разному. Если подвести краткое резюме, то по Шмидту⁵¹ и даже по Ковалевскому⁵², следует -ju "3 единственное, множественное число будущего времени" и -ja "I множественного будущего", согласно Покову⁵³ -ju "близкое будущее", -ja "I множественное число оптатава". Бобровников⁵⁴ и после него Котвич⁵⁵ рассматривают -ju

как "наст.вр. изъяснит.наклонения II" /с дополнит. значением "долженствования" и -ja - как "I множественное повелительного наклонения /всперетва/" и "как исключение" также "I единственного числа повелительного наклонения"⁵⁶. Востря рассматривая только -ja /-je / как "I лицо множественного числа повелительного наклонения" со значением, что эта форма является как бы монгольским заимствованием в бурятском языке⁵⁷. Орлов понимает точно также, только он кажется считает эту форму распространенной во всех бурятских диалектах⁵⁸. Витая Селтей же воспринимает -ya, -ia, и -i как свойственную всем лицам⁵⁹.

Суффиксы -ja и -ju понимаются постоянно как два совершенно различных суффикса. Однако я считаю, что они могут быть сопоставлены друг с другом. Первоначальным суффиксом повелю является именно -ju или -j /-i /, который изменил обрмонгольское -*ju /или -ji /, сравните, повелительное наклонение прошедшего времени -zu < -d'i и написание -ja или -i-a передает более поздний вариант разговорной речи -jā, т.е. -jū-ā/~āi /. Если бы окончание -jā было более ранним, то окончание должно было встречаться на первом что-то вроде -jugai /сравните, -sā ~ -sugai, -dā ~ -ziqui/. Конечный гласный -ā является тем же самым междометным или, если хотите, звательным гласным, который нам уже известен по многочисленным уже рассмотренным случаям: см. §11 §49. Этот гласный отсылается здесь не к собственному окончанию, а является как-бы эмфатическим усилением, чем-то совсем вторичным.

Следовательно, я считаю, что мы здесь исходили от "настоящего будущего" на -jū или -ji со значением "долженствования". Это значение и форма имеет также именно "настоящее II" на -ju, -i литературного языка. Более краткий вариант -i никем из грамматистов не упоминается, но встречается в литературе: ezelei, jabui, bolui, bui /~*bui /, ср. bui, buju, а также встречается в записанных халхаских словах как äes'i, приближаясь к wī ~wī и bīwī "есть", единственное остаточное явление этой формы

"предметное будущее" со значением изъявительного наклонения. Это "предметное будущее" становится, напротив, все употребительнее в повелительных предложениях и известно во всех диалектах как волинтатив или императив: "я хочу" или "мы должны", сравните, англ. I will ~ you shall . Исходя из ограниченной функции самой формы придали значение повелительного наклонения, а вместе с усиливающим -ā воспринималась как новая форма.

Итак, халхаское -ī является < -(ū)jū и ijā < -(ū)j-α. Примеры из наречий этого старого общемонгольского образования. в ketona kiwarch ya халхаское xi'tg (ki· персональное, "что" /or'ts'ija "разрешите мне уехать"⁶⁰. Общемонгольское *jū , *ji мы можем подкрепить примерами общетюркского -α-jyn, -ä-jin /Орхон/, который известен как окончание "I лица единственного числа будущего времени" или "повелительное наклонение" или "желательное наклонение"⁶¹. Краткий гласный ü монгольского языка соответствует очень часто y(i) в тюркских языках, конечный гласный которого -n является вторичным и такого же характера как и в монгольском *su - тюркское -sun . Начальный гласный -α /-ä / тюркских языков, вероятно, относится к основе потенциального наклонения, кстати, сравнивая монгольское *si~ с тюркским -α-sy /см. именное наклонение возможности!/. В маньчжурском языке я не могу указать на наличие этого суффикса, так как мне не известны изменения *j- в середине слова в этом языке. Первичный суффикс *jū /или *ji /, продолжавший функционировать как волинтативный является, таким образом, по крайней мере монголо-тюркским.

УИ. Потенциальное наклонение / ПОТЕНЦИАЛ /

Глагольные формы, оканчивающиеся на - mpx ~ -mts в современном халхаском языке прошли полное развитие, начало которого ощущается в письменном языке. Самое обычное настоящее время письменного языка имеет окончание -mui . Наряду с -mui встречаются также -mu и даже -m /при-

соединяясь к более позднему народному языку/. Об этом более точные сведения даны грамматистами⁶². Этот -*mi* - настоящего времени часто бывает связан с частицей *za* / *ze* / "конечно" в письменном языке⁶³. Слово *za* / = халхаское *za* - *za* / в таких соединениях стало энклитическим⁶⁴. На письме мы имеем варианты как *jabumiiza* и *jabumiza*, так и *jabulza* и этому последнему полностью соответствует халхаское потенциальное наклонение.

Простое настоящее на -*mi* как форма спряжения утра- тилась во всех известных сегодняшних диалектах. Ламы и ми- ряне, знакомые с грамотой, употребляют такие формы, чтобы похвастаться своей ученостью и даже заведено, что все изло- женное на письме от настоящего времени на -*mi* оформляется этой устаревшей формой, а в живом разговорном халхаском языке я обнаружил это окончание только в одном единственном слове: *jam'e* / < *jamai* срав. *jaqakimii* /, которое претер- пело семасиологическое смешение от "что делать" или "что делает" и "оставь." Например, *jam'e* 'пусть так идет'. Вероятно, настоящее время на -*mi* - продолжает жить в уже исследованных южномонгольских диалектах.

Посмотрим теперь, что мы можем узнать о происхождении старого суффикса -*mi*. Шмидт⁶⁵ и вслед за ним также и другие исследователи /Кастрен⁶⁶, Фр.Мюллер и др./ объясня- ют, что *maqtami*, *abumi* являются якобы стяжениями от *maqtan amii*, *abun amii*, где *amii* является настоящим временем от *aqi* "быть". Что достигнуто этим объяснением, я не могу понять. Как происходит -*mi* в *amii*? Вероятно из *an amii*! Шотт и после него некоторые поздние исследова- тели /напр., Грунзел⁶⁷/ указывают на соответствие этого суффикса с окончанием настоящего времени -*mbi* в маньч- журском. Это противопоставление, хотя и очень привлекательно, но фонетически не выдержано. Маньчжурское *-mbi* являет- ся сочетанием одного языка от -*me* и *bi* "есть" /ср. -*mbi*- "был" или возможно от -*ni* и -*bi*⁶⁹.

Предположение, что окончание в -*mi* именно глаго-

да на -m или -ma /см. именное описательное наклонение/ слилось с каким-то būi , не говорит в пользу монгольского. Тогда следует прежде всего доказать старый переход *mb->*mw-> *mu- . Тогда ми вправе и в этом случае ожидать другие подобные сближения от bū- , но такие нигде не обнаружены. Я хочу поэтому указать на другие глагольные формы из тунгусского и маньчжурского языков. В тунгусском⁷⁰ встречается настоящее продолжительное - презено герундий на -mi / -mmin ? . -mmin / и в маньчжурском⁷¹ уже упомянутый герундий настоящего времени на -me .

В монгольском языке должны быть также обнаружены, согласно Орлову, подобные герундии, например, unumai / unumaižin / "окача /верхом на лошади/", xelemei /xelemeižin / "говоря", но в каком наречии этот герундий появился впервые, об этом он не говорит⁷². Все эти герундии интересны потому, что они являются идентичными и указывают на суффикс *mai .

Этому конвербальному -^smai полностью отвечает окончание в халхаском jām^e , которое в свою очередь невозможно отделить от литературного -mui . Может показаться странным и даже сомнительным этимологически сопоставлять окончания, которые встречаются в формах герундия одного языка и также окончания, которые образуют предикативные словоформы в другом языке. Однако я считаю, что идентичность здесь является не более невероятным, чем в других случаях, где глагольные именны формы являются, с одной стороны, конвербальными, а с другой - предикативными⁷³. И здесь следует исходить от лежащего в основе глагольного имени на -m ? От него образовался тунгусско-маньчжурский герундий как бы с помощью звуковой дифференциации и монгольское настоящее время также -ui , которое соответствует поствокальному -qui или -qui /-xui / в окончании -zuiqui имперфективного претеритума.

Относится ли халхаское -mai больше к тунгусскому герундию или литературному настоящему времени, я не собираюсь гадать. Но мне не ясно также, что это за глагольная именная форма; но некоторое семасиологическое сходство поз-

воляет мне поверить, что им здесь имеем вариант именного описательного наклонения на $-ma$ или, вероятно, $-m /om$. об этом позже!/. Совершенно четко и ясно выступает именная природа настоящего времени на $-mü$ в примерах $kei -vi -mü -ser$ 'не дуйте' и 'не голодайте' из Дан-Чжо-минь⁷⁴, так как здесь совершенно очевидно $-ser / \sim^* -sar /$ тюркского происхождения, $-siz / \sim -syz /$ 'без'. Такими именными формами являются также $teimü$, $eimü$ 'таких', орав. халхаское $tīme$, $īme$ $o -me / \sim -ma /$ и Баргус олов $tīmer$, $īmer$ $o -mer / \sim -mar /$.

Итак, я вижу в $-mü / -m$, $-mai /$ окончание тунгусско-монгольского имени, которое нашло особое /глагольное/ употребление в тунгусском и монгольском языках.

IX. Имперфектный презенс

Это образование настоящего времени не получило распространения в племенном языке и примеры можно привести только из диалектов. Литературный язык характеризуется его настоящим временем на $-mü$ -, который противопоставляется современному диалекту. Так как настоящее время на $-nā$ - в литературном языке не встречается, поэтому оно получило как среди монгольских, так и европейских ученых неверное освещение. Однако эта форма настоящего времени на $-nā$ - несомненно относится к старому обивмонгольскому языковому запасу слов. В обивмонгольском языке мы встречаем $-nā / <^* -nai /$, халхаское $-n$, $-na$ $-nā$, западно-халхаское также $-nā / <^* -nai /$, бурятское $-na$ ⁷⁵, калм. $-nai$ или $-na /$ читай $-nā$ или $-nā$ ⁷⁶. Самым интересным кажется мне то, что для этой формы настоящего времени привести IО-II примеров из местных говоров, например, $ghar menea ebatanna =$ халха-ургинское $gar-man öwdanā$ 'моя рука болит'; $kanour che nantar =$ халха-ургинское $xān or^{1}tš'ina-ta$ 'куда Вы едете?'; $oknya =$ халха-ургинское $uχanā$ 'умирает', $tanee nantar =$ халха-ургинское, $tānina-ta$ 'Вы знаете', $ba reena =$

Халха-ургинское *zariŋa* 'хватайте, поймайте' и т.д. Из других монгольских диалектов едва ли есть необходимость перечислять примеры, так как такие глагольные формы весьма распространены и известны. В монгольском письме эта словоформа имеет окончание *-nai* или *-na / -n -a /*. Я называю только вид и способ при попытке их исключения. Шмидт⁷⁷ допустил возможность образования этих обеих форм настоящего времени *maḡatui* и *maḡanam* с помощью стяжения из *maḡan amui*. Первой форме, т.е. литературной форме *maḡatui*, как уже видели, не может быть такого объяснения, другая же форма *maḡanam* по Ковалевскому⁷⁸ должна быть эмфатической *maḡana*, т.е. *maḡana* является более слабым вариантом от *maḡanam*. Общемонгольское окончание *-*nai* намного популярнее, чем *-nam*, которое я ни разу не слышал в Монголии, хотя встречался и говорил с людьми из различных областей и мест, вместе с тем Бобровников выдает это окончание за восточномонгольское⁷⁹. В монгольских книгах я часто сталкивался с этим образованием настоящего времени на *-nam*, но такие словоформы не являются халхаскими⁸⁰. Об окончании *-nam* и его возникновении я не смог получить четкого представления. В нем /окончании/ можно увидеть контаминацию синонимов *-na* и *-m* или, по Шмидту слитное написание *-n* и слова *am / =amui /*.

Часто считают, что в *-nam -na* и местоимения *vi /я/ /-p*, *-m* во многих бурятских диалектах/ обозначает у бурят эмфатический ответ. По крайней мере необходимо расчленить формы *-nai* и *-nam* и отказаться от категорически высказанного заявления ранних исследователей, которые руководствовались фонетическими причинами, особенно говоря об исчезновении *-m* в *-nam*, которое встречается наряду с *-na ~ nā* в говорах, я рассматриваю это пока, как обогатившийся вторичный *-n*. Но если *-nam* действительно образовалось из *-am*, то нужно будет согласиться для последовательности с возможностью, что окончание *-*nai* могло образоваться самостоятельно из *-*n aju*.

Но все это объяснение не подтверждается, когда мы хотим видеть в глагольной форме слово "быть" и не имея на то достаточных оснований. Для объяснения вопроса возникновения этого окончания $-^{\ast}nai$, халхаское $-nā$, я хочу сослаться на конечные гласные других временных форм халхаского $-lā$, $wā$, $ʒā$, обратского $-nā$, $-lā$, $-wā$, $-ʒā$ /сравните, еще $-āḡā$, $āeā$, $ijā$, $-gā$ /. Нет сомнения, что здесь имеются аналогичные образования. Если бы слово $-ājā$ сохранилось в окончании настоящего времени, то воюбре должно было бы утратиться представление о сложном слове, ввиду влияния других одинаково употребленных слов. Я уверен, что звуковые соответствия временных форм имели большое значение /конечные долгие звуки, которые могли быть подвержены изменению/. Это $-a$ / $-χa$ / $\sim^{\ast}ai$ / $-χai$ / и эти глагольные формы воспринимаются поэтому как предикативные. Это является причиной того, что гласный $-^{\ast}ā \sim^{\ast}ai$ рассматривается как вторичный элемент встречающийся в предикативном положении некоторых слов, после предшествующего гласного $^{\ast}ya \sim^{\ast}yai$. И этот гласный $-ā$ становится неизбежным в предикативно употребленных словоформах. В более поздние времена этот конечный гласный /ввиду перемещения акцентуации/ подвергся сокращению, даже исчез как и в халхаском. Итак, мы проследили от $-na \sim -nai$ до именного глагола на $-n$. Вместо того, чтобы считать вместе со Имидом , что $-nai$ относится к $-n amui$, мы можем констатировать только существование именной формы на $(-n)$, и на существование этимологически нечеткого, гласного элемента, обозначающего предикатив. Употребление сложных слов как $zugun - uge, bain uge$ 'не учась' 'не учится' 'не являясь' /нет/ как отрицающий презенс /как настоящее время с отрицанием/ полностью согласуется с этим утверждением /эти словосочетания получили распространение в бурятском языке/.

Относится ли сюда тунгусский герундий настоящего времени на $-na$ ⁸¹, я не знаю, так как и в охотском имеется подобный герундий настоящего времени на $-nykan$ ⁸². Если бы этот герундий был этимологически идентичным с монголь-

ским настоящим временем, тогда бы мы имели конвербальную словоформу на $-^{\circ}na$, ср. халхаское $-mai$ ~ тунгусское $-mi$, маньчжурское $-me$.

Более подробное рассуждение о существовании именной формы на $-n$ настоящего времени, которое является по крайней мере монголо-тюркским, будет продолжено под заголовком "Конвербальные модальные глаголы".

Х. Перфектный презенс

Эта глагольная форма встречается во всех известных монгольских диалектах и всегда с тем же самым характерным значением. В различных бурятских наречиях эта глагольная форма имеет окончания $-l\bar{a}$ или $-lai$ ⁸³, в калмыцком $-l\bar{a}$ и $-lai$ ⁸⁴ и в говорах $-/la \sim / -l\bar{a}$ в примерах $bil\alpha$, $beela$ /читай $bil\bar{a}$ / был и $eera labda$ /читай $i\bar{e}la-bda$ / 'мы пришли'. На первом эти окончания передаются через $-luga$ / \sim $-l\bar{u}ge$ / или $-lugai$ / \sim $-l\bar{u}gei$ / только в более худших рукописях позднего времени передаются через $-la$ или $-lai$ ⁸⁵. В Юн-Чо-Ми-Ши, например, $bu-lu-e$ пишется как 'был', итак, здесь мы имеем общемонгольскую форму спряжения, которая в своей более старой форме восходит к $lu\alpha$ или $lu\alpha i$. Здесь мы узнаем опять $-^{\circ}xa \sim ^{\circ}xai$, стоящие после гласного и после отделения которого мы получаем первоначальное $-^{\circ}l\bar{u}$. С какой глагольной формой оно имеет больше всего сходства в современном языке, трудно судить об этом с точки зрения наших познаний. Вероятно, первоначальное $-^{\circ}l\bar{a}$ - находится в этимологической связи с окончанием $-l$ именного вида: сравните, для значения: $jabul\ \bar{u}gei$ 'не идя' или 'не пойдя' $jabultai$ 'должен пойти', $\bar{u}k\bar{u}del$ 'умерший, труп' и др.

Кастрен сопоставил эту глагольную форму с нерчинско-тунгусским перфектом /прошедшим разговорным/ на $-lka$ ⁸⁶. Лучшие знания тунгусского языка, чем мы имеем на сегодня, дадут возможность выяснить верно ли это сопоставление. Предмонгольская история перфектного презенса /настоящего времени/ остается пока неясной.

XI. Имперфектное прошедшее повествовательное / ИМПЕРФЕКТНЫЙ ПРЕТЕРИТУМ /

Если мы попытаемся ближе познакомиться с прошедшим повествовательным на $v\check{a} \sim vzi$, то мы должны принять во внимание современные диалекты, оставив в стороне литературный язык.

Во всех пока что известных диалектах встречается эта глагольная форма, а именно регулярно и однотипно, так что не вызывает никаких сомнений абсолютная идентичность. По моим наблюдениям бурятский язык имеет $\check{z}i \sim zi$ ⁸⁷, калмыцкий - zi ⁸⁸, чахарский - tzi , $v\check{z}i$, $-ts$. Халхаское $-v\check{a}$ упоминается Витал Сергеем как $-je$ ⁸⁹. Из наречий известны примеры $burja = \text{халха-ургинское}$, $vold\check{a}$ 'стало' и $burghaja = \text{халха-ургинское}$ $voldar\check{a}$ 'дела'. Эти старые варианты написания и произношения предполагают частично древнее $-zi$ и частично из него же расширенный вариант $-zai$, именно поэтому мы рассматриваем как общемонгольские суффиксы $-zi$, и $-zi\gamma ai$ для повествовательного прошедшего времени. Что же касается халхаского окончания $-v\check{z}i$ /и $-v\check{z}$ / то оно восходит, вероятно, к $-zi\gamma ai > -v\check{z}\check{a}$; мы имеем здесь также имперфектное настоящее время и перфектное прошедшее повествовательное время. Заметное ослабление конечного звука, которое носит более поздний характер. Является ли калмыцкое $-zi$ также собственно $-zi\gamma ai$, я не рискую это решать.

Письменный же язык, напротив, предлагает несколько уклончивую форму $-ziqui$ ⁹⁰. Форму $-zi$ без всякого можно подтвердить $-zi$ из другого диалекта, так как чередование литературного $u\sim$, разговорного i также встречается очень часто, например, $mini$ 'мой', $naian-u$ 'солнце' /родительный падеж/, $nom-un$ 'книги' халхаское $mini$, $naini$, $nom'i$, но вторичное $-qui$ остается загадочным. Невозможно, чтобы оно соответствовало долгому гласному $-a$ в конце халхаского слова. Я считаю,

что сюда, проникло и утвердилось неверное написание или чтение или по вине монгольских или наших грамматистов. Я могу привести слово $\alpha\dot{z}i\dot{q}ui$, встречающееся в *Дань-Чжо-Биши* $\alpha - \dot{z}i - u$ /наряду с $\alpha - \dot{z}i - ai$ /⁹¹ и $\alpha - \dot{z}u - hu\dot{i}$ 'это было'⁹², встречающиеся в квадратной письменности как примеры, подтверждающие правильность известного среди монголов способа написания $- \dot{z}i\dot{q}ui$. Способ написания и чтения $- \dot{z}i\dot{q}ui$ поэтому неправилен, что ни один пример не дает варианта развития $-k-\dot{x}\dot{o}$ в середине слова⁹³. Способ чтения $- \dot{z}i\dot{q}ui$ пришел в халхасский из какого-то южного диалекта, как это доказывает $\dot{z}u = \dot{v}iu$, вместо обычного $\dot{v}zu$. Для халхасского $\dot{r}\dot{z}\dot{a}$ следовало бы ожидать на письме $- \dot{z}i\dot{q}ai$ или $- \dot{z}i\dot{q}ai$, форма, которую мы на деле находим в *Дань Чжо Ми-ши*. Но и $\dot{z}i\dot{q}ui$ возможно объяснить, если с этим сравнить $- \dot{m}ui \sim$ халхасское $-^*mai$, *Дань Чжо Биши* $- \dot{z}i - u \sim - \dot{z}i - ai$, $te - u - nu \sim te - u - nai$, $te - u - no - ai$. Наряду с общемонгольским предикативом $-^*ai \sim -^*xai$ можно поэтому принять литературный $-ui \sim -\dot{q}ui$ / $=\dot{x}ui$ /. Что касается письменного языка, то многое остается неясным; однако ясно, что в общемонгольском $- \dot{z}i - xai$ мы имеем именную глагол на $- \dot{z}i$, специализированный в предикативной функции. Этот именной глагол на $- \dot{z}i$ унаследован в халхасском языке как конверб прошедшего времени, поэтому я хочу продолжить прослеживание этого глагольного образования.

-
- 1 Шмидт § 109, Ковалевский § 107, Бобровников § 229
 2 Калм. Попов § 124, бур. Кастрен § 131, Орлов § 104а. Ай-мак., например, $eeda$ 'ешь', $eega$ 'иди сюда', $bu\dot{z}$ 'вставай', $ba\dot{r}te$ 'держи', ar 'возьми', $omaz$ 'вычитывай', sou 'садись' и т.д. Халха. Витале Сергей с.22
 3 Срав. Ковалевский. Хрестоматия. с.480, прим. II, Бобровников § 544
 4 См. SU, § 45

- 5 Кастрен. Бур. §131, с.44
- 6 Там же, с.51,54,56,57,61 и др.
- 7 Орлов. §104, с.63
- 8 Руднев. БЭС, с.2, сноски 3 справа
- 9 Попов. §155, с.134, Бобровников. §232, с.132. Сравн.еще Котвич. с.105
- 10 Бетлинг. §516, Замеч.1,5. Ястремской §157
- 11 SU. §49. См. также временные формы
- 12 по Орлову, §104 в селенгинском
- 13 Вместе с тем в других диалектах встречаются типы *alārai-χtun* и *alāraχtun*
- 14 Бетлинг. §516. Замечание I. И его другие предложенные как вероятные способы объяснения невозможно рассмотреть с точки зрения монгольского
- 15 Казем-бек. §§ 246,247 и 275. Кастрен. Койбальский §77, с.34. Меллор. Кирг. с.54. А.Мюллер. §68, с.78 и другие
- 16 Захаров. §153
- 17 Кастрен. Тунг. §87
- 18 Захаров. §149б и §150. прим.4
- 19 Шефнер. Сообщение. с.700
- 20 Бобровников. §257 прим., а также Бетлинг §526, Винклер /Банг/, с.22 и Котвич с.114,115
- 21 Бобровников §236 и Котвич с.105 говорят "всегда", что однако не соответствует фактам..Ср.: Витале Сергей с.60. п.2: *уаба!* с.62, п.10: *hèle* ,п.5, внизу: *оgо* и т.д.
- 22 Кастрен. Бур. §151, п.5, Орлов. §104б
- 23 См.Позднеев. Литерат.11, с.96 и с.121
- 24 См.Прескриптив, оптатив и кондиционал
- 25 Бобровников считает §572 *orkiba si* 'не впускай!'; *saqiba si* 'не садись'. Эти примеры, по его мнению, являются примерами особого употребления претеритума /прошедшего повествовательного /на -wъ / -ba /. Но я не могу понять, каким образом можно будет подойти от позитивного /положительного/ прошедшего повествовательного до такого негативного /отрицательного/ значения. Энклитическое добавление местоимения также не является ни в коем

случае чем-то характерным для прошедшего времени. Поэтому я вижу в этом изолированно стоящее негативное образование, которое является идентичным с тюркско-татарскими негативными. Как известно, эти формы образуются с помощью -та, но восточно-тюркские диалекты, особенно алтайский, абаканский, якутский, которые и с других точек зрения близко стоят к монгольским языкам, образуют прошедшее повествовательное с помощью -ра или -ба. Сравним с монгольскими, например, алтайский *tolobō* 'не платя'. Монгольский язык имеет из всего разряда негативного спряжения тюркских языков только повелительное наклонение. Так разве эта форма заимствована лишь только одним диалектом, именно тем, на котором написан Гэсэр хан. Или же эта форма известна во многих областях и уже стала старомонгольской формой. На этот интересный вопрос я не могу сейчас дать ответа.

- 26 Ястремской. §153, 3. Ср.: Бётлинг. §515, 4
- 27 Кастрен. Бурят. §131, с.14 "От третьего лица /повелительного наклонения/ на к образуется второе лицо множественного числа на - ktui , -ktui
- 28 Орлов §104а: "седегинский" - *χtui* , "балаганский" - *χtun*
- 29 О разговорном языке см., напр., Позднеев. Калм. хр. с.105, п.6, о письменном - Попов. I54
- 30 Ковалевский §107, с.94; Бобровников §231, с.131, сравн., также Попов §154, Шмидт §109 проводит различие между - *αααqi* как единственным числом и - *αtun* , - *dqun* как множественным числом. Также и Ковалевский §107, примечание.
- 31 Также часто, как и сами монголы, и также Бобровников §551
- 32 Сравните, - *ā ~ -uqi* в имперфекте прошедшего повествовательного наклонения
- 33 Бётлинг. §516, Ястремской §157 не желают признать эти формы, но не объясняют почему
- 34 Кастрен. Бурят. §131: "В третьем лице единственного и множественного числа повелительное наклонение принимает

- окончание k /gi ,gda / - Орлов. §104, с.65
- 35 В "Шаманские поверья" переводится с.5: нмтэ аршанага кур-
техда 'от целебного аршана удостой получить'
- 36 Кастрен. Тунгус. §77
- 37 Захаров. §150: передается как вопросительная частица
- 38 -gil~xil . См. Томсен. Орхонские с.12,15,34,41.
Мелиоранский А.Ф., с.LVII ;gir~--xil . Мелиоранский.
Кирг. I, с.62
- 39 Шмидт. §103 называет только 3 /Как будущее I, Ковалев-
ский, с.II2,2, также Бобровников § 237, I /и 2/ как же-
лательное наклонение и §234 3/ как повелительное на-
клонение. I. Правописание 4 /нигде не упомянуто/, хотя
очень распространено среди монгольских писателей
- 40 Кастрен. Бурятск. §140, сравн. с.53, nemêhâ
- 41 Шмидт. §103, после него также Ковалевский и Бобровников
- 42 Например, Êldeb kerektü qaa qaiçaaç Приложение с.34
- 43 Мелиоранский А.Ф., с.LIX, §6
- 44 Кастрен. Койбальский. с.46,48,60 и др.
- 45 Ястремской. §156, примеч.2. Бетлинг. § 42I
- 46 Захаров. I5I,I. Там принято, что эти формы происходят
от вспомогательных глаголов и сказано, что они якобы со-
кращены: gaisu от gaimе озо , baisu из baime озо.
Но читатель же обнаруживает здесь пример постоянных поис-
ков "словесного материала", а именно глагол "быть", кото-
рый по более раннему /древнему/ пониманию входил в сос-
тав каждой глагольной формы
- 47 Кастрен. Койбальский. §83
- 48 Ашмарин с.324. Дана несколько уклончивая этимология.
с.314
- 49 Ястремской. §16I, с.I3I,I32
- 50 См. Шмидт. §108 и 109, Ковалевский. §113, Бобровников
§ 233. Неверно идентифицирована Орловым / §104, в/ фор-
ма желательного наклонения /оптатив/ с формами на -tui
- 51 Шмидт. §103
- 52 Ковалевский §112, 2
- 53 Попов §192 и §202

- 54 Бобровников §§239 и 563-567
- 55 Котвич с.105 и с.106
- 56 Бобровников § 554
- 57 Кастрен. Бурятск. § 131
- 58 Орлов §104
- 59 Витал, Сергей с.20,29,39
- 60 Аймак, фраза № 026
- 61 Смотри, например, Казем-Бек, стр.106 осм.: olum , татар. ulaim , оренб. ulaum , ulai . Бетдинг, якут. -ūm, ūm /именно, сделанная там попытка по выяснению этимологии неверна/. Томсен. Орхон. с.211, п.16, Мелиоранский, с.20, 29,39
- 62 Шмидт. § 96 и §97, Ковалевский. §108 и §174, Бобровников. §238 и Котвич. с.106
- 63 Бобровников. §565
- 64 Точно также образуется нерчинско-тунгусское сослагательное наклонение с изъявительным настоящим и -за, см.Кастрен. Тунгус. §78, сравн. также с калмыцким Попов §200
- 65 Шмидт. §96
- 66 Кастрен. Бурятск. § III
- 67 Грунзел. с.64
- 68 Захаров. §145
- 69 Вилли Банг. с.4
- 70 Кастрен. Тунгусск. §86,2. А.Шифнер. Сообщение "супинум" с.760
- 71 Захаров. §164. me в alame , fotome и др. восходят, возможно, к древнему -mai .
- 72 Орлов. §200, примечание
- 73 Сравните ниже - rā ~ xi , -wā- тюркск. -р , -на~*n /смотри следующую слоформу! / тюркск. -yas ~ монг. -at /отглагольное прошедшее разговорное/, тюркск. -ar -r ~ монг. -āgā /прескриптив/ монг.-r-ün /отлагательный прасерат. / и др. подобное
- 74 Дан-Час-миши. с.25
- 75 Кастрен. Бурятск. §112, Орлов §105a
- 76 Попов. §180, Бобровников. §238

- 77 Шмидт. §96
- 78 Ковалевский. §108
- 79 Бобровников §238, примечание. Эта справка заимствована, однако Ковалевским
- 80 Кастрен / §112/, Фр.Мюллер и Витал Сергей заимствовал свои взгляды у ранних грамматистов
- 81 Кастрен. Тунгусск. §86, I
- 82 А.Шифнер. Приложение, с.700
- 83 Кастрен. Бурятск. §116, Орлов. §105, б
- 84 Попов. §183
- 85 Шмидт. §101, Ковалевский §110, Бобровников §241, Котвич с.107
- 86 Кастрен. §88. Соответствующий перфект не имеет ничего общего с охотским произношением, поэтому мы можем также допустить здесь наличие монгольского влияния
- 87 Кастрен. Бурятск. §117
- 88 Попов. с.181, Бобровников §212
- 89 Витал Сергей. с.30
- 90 Шмидт §101, Ковалевский §110, Бобровников §§ 242 и 583--600
- 91 Позднеев. Рецензия с.190
- 92 Позднеев. Лит. II, с.96,97
- 93 Такие замены в начале слова у заимствованных слов обоснованы: например, монг. *kituqa* - обр. *ituqa*, тунг. *utka*, *utika*, монг. *kimäldurc*, монг. *ogin* - маньчж. *ogin*, монг. *qobur* /'нос'/

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Часть слова, которая остается после выделения формообразующих постфиксов и есть основа казанского глагола, например, в инфинитиве "ходить" основой является *йов-*, которая выделяется после расчленения слова на морфемы: *-на* - постфикс настоящего-изъявительной формы и *-т* - постфикс третьего лица множественного числа, в одноклассе "мы сходили" *од-* основа, совпадающая с корнем слова, *да-* постфикс прошедшего времени, *-види* - показатель первого лица множественного числа, восходящий к местоимению биди "мы"; в суффиксах "если будете учиться", *сур-* основа, *-ля* - постфикс условного двупричастия, *-ти* - показатель третьего лица множественного числа. В приведенных примерах основы слов совпадают с их корнями. Однако основы слов, от которых образуются глаголы, могут с корнями слов и не совпадать: в тагчире "утихомириться", *таг-* корень, *тагчг-* в этом слове - основа, *-р* - постфикс образования глагола, в инфинитиве "выглядеть зеленоватым" *ноша* - корень, *ношат* - основа, *-р* - постфикс образования глагола. Особую группу составляют глаголы, образованные посредством глаголообразующих постфиксов от основ образных и звукоподражательных слов, сами по себе не являющиеся грамматикализованными: *диди* "звенеть" /от *дид* - звукоподражательное о звуках *дид* - *дид* постфикс *-д*/, *эрья* "дыгаться легко, как бы порхая" /от *эръ* - о легком движении постфикс *-из*/, *дирья* "мерцать, мелькать" /от *дир* - *дир* / "мелькать, рябить, пульсировать" - постфикс *-из*/.

Глаголы образуются с помощью различных постфиксов от основ различных частей речи имен существительных, прилагательных, числительных, наречий, глаголов и основ образных и звукоподражательных слов.

Однако не все глагольные постфиксы такие как *-и*, *-р*, *-д*, *-т* в одинаковой мере являются употребительными, но такие, как *-из*, *-лиз*, *-лиз*, имеют ограниченное употребление, а именно: образуют глаголы в основном от

образных и изобразительных слов, такие постфиксы, как, например, -вк, -кр, являются малоупотребительными.

Поскольку частота употребления постфиксов образования глагольных основ в калмыцком языке еще не установлена точными /статистическими/ методами исследования, здесь постфиксы не подразделены на употребительные и малоупотребительные, а даются в последовательности убывания от более употребительных постфиксов к менее употребительным.

Постфикс -и является очень употребительной морфемой.

В системе постфиксального образования глаголов в калмыцком языке, также как и в других монгольских языках, очень продуктивным является постфикс -и, с помощью которого от различных частей речи образуются глаголы в основном с переходным значением.

Глаголы, образованные с помощью постфикса -и от имен существительных, характеризуют действия по значению производящей основы.

1. Выражает действие, которое передает производящая основа:

1/ в качестве орудия или способа действия, например, буси - "надеть ремень, окружить", /от бус "ремень, обруч"/, оми - "расчесывать" /от оми "расческа, гребешок"/, дери - "оставить ногу в стремя, на педаль" /от дери "стремя, педаль"/, ногти - "надевать недоуздок" /от ногт недоуздок", һаси - "привязать на прикол" /от һаси "кол"/, аарциг - "сесть верхом" /от аарцг "проезжисть"/.

2/ тары или местительные действия, например, ханаи - "поместить в загон", /от хана "загон"/, мииги - "положить в мешок" /от мииг "мешок"/, аядри - "положить в сундук" /от аядр "сундук"/, хээрциг - "поместить в ящик" /от хээрцг "ящик"/, еври - "положить за пазуху" /от евр "пазуха"/, һадри - "поместить в обложку" /от һадр "обложка"/, ергеи - "поместить в урту" /от ерге "урта" высокопоставленного лица/.

3/ предмета потребления, например, идэи - "кушать /ви-

сокий стиль"/ от иџэн "кушанье"/, зоогн- "кушать, отве-
дывать яства" /от зог "яства"/, жомбал- "нить чай-дхамбу"
/от жомба "кашмирский чай специального приготовления"/.

4/ объекта или рода занятий, например, мали- "занимать-
ся скотоводством", герел- "заниматься охотой на антилоп"/от
гересн "антилопа"/.

5/ образа действия, ухал- "думать, обдумывать" /от ухан
"ум, дума"/, жуукл- "жульничать" /от жуук "жулик"/, аалд-
"влиять, хитрить" /от аалд "хитрость, обман"/, үд гурл- "при-
водить в качестве примера" /от үд гур "пример, образец"/,
аратл- "хитрить" /от арат "лжа"/.

6/ материала действия, по значению производящей основы:
давжк- "солить" /от давон "соль"/, аитл- "позолотить" /от
аитн "золото"/, тоси- "смазать маслом" /от тосн "масло"/,
идел- "дублать /кожу/" /от иден "питательные вещества"/,
уныл- "ставить жерди /на крыше прты/" /от уныь "жердь"/,
үчгн- "вдеть нитку в иголку" /от үчг "отрезок нитки"/.

2. Выражает производство того, что обозначено в произ-
водящей основе: нүкн- "дырявить, рвать, проколоть" /от нүкн
"дыра, яма"/, орал- "делать крышу" /от ора "крыша, верх"/,
ичел- "послушаться в спячку" /от ичен "зимняя спячка живот-
ных"/, насл- "проживать, достигать какого-то возраста" /от
наси "возраст"/, селгн- "теряться, кичиться" /от селг "кич-
ливость"/, елдгн- "снести яйцо" /от елдгн "яйцо"/, уэл-
"сделать основу, подошву" /от ул "основа, подошва"/, кичкн-
"родить манят" /от кичт "манок"/.

3. Выражает действие, которое вытекает из значения
производящей основы: багыл- "учительствовать" /от багн
"учитель"/, эвл- "завладеть" /от эвн "хозяйин, владелец"/,
кныл- "дружить" /от кныь "друг"/, элгн- "поддерживать род-
ственные отношения" /от элгн "родственник", ахл- "старши-
нствовать" /от ах "старший"/, удлн- "мананить" /от удлн
"манан"/, толбал- "возглавлять" /от толба "голова"/.

4. Произведение кем-либо того состояния, что обозначено
в производящей основе: уурл- "сердиться, гневаться" /от ур
"гнев"/, зергн- "осмелиться" /от зерг "смелость"/, кеерл-

"бить сонливым" /от нар "сонливость"/, зүүдл- "кинуть сон" /от зүүдл "сонливость"/, байрл- "радоваться" /от байр "радоваться"/, нямсуга- "улыбаться" /от нямсуг "улыбка"/.

5. Приобретение того, что выражено в производной основе: чинэл- "неправдаться" /от чинэл "справдаться"/, махл- "обрастать махом" /от махи "махо"/, эмл- "оккупать" /от эми "душа"/, явчл- "появляться /о листьях на деревьях/" /от явчл "листья"/.

С помощью постфикса -л образуются глаголы с переходным и непереходным значениями к от семов качественных прилагательных.

1/ Переходные глаголы со значением прилагательного того признака, который обозначен в производной основе, например, ноол- "выпрямлять" /от но "прямой"/, халдл- "делать лысым, плешивым" /от халдл "лысый, плешистый"/, гөндл- "обмозжить" /от гөндл "мозжик"/, эгдл- "равнять" /от эгдл "ровный"/, хартхал- "делать плоским, кривизмоу" /от хартхал "изогнутый"/, эвл "уговаривать" /от эвл "мир, согласие"/, хвудл- "греть" /от халун "горячий"/, эрвл- "экономить" /от эрвл "экономный"/.

2/ Непереходные глаголы со значением прилагательного того признака, который выражен в производной основе: жарл- "желтеть" /от нар "желтый"/, чөлгрл- "просияться" /о погоде/" /от чөлгр "ясный, спокойный /о погоде"/, хууцмгл- "проявлять женность, подыгрывать" /от хууцмгл "женский"/, акадл- "проявлять странность, капризничать" /от акад "страшный, капризный"/, тарл- "становиться жирным" /от тарл "жирный, упитанный"/.

Постфикс -л.

С помощью постфикса -л, который выступает часто как вариант постфикса -л, /их значения в большинстве случаев соннадакт/, образуются переходные и непереходные глаголы от основ, оканчивающихся на заднеязычный смичный носовой -ң, очень часто на губно-губной смичный носовой -м, иногда на заднеязычный смичный -к. Примеры: зөөдл- "ехать без седла" /от зөөдл "бесседельный"/, дэцл- "поддерживать" /от дэцл "поддержка, помощь"/, бардл- "хвастаться" /от бардл

"хваставство"/, клинц- "гневаться" /от клинц "гнев"/, эми- "мечить" /от эми "лекарство"/, гемн- "болеть" /от гем "болезнь"/, хсми- "объединиться вдвоем" /от хсми "вдвоем"/, дсми- "вращать /е знагаре/" /от дсми "вращение"/. Но в некоторых случаях наряду с -н факультативно употребляется после основы на -м и другой вариант постфикса: -д, например, даймн- ~ даймд- "положить в карман" /от дайм "карман"/, ссэмн- ~ ссэмд- "начинать снова" /кон"/ /от сэм "кон, партия"/, дсми- ~ дсмд- "сделать что-либо совместно" /от дсми "действовать совместно"/. Однако иногда постфикс -н используется при образовании глагола от основы с окончанием на -м для выражения стилистических нюансов, например, номд- "проповедовать учение" /от ном "учение"/, а номн- передает тоже самое значение, но с отрицательным оттенком. Самд- "расчесывать" от сэм "расческа, гребенок"/, не самн- "расчесывать только поверхностно, не глубоко".

С помощью постфикса -н образуются глаголы от основ, оканчивающихся на -х, например, күүдн- "говорить громко" /от күүд- "громко" /, хэцдн- "звучать" /от основы хэцд- "передавший звук /содержание, довольно громкого, но не сильного говорения"/, сүүн- "спеть, попеть" /от сүүк "дуть, продувать"/, төвн- "ускользнуть, обрести покой" /от основы төвк-, выражающей своим содержанием опокоевание/. Правда, между согласными основы -к- и постфиксом -н в этих словах выступает неясный гласный: күүднхэ, хэцднхэ, сүүнхэ, төвнхэ, но в других формах этих слов согласные к и н оказываются рядом, но постфикс -н сохраняется, искусственная замена -н на -д вызывает неестественное звучание слова или наоборот приобретает несколько иной стилистический оттенок. Иногда постфиксы -д, -н выступают как то, что слово по своему значению является другим. Так, от основы сүүк- "хитрость" с помощью -д образуется глагол сүүдн- "хитрить", а от синонимичной основы сүүк- глагола сүүк "дуть" и постфикса -н образуется новый глагол сүүкнхэ "спеть, попеть". В этих случаях постфиксы -д и -н выступают как самостоятельные глагольные постфиксы, напротив, и замена -д на

-и часто дает совсем иной результат.

Постфикс -д

С помощью этого очень употребительного в современном казахском языке постфикса -д образуются глаголы от имен существительных, прилагательных, числительных, наречий. I. От имен существительных образуются переходные глаголы, выражающие:

1/ использование того, что обозначено в производящей основе, в качестве орудия, способа действия, материала для воздействия на что-либо, например, кнурд- "хлестать, бить кнутом" /от кнур "кнут"/, хуурд- "играть на хуре" /от хур "хур - музыкальный инструмент"/, буурд- "стрелять по чему-либо из винтовки, ружья" /от бу "винтовка, ружье, огнестрельное оружие"/, безмед- "взвешивать безменом"/, сәурд- "надметать" /от сәур "веник"/, көед- "коптить" /от кө "копоть"/, чолуд- "ударить камнем" /от чолун "камень"/, һард- "руководить" /от һар "рука"/, һадд- "сильно разжигать огонь" /от һад "огонь"/.

2/ действие, где то, что выражено в производящей основе, выступает в качестве объекта действия, например, күзүд- "схватить, обнять за шею" /от күзү "шея"/, һанд- "ударить по черепу" /от һанд "череп"/, толһад- "ударить по голове" /от толһа "голова"/, баһдурд- "взять за горло" /от баһдур "горло"/.

2. Образуются переходные и непереходные глаголы, выражающие состояние, при котором то, что обозначено в производящей основе, указывает на место или опору, например, һазрд- "оказаться на земле" /от һазр "земля"/, һолд- "идти по реке" /от һол "река"/, студд- "сидеть на стуле" /от студ "стул"/, эмәдд- "опираться на седло" /от эмәк "седло"/, һүкд- "предпочтительно находиться в норе" /от һүк "нора"/, хәдд- "постепенно приближаться, располагаться поблизости" /от хәв "окружность"/, 2/ состояние, которое испытывает в результате действия того, что выражено в производящей основе, например, һодһд- "стать тонким-пре тонким" /от һодһ "нечто тонкое, прут"/, һанд- "иссохнуть" /от һанд "засуха"/, хорд-

"отравиться" /от хори "яд, отрав"/.

3. Глаголы, образование с помощью постфикса -д, от качественных прилагательных, обозначают уподобление тому качеству, что выражено в производной основе, например, боиться- "быть короткими, не хватать /не дышать/" /от быть "короткий"/, бурд- "быть хворым, заблудиться", /от бур "ошибочный, неграмотный"/, банд- "заучиться лезвием, быть ловким" /от марку "ловкий"/, бурд- "загрязниться" /от бур "грязный"/, бурд- "отстояться" /от цар "чистый"/, бурд- "загореться, стать тонким" /от бур "тонкий"/, гонд- "оказаться в положении наивного" /от гон "наивный"/, доод- "стать достаточно мягким" /от доон "мягковатый"/.

4. Такое же значение /уподобления/ тому, что выражено в производной основе имеют глаголы, образование с помощью постфикса -д от наречий, числительных, например, сурд- "приближаться" /от сур "ближе"/, сурд- "стать без одной из пар" /от сур "одна из пар"/, когд- "объединиться" /от ког "один"/, хожд- "дважды быть /прийти/" /от хо "два"/, ханд- "чувствовать одиноко" /от ханд "одиноко"/ эти глаголы являются новообразованиями. Соответственно, глагольный постфикс -д отличимая по своему значению от постфиксов -р, -л. Однако в некоторых случаях их значение почти совпадает и даже полностью в какой-то неразличимая замена, например, бурд- "загореться, стать тонким", бурд- "отстояться также, тонким", банд- "заучиться лезвием, быть ловким", банд- "стать ловким", сурд- "стать без одной из пар", сурд- "действовать будучи одной из пар", бурд- "загрязнить/ся/", бурд- "загрязнить", доод- "отстояться довольно мягким", доод- "отстояться мягким".

Постфикс -т

Глаголы, образование с помощью постфикса -т, выражают проявление того, что обозначено в производной основе. При образовании глаголов от имен существительных с помощью постфикса -т выражается приобретение /как правило, в изобилии/ или использование в качестве орудия действия не означенного какого-нибудь объекта того, что выражено в производной

Глаголы, образованные с помощью постфикса -р от имен существительных, показывает, как правило, естественный процесс проявления значения, содержащегося в производящейменной основе. Примеры: цуср- "прибавление крови, приобретение кровянистого вида /благодаря процессу, идущему изнутри/" /от цуон "кровь"/, шуджэр- "заболеть ядугом" /от шуджа "ядур"/, чолур- "окаменеть, стать обильным камнями" /от чолу- "камень"/, эмгр- "стать старой старухой" /от эмги "старуха"/, элэр- "превратиться в песок" /от элги "песок"/, толяр- "излучаться" /от толян "дуч"/, нохяр- "считаться за собаку, стать собакой" /от ноха "собака"/, бутр- "рассыпаться в крошки" /от бут "крошка"/, кееср- "пениться" /от кееси "пена"/. Иногда значение постфикса -р почти совпадает со значением постфиксов -л и -т. Например, можно заменить постфикс -р в глаголе толяр- "свернуться бубликом" на -л: толл- /от основы толи "бублик". Значение глагола почти одинаковое, но несколько меняется только направленность действия: толяр- выражает действие производимое самим деятелем или осуществляемое само собой независимо от деятеля, на которое направлено действие.

Глаголы, образованные посредством постфикса -р- от имен прилагательных, выражают проявление признака, содержащегося в производящей основе. Примеры: тодр- "проясниться" /от тод "ясный"/, һалэр- "обяснить" /от һалзи "ясный"/, гангр- "стать легче" /от гинги "легкий"/, етхр- "стать гуще" /от етги "густой, вязкий"/, судр- "стать свободным, освободиться" /от суд "свободный"/, номбр- "притихнуть, стать спокойным" /от номби "тихий, спокойный"/, хуучэр- "стареть /о вещах/" /от хуучи "старый"/, пааяр- "побелеть, стать белым" /от пааби "белый"/ хоор- "светлеть, розоветь" /от хо "светлый, розовый"/.

С помощью постфикса -р- образуются глаголы и от глагольных основ, например, цацр- "распространиться" /от основы цац-, выражающей "разбрасывание"/, хээр- "разрезать" /от тээр-, выражающей "раскрытие"/, дээр- "нападать, засажать" /от дэв-, выражающей движение вперед/, вүүр- "разрушиться,

/от күү-, выраженной "разрушение"/, тохр- "успокаиваться, виснуть в келье" /от основы то-, выраженной "успокоение, покой"/.

Посредством -р образуются глаголы и от несредственных числительных, например, доер- "уменьшиться /количественно/" /от числ "малочисленный"/. олу- /"увеличиться численно"/ /от числ "много"/, бадр - "уменьшиться /в размерах, объеме, весе/" /от числ "мало"/.

Постфикс о

С помощью постфикса -о- образуются от различных частей речи, в основном от имен существительных глаголы, выражающие желание, потребность, проклятие того, что обозначено в производящей основе. Например, цээс- "выпытывать изобретение /или желание/ пить чай" /от ца "чай"/, жатс- "выпытывать желание есть мясо" /от мякс "мясо"/, элго- "проклятие родовенные чувства" /от элги "родственник"/, хуарс- "выпытывать потребность в соли" /от хуар "вода, соль"/. нөөрс- "спать, выдаться в сон" /от нер "сон", эмс- "пробовать, отведывать" /от амс "рот"/, емж- "притомляться" /от еми "голодный, сонный"/, хорс- "проявление агучей соли", дэмж- "комкаться" /от дэм "грива"/, кес- "обходить подряд /одни за другим/" /от основы ке- в которой выражен процесс движения, даянк/.

Постфикс -рх ~ -рх

С помощью постфикса -рх от различных частей речи образуются переходные глаголы, выражающие проявление /в значительно большей мере чем это необходимо/ того, что выражено в производящей основе. Благодаря этому глаголы, образованные с помощью постфикса -рх часто носят негативный характер. Например, охэрх- "увлекаться пользой, проявлять жадность к наживе" /от охз "польза, доход"/, дэсрх- "проявлять резко выраженную неприязнь, враждебность" /от дэси "враг"/, хотрх- "проявлять жадность к пище, чувствовать чрезмерный аппетит"/, /от хот "еже"/, усрх- "выпытывать чрезмерную потребность в воде" /от усн "вода"/, дохрх- "свирепствовать"/. /от дохн "свирепший"/, снрх- "выпытывать

единичность" /от эми "особый, одинокий, одинок"/, соньрх- "интересоваться, проявлять интерес" /от сонья "интересный, интересно"/, байрх- "возрадоваться" /от байр "радость"/, вистарх- "проявлять ослеплость благодаря возрасту" /от виста "в возрасте"/. В приведенных выше и других примерах глаголы, образованные посредством постфикса -рх, могут выступать как в собственном, так и переносном /обычно негативном/ значении. Однако в некоторых случаях /в зависимости от значения производящей основы/ глаголы несут сугубо негативное значение, например, йорх- "чрезмерно /больше, чем требуется/ соблюдать законность" /от йоси "закон"/, войрх- "вести себя по-ословски, чрезмерно по-начальнически" /от войи "моги, господи"/, номтрх- "лжиться своей мнимой ученостью" /от номт "ученый"/, ээрх- "вести себя как хозяин, действовать, претендуя на что-то, как хозяин" /от ээи "хозяин"/, сээрх- "лжиться своим преимуществам" /от сээи "хороший"/.

Матрицальный вариант постфикса -рх является -рх, с помощью которого образуются переходные глаголы с тем же значением, что и посредством -рх, например, ээрх "вести себя как хозяин, действовать, захватывать силой" /от ээи "хозяин, господин"/, вейрх- "испытывать потребность в бульоне" /от веи "бульон"/, кийрх- "воспитывать недостаток в кие, аметемном" /от ки "воздух, пустота"/.

Постфикс -л

С помощью постфикса -л от основ имен существительных, имен прилагательных и причастий действительных и образных основ образуются переходные глаголы, которые обозначают действия, выраженные производящей основой, причитки к чему-нибудь, приобретение, обладание чего-нибудь, чрезмерное воздействие чего-нибудь по значению производящей основы. Примеры: веть- "приспывать, причитываться к чему-нибудь, повадаться" /от вети "жуе"/, талл- "быть подкованным" /от тал "подкова"/, йээр- "прикывать к перем, закрывать" /от йер "пер, носедь"/, сээр- "обосноваться, оседать" /от сээр место"/, вавэр- "возвращаться, инстинктивная тяга к привычной местности" /от вавэр "земля, местность"/, вуул- "устанавли-

ваться /о зите/, становиться по-летнему" /от зун "лето"/, нари- "нагреться на солнце, получить солнечный удар" /от взи "солнце"/. Глаголы, образованные посредством постфикса -и от имен прилагательных, выражают процесс становления или приобретения того качества, выраженного производной сою- вой, например, жидки- "становиться опитки" /от даяг "опиткий"/, адрш- "прославиться" /от адр "слабый"/, цзе- вре- "становиться беловатым" /от цзевр "беловатый"/, эдиги- "становиться достаточным, обильным" /от эдиг "обильный"/, эмгш- "одичать, становиться диким" /от эмгт "необъясни- ный, несобученный /о лошади/, целинный /о земле/", зергш- "становиться диким, отчуждаться" /от зергт "дикий /о живот- ных/", берки- "становиться редким, трудным" /от берк "труд- ный, редкий"/.

С помощью постфикса -и образуются глаголы от звукопод- ризательных и образных основ, выражают повторность дейст- вия по значению производной основы, например, тоци- "сту- чать" /от тоц - звукоподризательное с стуках /например, джиза"/, дуги- "пульсировать, биться, тулко дрожать" /от дуг- с пульсированной основой /вскалывающего качества/, о дрожании /земли от взрыва тяжелых орудий/, едзи- "взять трусцов" "от сов- о повторяющемся поперечном движении/, ядш- "до- кучливо внезапно мять /о собаке/" /от яд- с докучливым значением лав"/, тунд- "тяжело дышать, стонать" /от тун-, переданное от стонущего дыхания"/.

Постфикс -ша ~ -ше

Гласные а-е в составе постфиксальной морфемы -на -ше имеют, как правило, долгое произношение, выступая как отгласки соответствующих долгих фонем. Однако в орфографии эти гласные, поскольку они выступают в непрерывных слогах, обозначаются одинаковыми гласными буквами.

Посредством постфикса -ша ~ -ше главным образом от ос- нов имен прилагательных образуются в основном переходные глаголы обозначают действия, выражающие отношение к чему- нибудь, оценку, характеристику чего-нибудь, например, зевше- "одобрить, дать согласие" /от зев "правильный, верный, пра-

во"/, бурува- "отвергать, считать неправильным" /от буру "неправильный, неверный"/, эвва- "звать" /от эв-/.

Постфикс -ц

С помощью постфикса -ц- образуются глаголы от основ имен существительных, прилагательных, числительных, а также от глагольных основ. Глаголы, образованные посредством постфикса -ц-, обозначают действия, которые протекают обычно при участии кого-то, или предпочтительно с участием кого-либо, например, чирец- "предстать лицом к лицу с кем-то" /от чире "лицо"/, денц- "принять участие в оказании помощи кому-то" /от ден "помощь"/, еец- "обидеться на кого-нибудь" /от е "обида"/, эдц "равняться с кем-то" /от эдл "равный, одинаковый"/, тоцц- "считаться с кем-нибудь" /от то "счет"/, хувац- делиться с кем-нибудь" /от хува- "делить"/, зүүц- "включать что-то наряду с чем-то другими" /от зүү- "включать, включать"/, алмац- "несколько сомневаться, проявлять некоторое колебание" /от алма- "удивляться, сомневаться"/.

Постфикс -ч

Средством постфикса -ч- образуются глаголы от основ имен существительных, глагольных, изобразительных основ и обозначает действие, выражающее обычно продолжительное или основательное проявление значения производящей основы, или уподобление тому, что содержится в производящей основе. Примеры: насч- "обретать возраст, становиться /пожилым, старым"/ /от насн "возраст"/, усч- "плыть, двигаться по воде" /от усн "вода"/, тирч- "дрыгать ногами /более продолжительная"/ /от тир- "дрыгать" - без указания продолжительности/, акч- "сократиться, сжаться" /от ак- "сокращаться, высохнуть"/.

Довольно частый случай образования глаголов посредством постфикса -ч-, который придает глаголу глубокий или основательный многократный характер протекаемого действия, от изобразительных основ, например, тасч- "разорвать на части" /от основы тас-, выражающей рассечение насквозь, до основания/, шууч- "рвать на части" /от основы шу-, которая передает процесс образования трещины, щели/, срав.: с шуул- "рвать", бууч- "прокалывать насквозь" /от буу, выражающем

признание чем-либо/, ср.: бууд "проколоть, продырявить"/.

Постфикс -ж ~ -з

С помощью постфикса -ж- от основ имен существительных, имен прилагательных, а также глагольных, звукоподражательных и изобразительных основ образуются в основном непереходные глаголы, выражающие процесс проявления того, что обозначено в производящей основе:

1/ от основ имен существительных посредством постфикса -ж образуются непереходные и переходные глаголы, выражающие процесс становления или проявления того, что выражено в производящей основе, например, наиж- "наступать /об осени/, проводить осень", кегж- "развиваться" /от кег "пружина"/, демж- "оказать совместную помощь" /от дем "помощь"/. Вариантом постфикса -ж выступает постфикс -з, например, увяз- "зимовать" /от увл "зима"/.

2/ от основ имен прилагательных образуются с помощью -ж глаголы, которые обозначают действия, выражающие уподобление или усвоения качества по значению производящей основы, например, эвйж- "становиться обильным" /от эвг "богатый"/, боож- "струиться" - от бо "прямой"/, мергж- "совершенствоваться в чем-то, становиться мудрым, метким" /от мергн "мудрый, меткий", холж- "отстать далеко, расстаться" /от хол "далекий, далеко"/, ергж- "шириться, распространяться" /от ергн "широкий"/.

3/ с помощью постфикса -ж- образуются глаголы от глагольных основ и обозначают протыженный характер действия. Примеры: унж- "связать, спадать" /от ун- "падать"/, хонж- "зачеивать" от хон- "ночевать"/.

4/ посредством постфикса -ж образуются глаголы и от звукоподражательных основ, например, дагж- "трястись в спешке" /от даг - о трясущемся с легким подскакиванием /, түгж- "спешить, почти спотыкаясь" /от түг- звукоподражательное о звуках шагов, стуков түг-түг/, хавж- "дрожать так, что зуб на зуб не будет попадать" /от хав - звукоподражательное о движении челюстью при морозе/.

Постфикс -л- -к

С помощью постфикса -л- образуются переходные глаголы, которые выражают проявление того, что обозначено в производящей основе, например, дасл- "обучать, учить, проучать" /от основы дас- "учить, проучать"/, босл- "поднимать" /от основы бос- "подниматься"/, осл- "снеговать, обильно вить, лязгать" /от основы осл- "слухать, слышать"/, хорсл- "почувствовать гущую боль" /от корс- "чувствовать гущую боль"/, тоньл- "уничтожить, свратить" /от тонь- "почувствовать"/.

Постфикс -к- выступает как мягкорядный вариант постфикса -х-. Примеры: еерк- "приблизить, сделать ближе" /от еерд "приблизиться, стать ближе"/, еек- "выращивать, растить" /от ес "расти"/, цеврк- "очистить" /от цеврд "стать чистым"/, тегок- "закончить, завершить" /от тегс "закончиться, завершиться"/, дельк- "развевать" /от дель "развеваться"/, сурек- "воодушевиться, мучить страх" /от сурел "воодушевить, испугивать страх"/, дельк- "наступать на кого-нибудь" /от дель- "наступать, колоть"/.

Постфикс -длн

С помощью постфикса -длн- образуются от звукоподражательных, редко образных основ непереходные глаголы, выражающие многократность, монотонность действия. Примеры: саридлн- "хрустеть /например, о листьях/" /от сар /сар/ - звукоподражательное о шесте, куриници, мордн - "дурчать /о ручье, струе ледяности/" /от мор- /мор/- звукоподражательное слово о струящейся ледяности /, каридлн- "хрустеть /о сухаре во рту/" /от кар /кар/ - звукоподражательное слово о доволно громком хрустении, саридлн- "хрустеть, скрипеть /о снеге/, /от кар /кар/ - звукоподражательное слово о хрустении, саридлн- "звонеть /о косякочьяке/" /от кар /кар/ - звукоподражательное о одновзвучном звучании/, каридлн- "гремять /например, о пустой посуде/" /от кар - кар/ - звукоподражательное слово о гремении, грохоте/, каридлн- о движении челюстью при не посаженном зуба на зуб /от холода/", бурждлн- "ворчать, что-то тихо приговаривать"

вить" /от бур бур - о бурлящем, бубнящем призмозвонии/".

Постфикс -гр

Посредством постфикса -гр- образуются непереходные глаголы от основ прилагательных, существительных, изобразительных и образных основ и обозначают удовольствие тому, что выражено в производящей основе, например, селдгр- "переливаться радугей" /от селдй "радуга"/, улдгр- "светить слабым светом" /от улд - о слабом красноватом свете/, курдгр- "быть варочиватым" /от курд "коричневый"/, урцгр- "едва светить" /от урц - образное о слабом, едва заметном свете, свете"/, алдгр- "сонноветься" /от алд "сонново, колеблюще", ирлгр- "бе- гать /о курящих"/от ирл - о ров чего-либо многочисленном /кчед"/, зеггр- "выглядеть с окантовкой, каемкой, колесочкой" /от зег "окантовка, каемка"/, едгр- "делаться сметаносодобным" /от ери "сметана"/.

Постфикс -ад ~ -эд

Постфикс -ад ~ -эд - служит для образования непереходных глаголов от основ имен прилагательных изобразительного происхождения и изобразительных основ, выражает проявление того, что обозначено в производящей основе, например, джвсэд- "кокетничать" /от основы джвс - "кокетливый"/, джвэд- "кокетничать" /несколько по-иному, чем в джвсэд/ /от основы джвд- "кокетливый"/, ивсэд- "проявлять готовность сделать что-либо, не имея на то сил" /от основы ивсд-"/, иврэд- "вильять хвостом /о собаке"/ /от основы ивр-"/, келвэд- "вильять по земле, кумиркаться" /от основы иель- "перекатываться, кумиркаться"/, ацкэд- "бегать, тяжело дыша от усталости" /от ацк- "тяжело дышать"/, сакхэд- "обрадоваться, испытать радость" /от сакх-/, изобразительное слово, передающее выражение радости"/.

Постфикс -ар ~ -эр

С помощью постфикса -ар ~ -эр от основ имен существительных, глагольных основ образуются непереходные глаголы, выражающие предельно полное проявление того или удовольствие тому, что обозначено в производящей основе, например, цадар- "предельно полно насчитаться, досыта наедаться" /от цад-

"наедаться"/, теңер- "предельно полно сравниться, наполниться" /от тең- "равняться"/, үсәр- "идти /о мелком, продолжительно дожде" /от үсн "волос"/.

Постфикс -ас~ -эс имеет ограниченное употребление.

Посредством постфикса -ас~ -эс образуются от основ имен существительных, глагольных основ новые глаголы, выражающие ощущение по значению производящей основы, например, ундас- "испытывать жажду" /от основы унд- "питье"/, цадас- "ощущать насыщенность, сытость" /от цад- "насыщаться"/.

Постфикс -вк- имеет ограниченное употребление.

С помощью постфикса -вк- от изобразительных, звукоподражательных основ образуются непереходные глаголы, выражающие проявление того, что передает производящая основа изобразительного слова, но с повторяющимся характером действия, например, дөлвк- "мелькать, переливаться" /от дөл- переливание, на свету мелькание, подпрыгивание/, дөлвк- "проходить с откинутой головой, ничего не замечая" /от дөл- изобразительное слово о слегка изогнутом, не замечавшем/, сөрвк- "развивать, колыхаться" /от сөр- звукоподражательное о звуках колыхания флага на ветре/, дөрвк- "сильно разгораться /об огне/" /от дөр-, передавшем шум пламени о сильного горения огня/, шилвк- "оверкать /сверепыми глазами/, делать резкие движения /о разгневанном человеке/, ползти, направляясь на свою добычу /о змее/" /от шил-, передавшем резкие движения сверепого гневного состояния/.

Постфикс -мс ~ -мц относится к малоупотребительным постфиксам.

Глаголы, образованные с помощью постфикса -мс - от основ имен существительных, прилагательных и глагольных основ, обозначают частичное проявление того, что выражено производящей основой. Примеры: бермс "вести себя как невестка" /от бер "невестка"/, соньмс- "интересоваться, проявлять интерес" /от соньн "новость, весть, интересный"/, инямс- "усмехнуться" /от иня- "смеяться"/, һолмс- "относиться с пренебрежением" /от һол- "пренебрегать, отвергать, браковать"/, ичмс- "проявлять некоторую стеснительность" /от ич

"отесняться"/. Иногда в том же значении выступает факультативно постфикс -мц, например, ээмц- "нашего испугаться, вадрогнуть".

Постфикс -лд- относится к числу малоупотребительных постфиксов. Он внешне совпадает с залоговым постфиксом -лд-, который присоединяется только к глагольным основам и выражает совместность действия. Постфикс образования глаголов -лд- присоединяется, как правило, к основам имен существительных, последние выступают в глаголах орудием или объектом действия. Примеры: ескелд- "стоять, ходить на пятках" /от еске "пятка"/, тохалд- "опираться локтем, облокачиваться" /от тоха "локоть"/, аралд- "стиснуть зубы" /от ара- "коренные зубы", тамалд- "стоять, подходить боком /о крупном рогатом овате/, проявлять враждебное отношение" /от тама "бедро, бок"/, шаналд- "подпирать скулы руками" /от шана "скулы"/. Но встречаются и случаи образования глагола с помощью -лд- от глагольной основы, например, зуурлд- "иметься во что-то, завязнуть" /от зуур - "мешать, размешивать"/. Встречаются, хотя и очень редко, случаи глагола адд "уронять", выполняющего служебную роль, с постфиксом образования глаголов -лд-, например, саналд "вздыхать" < сана адд.

Постфикс -шл

Посредством постфикса -шл образуются непереходные глаголы от основ имен существительных, имен прилагательных, наречий и выражают уподобление тому, что обозначено в производящей основе. Примеры, зевшл- "согласовывать, согласовывать" /от зев- "верно, правильно, правильность"/, геддгшл- "пятиться назад, отклоняться назад" /от гедд- "назад"/, эврешл- "считать своим" /от эвре "свой"/, һазршл- "следовать в знакомые места" /от һазр "земля, место"/.

В калмыцком языке аффриката -ч- перед переднеязычными и среднеязычными смычными согласными, в частности перед переднеязычным боковым л, чередуется на ш, то постфикс -шл в предложении совпадает с постфиксом -чл, к тому же очень близки их значения. Однако при морфологическом анализе их

обнаруживаются различия, например, зрени - зрелюд. ку-
учка - куучюд.

Постфикс -чи

Посредством постфикса -чи образуются глаголы от
имен существительных, прилагательных и обозначают удобле-
ние тому, что выражено в производной основе, например, ко-
лечи- "держать за вали" /от дела "вали"/, кууччи- "удо-
черить" /от куучи "девочка, дочь"/, аиччи- "разбогатеть,
распуться" /от аичи "разбогатевший, распутный"/, ноиччи-
"видеть по собаке" /от нока "собака"/, терчи- "посетить к
родственникам в гости /о земужной жонине/".

Постфикс -кр мало употребителен.

С его помощью образуются переходные и непереходные гла-
голы от основ имен существительных, от глагольных и звуко-
подражательных основ, и выражает действия, обозначающие
пудькучувие проявление того, что содержится в производной
основе, например, шикр- "подрубить /материю/ /от шк - обозна-
чение, ленованность"/, аичкр- "наносить ожоженные удары,
драть" /от нит - "холодить, прищипывать"/, хэкр- "кричать,
орать" /от хэр -звукондражательное о сильном крике/, беркр-
"резать, орать" /от бер - звукондражательное о сильном реве,
крике/. В некоторых случаях может выступать факультативный
вариант -ки: хэрки-, берки-.

Постфикс -си

Очень малоупотребительная морфема. С помощью постфикса
-си от основ различных частей речи образуются глаголы, обознача-
ющие проявление того, что выражено в производной основе.
Например, бурси- "сводить в целое, подсчитывать наличие в
общем" /от бур - "все, полнота"/, нуьси- "сложить в склад-
ки" /от нуь- "загнуть, перетнуть"/.

Постфикс а ~ э

Очень употребительный постфикс, который в проаномени
выступает обычно с долготой. Посредством постфикса а ~э -
образуются от основ имен прилагательных, глагольных основ,
главным образом от образных и изобразительных основ пере-
ходные и непереходные глаголы, которые выражают состояние

по значению производящей основы. Глаголы, образованные при помощи -а~-э - от образных и изобразительных основ, характерно выражение чего-то выпячивающегося, раскинутого, широкого, стремящегося наружу. Причем, от основ имен прилагательных, образных и изобразительных основ образуются только непереходные глаголы, а от основ непереходных глаголов - переходные глаголы. Примеры: чирдэ- "идти через силу / точнее, напрыгая все силы/" /от чирд-, при чирдир "бес-скийный, купный"/, чомшэ- "идти как истукан, выдвигая на ровном месте" /от чомш-, при чомшир "идущий как истукан, идущий"/, хавтэ- "приземлиться, стать кружевистым" /от хавт-, при хавтэ "плоский, приземистый"/, баджа- "вести себя смело" /от бод- выражает сложность/, сандэ- "подниматься, приподниматься" /от санд-, при сандэ "мелкий"/, сарна- "быть широко растопыренным /напрыгать, с хрипых носов/" /от сарн-, при сарнир "растопыренный"/, серса- "торчать" /от серс-, при серсир "торчание"/, адрэ- "быть широко раскрытым" /от адр- выражает открытость/, арэ- "быть взлохмаченным" /от ар-, при арир "взлохмаченный, косматый"/.

От основ непереходных глаголов при помощи постфикса -а~-э образуются переходные глаголы в том же значении, например, тогта- "устанавливать, образонивать" /от тогт- "устанавливаться, образониваться"/, чилэ- "заканчивать, завершать" /от чил- "заканчиваться, завершаться"/, тилэ- "закалывать, пручать" /от тил- "закалываться, пручаться"/, нэтэ- "зажигать, поджигать" /от нэт- "гореть, зажигаться, загораться"/, куртэ- "надевать" /от курт- "достаться"/, эдэ- "изнашивать" /от эд - "изнашиваться"/.

Постфикс -н~-и

По своему значению постфиксальная глагольная морфема -н~-и - очень близка к -а~-э, но отличается, во-первых, тем, что образует глаголы, как правило, только от образных и изобразительных основ, во-вторых, для -н~-и характерно выражение чего-то окованного, сжимающегося, сжатого /в прыжке/, охато-взвешенного, мячкого, немурого цельного, ослабленного. Примеры: маңи- "насушиться" /от маңо-, при

мнѣнѣр "хмурый, насупившийся", хмил- "сжать /губы/ /от хмил-, при хмилр "тонкий и сжатый"/, бѣгчѣ- "огорбиться" /от бѣгчѣ-, при бѣгчѣр "огорбленный, горбатый"/, чомил- "сидеть, съежив-
ножь" /от чомил-, при чомилр "выделывающійся /на ровном месте/" /
жуутн- "выглядеть, быть обступленным" /от жуутн-, при жуутр
"обступленный"/, бавил- "быть дожатим" /от бавил-, при бавилр
"дожатим"/, матил- "скривиться" /от матил-, при матилр "крив-
вой"/, ундил- "святить /дѣлать"/ /от ундил- "святить дѣлать"/,
арил- "накуриться, съжигаться" /от арил-, при арилр "хмур-
ный, съжигавшийся"/, акробил- взероженно торчать /например, об
усах"/ /от акробил-, при акробилр "взероженно торчащий"/, каил-
ил- "вести себя несокомерно" /от каил- выражает несокомер-
ность, малоричивость/.

Постфикс -лз довольно употребительная морфема, хотя
имеет узкую сферу применения. С помощью постфикса -лз - от
основ имен прилагательных, числительных, глагольных союзов, а
главным образом от обратных и изображительных союзов, образу-
ются непереходные иклические глаголы, которые выражают иер-
ко-рпические, длительно-продолжительные, длительно-комитатив-
ные действия. Примеры: арлзл- "кипеть, закипаться /о насе-
комых"/ /от арл- образное с движением иклического/, бѣклз- "ле-
однократно нагибаться, наклоняться" /от бѣк- "зад"/, торлз-
"бѣгать, подпрыгивая и играя" /от тер - образное о легком
подпрыгивающем движении/, бурлз- "дригаться" /от бур -
изобразительное о рассеянном потоке лучей, жидкости/, бурлзл-
"троить" /от бурл- "три"/, каяклз- "расхаживаться, ходить
самодовольно вперед и назад" /от каак - "ходить вперед и на-
зад"/, анлзл- "открыть периодически рот" /от анл- выражаю-
щая открытость чего-то/, дондлзл- "подпрыгивать /например,
о человеке высокого роста/" /от дондл-, при дондлр "высокий
/выше других/, большой, крупный", доклз- преклоняться, вла-
няться, стремиться угождать" /от док- "подгибать колени, вла-
няться"/.

Постфикс -хлз ~ -лхз

По своему значению очень близок этот постфикс к -лз,
поэтому, вероятно, в монгосоветских склонны отождествлять

эти постфиксы как разновидность одного и того постфикса. Хотя принципиальной разницы между ними нет, но имеет то эти-
чие в форме, включавшей еще и согласные -h-, -x-, и согласо-
ные нванон в значении. Примеры: маасхлэ- "улыбаться, оска-
лить зубы" /от маас-, образное о широкой улыбке/, хаяхлэ-
"ходить, двигаться пружинисто" /от хаяц - образное о под-
черкнуто четком слетка протгибавшемся, пружинистом движении/,
хавчхлэ- "держаться стойко, в стесненных условиях"
/от хавч - "ожать, прижать"/, сарнхлэ- "растопырить /улы -
баясь/ кривля своих ноздрей" /от сарн-, при сарнр "с
растопыренными широкими ноздрями/, хульхлэ- "смякнуть, рас-
киснуть" /от хульк -об обмягнем, мокром и неустойчивым/.

Постфикс -h ~ -г

С помощью этого постфикса от основ непереходных гла-
голов образуются переходные глаголы. Примеры: норh- "смочи,
замочи" /от нор- "мокнуть"/ харh- "выводить" /от хар- "вы-
ходить"/, сурh- "обучать, учить" /от сур- "учиться"/, сунh-
"вытягивать, растягивать" /от сун- "вытягиваться"/, есрг-
"вытолкнуть, выпрыгнуть" /от еср- "подпрыгивать, отлетать"/.
Однако мягкорядный вариант постфикса при присоединении к
основам изобразительного и образного происхождения может
образовать и непереходные глаголы. Например, кирh- "грохот-
тать, греметь" /от кир- звукоподражательное о гулком и силь-
ном ударе/, серг- "освежиться, свежеть, пробуждаться /от сер-
о легком освежаемом, о ветре/, тург- "прочесать, пройти, ка-
саясь, задевая что-нибудь" /от тур- о движении, при котором
двигающийся предмет касается других предметов/, шарh- сы-
паться крупной дробью /например, о пулях, дожде/, /от шар-
звукоподражательное о звуках шар- шар/.

Постфикс -лh ~ -лг

От основ, оканчивающихся на гласные, образуются пере-
ходные глаголы с помощью постфикса -лh ~ -лг. Примеры: зуулh-
"заставить прикусить", улаалh- "сделать красным" /от улан
"красный"/, цөөлh- "победить" /от цөө - "белеть"/, нуулh-
"заставить кочевать" /от нуу- "кочевать"/. гүүлг- "заста-
вить бежать" /от гүү - "бежать"/.

Постфикс -нъ

Неиспользуемый, неисключительный постфикс, который встречается в глаголах с переходным значением. Примеры: токль- "успокоиться, остепениться" /от ток- "спокойствие, степенность"/, худъ- "гнусаить" /от худ- звукоподражательное с гнусавым произношением/, урь- "гневаться, быть яростным" /от ур "гнев, ярость", сажь- "старшая, о радости пою - гать кому-либуль".

Таким образом, здесь дано описание постфиксов, образующих глагольные основы. В их числе были и постфиксы, которые употреблялись иначе, например, постфиксы: -дъ, -хлъ ~ -длъ, -лх ~ -лг, -н ~ -н, -дъ, -мъ ~ -мц, -вк, -ас ~ -ас, -ар ~ -ар, -тр и др. Все постфиксы, в том числе и те, которые были известны ранее, описаны главно.

ДЕСПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ

Деспричастные обороты в современном калмыцком языке, как и многие вопросы синтаксиса, остаются недостаточно изученными, хотя без деспричастных оборотов трудно представить и само предложение. Причастные и деспричастные обороты по частоте употребления в предложении занимает одно из первых мест по сравнению с другими группами словосочетаний и слов. Актуальное значение деспричастных оборотов состоит в том, что они в силу некоторых их специфических особенностей и своеобразной внутренней структуры вызывают различные по значению и споры вокруг их совокупности функции синтаксических единиц.

Общий спор вызывает самостоятельный деспричастный оборот, который в своем составе имеет субъект, ошибочно называемый некоторыми учеными подлежащим, и поэтому мы на этом основании эти обороты необоснованно причисляем к предаточным предложениям, и структуру таких оборотов считаем идентичной структуре любого подчиненного предложения.

В связи с этим возникает необходимость указать на его специфические черты, функции в строе предложения, охарактеризовать различные виды оборотов и их свойства, разобраться во внутренней структуре и на основе всего этого обосновать отличие деспричастных оборотов от предаточных предложений.

Словосочетание с главным словом в форме деспричастия мы называем то деспричастным оборотом, то развернутым членом предложения. Такая двойная функция деспричастия вполне оправдана, во-первых, деспричастие с его настройкой в отвлечении его от синтаксической функции в предложении представляет собой оборот, имеющий особую внутреннюю структуру своего образования. Деспричастный оборот, который выполняет различные синтаксические функции по отношению к какому-нибудь члену предложения или к смыслу предложения, рассматривается как его развернутый член.

Внутренняя структура деепричастного оборота в современном калмыцком языке на данном этапе развития совершенно не изучена. Основным вопросом в структуре оборота является его субъект и предикат. С анализом взаимоотношений и связей между главными компонентами оборота — субъектом и ведущим деепричастием связана сама постановка вопроса, его место в структуре предложения.

Субъект выражается различными грамматическими средствами, в первую очередь, существительными в форме различных падежей, а также местоимениями, числительными, причастиями и другими. А подлежащее — один из главных членов предложения, выражается грамматически независимой формой слова. Отсюда ясно отличие субъекта оборота от подлежащего, а следовательно, и оборота от придаточных предложений и предложения вообще.

Деепричастные обороты часто употребляются и без своего субъекта: Машиг зогстл һәрэдэ бун, кевун ут улан хаалһар йовд одв. /Д.Б.Э./ "Спрыгнув с бегущей машины, мальчик ушел по широкой дороге".

Субъект оборота и подлежащее основной части предложения выражаются одним именем существительным или местоимением в форме именительного падежа, при этом оно находится обычно в составе предложения, а не оборота: Эмтнэ нудни үзүрт үзгддг болад, онһгдэд, ончлгдэд, эн иткдд орад ирв. /Д.Б.Э./ "На него стали обращать внимание, он стал выделяться в глазах людей, входить в доверие".

Подлежащее предложения и субъект оборота могут выражаться одной предикативной частицей: Кэдлжәһэд, халурси цагт хувцан тәәлж хайчкэд, еемд чаджанат. /Д.Б.Э./ "Во время работы, когда станет жарко, вы можете искупаться, сбросив с себя одежду".

Подлежащее основной части предложения и субъект оборота могут отсутствовать, но они подразумеваются и выясняются из контекста: Тадниг авч олад, кино хәләлчкәд, күргәд авч ирәд бәәх. /Д.Б.Э./ "Будет возить вас в кино и привозить обратно".

Субъект деепричастного оборота выражается также личными причастными частицами, которые непосредственно присоединяются к самостоятельным деепричастиям: Баһһснас нисд иртмди, теди белн болчюн маниг кулэждэ. /Н.М., М.н./ "Пока мы приятели из города, они были готовы и ждали нас".

Иногда подлежащее основной части предложения и субъект деепричастного оборота отсутствуют и восстановить их ни по смыслу, ни из контекста невозможно: Амрдг едрт кевэдь ооад, сергэд, уудьбран һарһд болдана. /Д.Б.Э./ "В воскресные дни можно отдохнуть на берегу и просвежиться".

В калмыцком языке иногда подлежащее повторяется дважды. Такой случай бывает тогда, когда подлежащее стоит в начале предложения и отделено оно от сказуемого деепричастными оборотами или другими группами слов, словосочетаний: Бүүрч терүг медэд, бас директориг дахдд, ормдан зогон бээж, эн немд кель. /Д.Б.Э./ "Бурчи, поняв это, вслед за директором, стоя на месте, он дополнил". В этом предложении подлежащее повторяется второй раз, но в форме указательного местоимения "эн" /он/. Такое повторение подлежащего в начале и под конец предложения явление нежелательное, но оно иногда помогает понять предложение, если подлежащее отделено многочисленными деепричастными и причастными оборотами, которые очень часто употребляются при подробном описании какого-нибудь явления.

В некоторых предложениях с деепричастным оборотом подлежащее может отсутствовать, а субъект оборота выражается именем существительным в форме косвенных падежей. В этом случае на подлежащее указывает субъект оборота, хотя он выражен существительным в косвенных падежах, подобной формой обычно при прямом порядке слов подлежащее в калмыцком языке не выражается.

Зависимые слова в обороте могут находиться в самых разнообразных отношениях к стержневому слову или к субъекту: они выполняют определительные, дополнительные, обстоятельственные функции: Хавр иред, ноһан һарад, хальмг тег делгүдэн сээхрү одон цаг билэ. /Н.М., М.Т./ "Пришла весна, зазеленела

трава, каменная стена между стала красивой". Эти субъекты являются как бы источниками действия, выраженного деепричастием, а сами обороты более самостоятельны, их субъекты, выраженные именем существительным в форме именительного падежа, придают им целостность и двучленность. Поэтому такие обороты с самостоятельными субъектами имеют тенденцию к обособлению, соответствуя по своему значению придаточному предложению. Распространению оборота может происходить не только за счет слов, зависимых от деепричастия, но и слов, относящихся к субъекту: *Селене иходи орад, Бата сурфудян оурад бовл. /Э.К., Н.Х./ "Поступив в сельскую школу, Бата продолжил учиться"*. Субъекта в этом деепричастном обороте нет, поэтому подлежащее может стоять в середине обычного простого предложения. Источником действия оборота в данном случае является подлежащее *Бата /ответственное имя/*.

Если деепричастный оборот имеет самостоятельный субъект, то желательно, чтобы субъект оборота и подлежащее основного предложения стояли не рядом, особенно тогда, когда они выражены именами в форме именительного или винительного падежа: *Ува еерлед, часн дару-дарунь орлг бовл. /Э.К., Н.Х./ "Зима приближалась, и снег стал идти чаще"*. В таких предложениях подлежащее обычно соседствует со своим сказуемым. Но место подлежащего является факультативным, если субъект оборота выражен именем существительным в косвенных падежах: *Батаг дунд икол чилехе, кевун кедьмит орад кедль. /А./ "Когда Бата окончил среднюю школу, парень поступил на работу"*. В данном случае подлежащее может стоять и впереди оборота, принимая следующий вид: *"Кевун Батаг дунд икол чилехе, кедьмит орл кедль*. Такой оборот речи допустим, но желательно, чтобы подлежащее предложения стояло со своим сказуемым, чтобы оно было легко различимо от субъекта, который также соседствует со своим ведущим словом - /деепричастием/ и имеет иногда одинаковую начальную-исходную основу с подлежащим. Деепричастные формы отличаются от окончательных глагольных форм своей неизменяемостью, неспрягаемостью, неспособностью выразить законченное действие.

Деепричастный оборот в речи обязательно соединяется с предложением соответствующей интонацией, следовательно, выделяется он запятой, если между деепричастным оборотом и сказуемым имеется другой какой-нибудь член предложения: Би кергте болад аджд йовнав. /С.Б., У.Х./ "Я тороплюсь, у меня дела". Кергте болад, би аджд йовнав. "У меня есть дела, я тороплюсь". В указанных примерах в первом предложении между сказуемым и оборотом нет никакого другого члена предложения, ведущее слово оборота-деепричастие непосредственно примыкает к сказуемому, которое им определяется. Поэтому оборот не выделяется запятой. Во втором предложении между сказуемым и деепричастным оборотом стоит подлежащее, стало быть, он, т.е. оборот примыкает к сказуемому не непосредственно. Поэтому такой оборот выделяется запятой, чтобы яснее подчеркнуть его обособленность и подчиненное положение к сказуемому через посредство подлежащего.

Деепричастный оборот нельзя отождествлять с придаточным предложением, во-первых, оборот относится и определяет в большинстве случаев сказуемое основной части предложения и соединяется с ним при помощи интонации, а придаточное предложение — соединяется с главным при помощи союзов или союзных слов и относится к одному из членов основной части предложения.

Во-вторых, придаточное предложение может иметь самостоятельное подлежащее и сказуемое, которые связываются между собой по способу согласования, при этом сказуемое подчиняется подлежащему. О таких признаках нельзя говорить в отношении двух главных членов деепричастного оборота — субъекта и ведущего деепричастия, так как субъект подчиняется ведущему деепричастию, которое им и управляет, определяя его падежную форму, во-вторых, само деепричастие не обладает такими грамматическими категориями, как сказуемое придаточного предложения, выраженное глаголом: категорией времени, лица, числа.

В придаточном предложении сказуемое подчиняется подлежащему, согласуясь с ним в числе и лице, а в обороте

субъект управляется деепричастием, подчиняясь последнему по способу управления, стало быть, он может стоять и в косвенных падежах, а в придаточных предложениях подлежащее всегда стоит в независимой форме, то есть в именительном падеже.

Деепричастия по своей синтаксической функции различны и делятся на две большие группы: сопутствующие и обстоятельственные. К сопутствующим деепричастиям относятся соединительные, разделительные, слитные деепричастия. Они самостоятельно не употребляются, обязательно сопутствуют с какими-нибудь глагольными формами, сопровождают их, определяя и уточняя их с какой-нибудь стороны или составляя параллельные действия с основным глаголом.

К обстоятельным деепричастиям относятся предельные, условные деепричастия. Эти деепричастия обычно занимают препозитивное положение и находятся несколько обособленно от такого члена основного предложения, к которому они относятся и их определяют. Они могут употребляться только в качестве обстоятельных членов предложения, выступая в предложении обстоятельством цели, предела, условия, времени. Действие некоторых обстоятельных деепричастий в основном совершается не тем предметом, который обозначен в подлежащем данного предложения, а каким-либо другим: Отг-альтурн иркэнь, тас хоосн тег үлдэн болна. /Х.Т.Х./ "Когда он приехал к своему владению, то увидел совершенно пустую степь".

Во-вторых, обстоятельное деепричастие отличается от сопутствующих тем, что оно более самостоятельно и имеет смысловую и синтаксическую стабильность, тогда как синтаксические функции сопутствующих деепричастий изменчивы и зависят от соответствующей глагольной категории. Поэтому с точки зрения временных значений сопутствующие деепричастия всегда находятся в слабой синтаксической позиции, поскольку они в этом отношении целиком зависят от управляющих глаголов, исключая отдельные случаи, обусловленные соответствующим лексическим окружением. Они выражают действие того времени, что и действие основного глагола.

Говоря о временных значениях деепричастий, Г.Д.Санжеев

отмечает, что деепричастия "выражают действия предшествующего, синхронного или предстоящего времени, которые не следуют сменявать соответственно с прошедшим, настоящим или будущим временем"¹.

Широки и разнообразны значения сопутствующих деепричастий. Они выполняют разнообразные функции в предложении, участвуют в образовании составного глагольного, выступая в нем знаменательным словом, несущим основное лексическое значение, а вспомогательные глаголы в таком составном сказуемом выполняют лишь служебную функцию, принимая на себя выражение формальных признаков грамматических категорий: времени, лица, числа: *Жирһл шинәр буслад бәэнә. Жирһси байр есәд бәэнә. /Д.Ц.Х./ "Жизнь по-новому продолжает кипеть, радость жизни продолжает расти"*.

Сопутствующие деепричастия часто сочетаются с отрицательными частицами. Но они не могут принять ни предикативных частиц, ни лично-притяжательных, ни вопросительных частиц, как это бывает у обстоятельственных деепричастий. Поэтому сопутствующие деепричастия не могут выступать в роли конечных сказуемых сложноподчиненного или сложносочиненного предложения, поскольку обороты с ведущим словом в форме сопутствующих деепричастий не могут самостоятельно существовать без основной части предложения, или вообще любые предложения не могут завершиться словом в форме сопутствующих деепричастий. Тем не менее такой деепричастный оборот, хотя и зависит от действия сказуемого основной части предложения, может иметь самостоятельный субъект, который как бы является подлежащим деепричастного оборота, поэтому подобные деепричастные обороты имеют тенденцию к отделению от основного предложения и при известных условиях обособляются.

Сопутствующие деепричастия отличаются разнообразием выполняемых в предложении функций. Обстоятельственные деепричастия не обладают таким разнообразием значений, как сопутствующие деепричастия; они не участвуют в образовании сложной глагольной формы, стало быть, не могут выступать лексическим элементом составного глагольного сказуемого, не

могут выступать также сказуемым законченного предложения, хотя образуют отдельный член предложения, всегда находясь в обособленном положении. Они отличаются от наречий, которые примыкают к глаголу, определяя его, а деепричастие в отличие от наречий само, выражая действие или состояние, не может быть сказуемым. Однако деепричастия самостоятельно обозначают действия деепричастного оборота, управляя своими зависимыми субъектами, в основном в форме именительного или винительного падежа. Не употребляются обстоятельственные деепричастия в функции различных видов обстоятельств без сочетания с другими словами. Они могут выпсывать роль обстоятельств, сочетаясь с другими словами или частями. Они не сочетаются с отрицательными частицами, как это часто бывает с сопутствующими деепричастиями. Условное деепричастие, хотя и редко, при известном положении может употребляться с отрицательной частицей эс /"не"/, однако в отличие от сопутствующих деепричастий, обстоятельственные могут принимать лично-притяжательные частицы: Тадниг кинод эс одхла^{тн}, тадна ормд бидн однадидн /С./ "Если вы не идете в кино, то вместо вас в кино мы идем".

Сопутствующие и обстоятельственные деепричастия объединяет то, что они, выступая в роли различных обстоятельств и других второстепенных членов предложений, составляют деепричастный оборот. Обе группы деепричастий не могут иметь формы залогов, хотя формально такое построение допустимо, не имеют ярко выраженных признаков временных отношений, хотя некоторые разряды деепричастий неярко выражают временные оттенки. Они не спрягаются, не употребляются с предикативными частицами.

Обстоятельственные и сопутствующие деепричастия могут сочетаться друг с другом, образуя сложные формы ведущих слов деепричастных оборотов, при этом в качестве конечного слова всегда выступают обстоятельственные деепричастия: Эвгиг гертес Һарад Хэлэтл, нег шар ямаһинь авад йовд одна /Х.Т.Х./ "Не успел еще старик выйти из дому и посмотреть, как его желтую козу уже увели".

Так же, как и причастия, деепричастия с зависимыми словами образуют свои обороты и представляют собой развернутые члены предложения. Разница между причастными и деепричастными оборотами состоит в том, что причастные обороты могут выступать в качестве любого развернутого члена предложения, тогда как деепричастные обороты могут выполнять только функции различных развернутых обстоятельств, и не всех их видов. Деепричастные обороты, как и причастные обороты, могут иметь в своем составе и самостоятельные члены: Хойр ар өгөн махныь цугтнь идтлнь, ковун модыг тергид ачкыа. /Х.Т.Х./ "Пока два медведя ели все положенное им мясо, пирень успел загрузить подводу дровами".

Деепричастные обороты обладают способностью обраться пояснительными словами и иметь многочисленные однородные типы оборотов, наиболее употребительны в этом отношении разделительные и соединительные деепричастия, которые образуют вместе аналитические конструкции: Төрене захд мерть кун ирж буунад, мерен кетлэд, төрене дундахур үрвэд, эвц-төндэн Хэ-лабэд, уха тундаси бэедл һарад, кеддях куукд улс тал ирж йовна /И.Л.О.К./ "Верховой, подехав к краю посева, слез с коня и не отпуская поводя, медленно, о чем-то думая, прямо через посева, глядя по сторонам, направляется к группе работавших женщин".

Наиболее употребительны в речи разделительные, соединительные и слитные деепричастия. Они в основном выступают в роли развернутых обстоятельств с различным значением.

Развернутые обстоятельства образа действия

Чаще всего развернутыми обстоятельствами образа действия выступают деепричастные обороты с ведущим словом в форме соединительного и слитного деепричастий, несколько реже употребляется разделительное деепричастие. Соединительное деепричастие обозначает действие, которое ближайшим образом связано с действием основного глагола /сказуемого/. Выражает оно как бы побочное действие, поясняющее, конкретизирующее основное, обозначенное в самом предложении. Соединительное деепричастие, если принять во внимание его участие в об-

разования составного сказуемого, является наиболее употребительной формой глагола, которая в то же время наиболее богата по своим значениям и синтаксическим функциям.

В деепричастном обороте, выступающем развернутым обстоятельством образа действия, в качестве ведущего слова употребляется соединительное деепричастие. Субъективное имя такого оборота может выражаться именем существительным в форме исходного падежа. Такой оборот указывает обычно, что событие совершается одновременно с действием, выраженным сказуемым самого предложения: Социалистическ куч-келне Герой хеччи бээдиэ хэлэ, тер зурч зургань зурла. /У./ "Художник рисует портрет чабана с образа Героя Социалистического труда". Субъективное имя такого деепричастного оборота выражается именем существительным в форме винительного падежа: Кургулин улсиг тосэ, Долана хотнахи эм-күмөн бөддэ. /Б.Б.Э.Д.У./ "Дети из хотона Долана готовились встретить гостей, которые сопровождали невесту".

Соединительные деепричастия в качестве ведущего слова оборота образует развернутое обстоятельство образа действия, которое имеет ряд оттенков значений: а/ оно обозначает отсутствующие действия: Саньж эргэд хэлэн йсвэ, тосхитэс үчдэн овалси чолудын негнени метке дээр олд суув. /Д.Б./ "Сачаджа, оглядываясь вокруг, присел на краешек одного из наваленных камней, оставшихся после строительства"; б/ оно может обозначать собственно-характеризующие действия: Эн үгчиг хэрү эгл уга, цааснур нүдэн тэвд, агроном тагчт суув. /Д.Б./ "Не отвлекаясь на эти слова, агроном сидел молча, глядясь пристально в бумагу"; в/ оно обозначает способ совершения действий: Мал үвлэх үвлэц болйна еөр эрднэ-шинэ тэвд, силсэ элвэгэр дарх кертте. /Э.К./ "Надо приготовить побольше силоса, посадив кукурузу возле каждой из зимовок скота".

Соединительное деепричастие, являясь ведущим словом оборота в роли обстоятельства образа действия, может сочетаться с слитным деепричастием. Такой оборот показывает событие, длывшееся до времени совершения действия, которое

выражено сказуемым основного предложения, его субъект может приобретать форму винительного или исходного падежа простого или возвратного склонения: Һаран дайла Йовд, кикитая хээк-ред, эмэрэн гүүгэд Йовна. /Н.Н.С./ - "Малая ружижка, кикитан кричит и бежит вперед". Мөрнэ хазарзо чаңгур бэри бээд, баахн заду төрүнэ нурһи дээр цөб гинэд тусв. /М.Н.К.Т.К./ - "Держась за узду лошади, молодой человек проворно вскочил на ее спину".

Такое ведущее слово употребляется в сочетании с причастием различных временных оттенков. Широко употребляется оно с причастием настоящего времени с аффиксами *а - э*, и оно выражает событие, совершающееся одновременно с действием сказуемого предложения, его субъектом выступает явля в форме винительного или именительного падежа: Цэгтр икэр умша бээд, кенүн сурһулик дилин чилгчэр гүүгэд умидг болж һарв. /Э.К.Н.Х./ - /Много читая книгу/ буквально: "продолжая читать, мальчик к концу учебного года научился бегло читать".

Соединительное деепричастие также сочетается с причастием настоящего времени с аффиксом *дг* и показывает действие, за которым следует другое событие, выраженное сказуемым того предложения. Такой оборот может употребляться и без субъекта: Дилин чилгчэр сээнэр умидг, бичд' дасд, кенүн сан сурһульчирин тсод срв. /Э.К.Н.Х./ "К концу учебного года си стал хорошо читать, писать и был зачислен в число хороших учеников". Оно, сочетаясь с причастием будущего времени на "х", образует развернутое обстоятельство образа действия. Действие такого оборота предшествует действию основного предложения, его субъект выражается именем в форме винительного падежа: Дару-дарунь бичг бичх болд, кенүн куукид үгэн срв. /Д.Б.Э./ - "Парень обещал девушке чаще писать письма".

Слитное деепричастие, употребляясь в качестве ведущего слова оборота, выступающего в роли обстоятельство образа действия, показывает действие, предшествующее действию самого предложения, субъект такого оборота выражается различ-

ными именами в форме косвенных падежей: Көк чоңд хуври, адунд ори, гелд нел сән гилд мөр бөрөд идчкнә. /Х.Т.Х./ "Превратившись в серого волка и напав на табун лошадей, гелднг свалил сного лучшего коня и съел".

Слитное деепричастие в качестве ведущего слова оборота, выступавшего в функции обстоятельств образа действия, употребляется в сочетании с соединительным деепричастием, при этом субъектное имя выражается именами в форме косвенных падежей, действие такого оборота происходит раньше действия основного предложения: Гүүлд йовси танкас һәрәдд бун, баглрад йовд йовси әләтиг салдо автоматар цәрв./Н.М.С./ "Выпрыгнув из движущегося танка, солдат автоматом строчил врага, педшего группами".

Слитное деепричастие в сочетании с соединительным и разделительным деепричастиями обозначает события, за которыми следуют действия, выраженного сказуемым самого предложения. В этом случае само слитное деепричастие выступает в роли вспомогательной функции, а все остальные деепричастия выражают лексическое значение: Гентки ардан әргәд хәләд оркя, көвүн таньдг кууқән талдан кууңлз суууддәд йовж йовхит үзчкв. /Д.Б.Э./ - "Парень, вдруг повернувшись назад, увидел свою знакомую девушку, которая шла под руку с другим человеком".

Ведущим словом оборота выступает слитное деепричастие в сочетании с разделительным деепричастием. Действие такого оборота предшествует другому событию, выражаемому сказуемым основного предложения. Субъектное имя в нем может и не быть или употребляется в форме винительного падежа: Үүлн дотрас гентин дәләд өәрди, эәлә шовун эрс доракшан их шүрүтәһәр бууд йовла. /Ә.К.Б.Х./ "Кордун, внезапно вынурув из-за туч, махая крылом, приближаясь, резко и прямо летел вниз".

Обороты с разделительным деепричастием чаще всего употребляются в роли обстоятельств образа действия. Среди оборотов с таким значением можно выделить следующие обстоятельства образа действия: а/ со значением сопутствующего дейст-

вия, когда сказуемое основной части предложения сопровождается разделительным деепричастием: Им үгин хөөн кедээн ярачад, Борлг орман тамцв. /Д.Б.Ч.У./ "После таких слов Борлг, утирая пот, направился к своему месту", б/ со значением характеризующего действия, когда оборот является характеристикой действия основной части предложения: Тийм толгачас эмти буду хэлхэд, зулжин болжана. /Д.Б.Э./ "От такого руководителя люди скорее отвернутся и разбегутся в разные стороны", в/ со значением способа совершения действия, выраженного в основном предложении: Тормозин педадь түргэр дарад, докя медон шофер машина гүүддиг номруув. /Д.Б.Э./ "Понявний знак шофер замедлил ход машины, быстро нажав на педадь тормоза".

С разделительным деепричастием оборот выражает действие, совершающееся одновременно с действием, выражаемым сказуемым самого предложения. Субъект такого оборота выражается именами в форме винительного или именительного падежа: Байна цуг манг хоти дунд эерэд, сельсоветин элч тоолд, дигд бичсэн. /М.Н.К.Т.К./ "Представитель сельского совета, собрав весь скот богача во дворе хотона, производит точный учет".

Разделительное деепричастие в сочетании с соединительным деепричастием образует оборот, действие которого происходит одновременно с действием предложения: Һарагн дийлж зөндөд, өвгн гичин уло тэд чандар хэжрэд бөөнө. /Б.Б.Э.Ц.У./ "Старик, размахивая своими руками в сторону гостей, громко кричит". Разделительное деепричастие может сочетаться со слитным деепричастием, и оно широко используется. Действие такого деепричастного оборота предшествует действию самого предложения: Асхандь сурбуудь сурн кеддэд, халмыг тегтэс одон кууки заводын кедмгинд дунд сээнд тоолгдв. /Э.К.Б./ "Девушка, приехавшая из калмыцкой степи, работая и участь по вечерам, стала в числе лучших среди рабочих завода".

Развернутое обстоятельство причины

Развернутыми обстоятельством причины чаще всего выступают обороты с ведущими словами в форме разделительных и соединительных деепричастий, редко выполняют такую функцию слитные деепричастия.

Разделительные деепричастия обозначают в основном способ совершения действия или причинные отношения, выполняя функцию развернутого обстоятельства. В образовании деепричастных оборотов разделительные деепричастия по употребительности занимают наибольший удельный вес среди других видов деепричастий. Деепричастный оборот с ведущим деепричастием на ад - ад выражает причинные отношения с оттенком значения следствия: Хавр болад, цагнь йред, оул сарин чилгчер хэд эклад курһль. /Э.К.Н.Х./ - "В конце месяца у овец началась охота, так как пришла весна, и подошло время этому".

Если при причинных отношениях различные проявления их действий в основном выражаются деепричастным оборотом, то отношения следствия могут содержаться не в обороте, а в основной части предложения: Тийгх дугман үүрмүднэ энүл улм икэр теҗдг болад, үгднэ дун угаһар ордг болад, нам үгәри эс болон күнлэ эн шурдукһин аьькс һардг болад. ирв./Д.Б.Э./ "По мере того, как совершили его еще больше стали считаться с ним и беспрекословно подчиняться его мнению, он стал суров с теми, кто не желал поступать так, как он хотел". В этом примере основная часть предложения выступает результатом следствия действий, выраженных в деепричастных оборотах. Причинно-следственные отношения наблюдаются иногда и между несколькими оборотами, а не только между оборотом и основной частью предложения: Им хэрһи биш, хэкрһи күләж йорх ах хөч, аяхан-көхөн олж ялад, үгдөн хаһад-цаһад, гягһинь хуух илн мааһад, койр кевунур дууһан өргв. /Д.Б.Э./ "Старший чабан, ожидаяши не такой встречи, а выкриков, не зная, что предпринять, путаясь в словах, потесившая затылок, повысил голос на двух мальчиков". В этом примере три деепричастных оборота, и в результате действия первого оборота проявляются причинно-следственные отношения в последующих двух оборотах. Действие оборота с причинным отношением предшествует действию основного предложения: Эврәннь сүүд-рәс әәпәд, туула сөнөһ дууһн гүүь. /Х.Т.Х./ "Боясь собственной тени, залп всю ночь бежал". Разделительное деепричастие в качестве ведущего слова оборота сочетается с при-

частью будущего времени на "х", действие его происходит до времени совершения действия самого предложения: Кадмит эрт харх болад, тер орун би чамур ирд чадан уга билев. /И.Л.О.К./ - "Так как пораньше должен был выйти на работу, я в то утро не мог прийти к тебе".

Ведущее деепричастие на "ад - ад" в деепричастном обороте сочетается с отрицательной частицей уга /нет/, его действие и действие основного предложения происходит одновременно: Мана селенд дунд школ уга болад, кенудит совхозин школ тал машинер эенэ. /И.Л.О.К./ "Так как в нашем селе нет средней школы, то детей привозят на машине в совхозную школу".

Такое деепричастие также может сочетаться и с частицей "эс" /не/. При этом действие оборота предшествует действию самого предложения: Он жи ик эсен эс орад, совхозин мал увдас тархи-цагхц харв. /С.К.Б.Х./ - "Так как в этом году не выпал большой снег, скот совхоза упитанным вышел из зимы". Причинные отношения оборота с деепричастием на "ад - ад" в сочетании с причастием прошедшего времени предшествуют действию основного сказуемого: Шудурен эрт өгсн болад, студент цагаса өмн каникулд герурн хэрц ирд. - "Так как студент сдал экзамены раньше времени, то он приехал домой на каникулы раньше положенного времени".

В деепричастном обороте в функции причины ведущим является соединительное деепричастие. Субъект такого оборота выражается именем существительным в форме именительного или винительного падежа: дорд үзгн чань салхи кедлж, хаврин чигте газр харсжана. /В.А.Б./ - "С восточной стороны дует сильный ветер, и весной всыхает сырая земля".

Оборот с ведущим соединительным деепричастием выражает действие с причинным оттенком, которое предшествует действию основного предложения: Зарта битин кундур соньмож, хан теруг би талан дуудулв. /А.Т.Л./ - "Интересуясь волшебством маленького мальчика, царь вызвал его к себе".

Слитное деепричастие, обозначая причину действия, выступает в сочетании со служебным словом "гих" /потому/ в бор-

ме раздельного деепричастия, а события, выраженные деепричастным оборотом и самим предложением, происходят в этом случае одновременно: Намрин кийтн хүр орн гийэд, төндүрт еткн гар үүдн бархязад, үүмэд бөөнэ. /К.Э.б.Х./ - "Так как собирается осенний холодный дождь, то на небе сгушаются густые черные тучи".

Редко, но встречается, когда в обороте в значении обстоятельства причины ведущим словом выступает условное деепричастие. Действие такого оборота происходит одновременно с действительным сказуемым самого предложения, выраженного глаголом: Күн ижэр зовхла, зүрки уул баград, тас эедгэн уурдг бээд. /Х.А./ - "Когда человек видит много горя, то сердце становится крепче, и человек перестает бояться".

Условное деепричастие в качестве ведущего слова оборота в значении обстоятельства причины выступает в сочетании с отрицательной частицей "эс". В этом случае действие оборота предшествует действию самого предложения: Чамас цаглянь бичг эс ирхлэ, би чамат дая санад бөөнэв. /Д.Б.Э./ - "Если от тебя вовремя писем не приходит, то я все время думаю о тебе". Условное деепричастие в сочетании с причастием и отрицательной частицей "эс" /не/ может выступать в качестве ведущего слова оборота с резко выраженным причинным отношением: Ке-вүнчн эс крон болхла, танаһас сөөни ерэллэ яһад һал һарад бөөв. /Бад.А.У.Э.Б./ - "Если твой сын не вернулся, то почему в глубокой ночи из вашего окна показывался свет". Ведущими словами в данном предложении является "эс ирсн болхла" /если не приехал/, при этом условное деепричастие "болхла" в нем выражено вспомогательным глаголом и несет формальное значение в составе ведущего слова, а его лексическое значение принадлежит "эс ирсн" /не приехал/.

Развернутое обстоятельство времени

Развернутое обстоятельство времени в основном выражается деепричастным оборотом, в котором ведущими словами выступают слитное и предельное деепричастие, остальные деепричастия в этой функции в качестве ведущего слова употребляются очень редко. Слитное деепричастие обозначает какое-либо по-

бочное действие наряду с действием основной части предложения. Оно имеет ряд незаметных, трудно различимых оттенков в значении. Слитное деепричастие обозначает одновременность действий: Бэлн хот ун, кэвун гертес һарад йовд одв. /М.Н. М.һ./ - "Мальчик, поев готовую пищу, вышел из дома и ушел". В этом примере трудно определить, является ли его действие одновременным с действием основной части предложения или непосредственно предшествующим ему.

По поводу значений действий слитных деепричастий А.Бобровников сделал правильное замечание в своей "Грамматике монгольско-калмыцкого языка", считая, что "слитное деепричастие употребляется при действиях одновременных, когда хотят показать такую быстроту, преемственность действий, что они сливаются как бы в одно действие".

Иногда слитное деепричастие, образованное от некоторых глаголов, в какой-то степени теряя свое лексическое значение и абстрагируясь, не могут обозначать действие, хотя бы и неокончательное, как это свойственно деепричастию, и, следовательно, не могут составлять оборот. Они в этом случае употребляются как послелоги или частицы, но управляя именем, относящимся к нему: Усна кэвэһаснь ави скирд эвсн курилдд бослдв. /Д.Б.Э./ - "Начиная от самого берега, встает, промоздаясь, большие скирды сена".

В этом примере слитное деепричастие выступает в роли послелога, обозначая начальные границы того пространства, на котором происходит действие, и указывает на его начало. Но своего лексического значения такое слитное деепричастие не теряет, когда приобретает аффикс окончательной формы и образует оборот, являясь его ведущим словом: Заңган эртэснь йилдэ авчкя, экин смаһас төрүгән ави һардг күн гид уга имн. /Д.Б.Э./ - "Нет такого человека, который бы, заранее выбрав себе характер, выносил его готовым из ложа матери". Здесь слитное деепричастие выступает с полным значением. Слитное деепричастие в отличие от других может употребляться с отрицательной частицей "уга", при этом теряет свой аффикс, приобретая вместо него согласный "д": Ус үзд уга, һосан биче

тээл. /Х.Ү.Х./ - "Не увидев воды, не ошивай ояпоги".

Деепричастные обороты, выступающие в роли развернутых обстоятельств времени, образуют целые сочетания однородных оборотов. Такие обороты чаще всего употребляются с ведущим слитным деепричастием: Цугтаһинь хэһьһе бөөтл, андуч кезүһөн нөүтүж унтуж, терүһе тоһа дээрнэ хуһна өндг тэһн, терүһэһи зун һини һазрт һарн, һанһин сумар хан, тер өндгиг цоолд ханһил, кезүнэ һини серон уга. /Х.Т.Х./ - "Охотник у всех на глазах уложил своего сына спать, положил на его голову лебединое яйцо, отошел от него на расстояние ота шагов и одним выстрелом пробил яйцо насквозь, а мальчик даже не проснулся".

Оборот с ведущим деепричастием на "н" выступает в предложении в роли обстоятельства времени, при этом дистанция во времени между совершением действия, выраженного оборотом, и действия, выраженного в самом предложении, доведена до такого предела, что одно событие, сливаясь, следует непосредственно за другим, поэтому такое деепричастие называется слитным, ибо действия, обозначенные сказуемым самого предложения и оборота, происходят слитно: Кезүн шудд хуври, гентн уга болд одна. /Х.Т.Х./ "Мальчик обернувшись в черта и вдруг мментально исчез".

Деепричастный оборот, будучи развернутым обстоятельством времени, употребляется с ведущим словом в форме предельного деепричастия на "тл" и выражает временные отношения с оттенком временного предела.

Предельное деепричастие, выступая в роли ведущего слова оборота с временным оттенком, имеет ряд значений. Такой оборот обозначает действие, которое совершается до наступления или завершения другого действия, выраженного сказуемым /глаголом/ основной части предложения: Терүт цергэс иртл, күүкн хард һарч одна. /И.Л.О.К./ - "До его возвращения из армии девушка вышла замуж".

Предельное деепричастие обозначает и такое действие, которому в каком-либо отношении противопоставляется другое действие, совершающееся одновременно с ним. Такое употреб-

значение предельного деепричастия включает в себя также обозначение "неожиданности или непредвиденности"³.

Среди предельных деепричастий необходимо выделить деепричастие, образованное от глаголов "курт" /достичь/. Оно очень часто употребляется как послелог с признаком предела действия временного или пространственного значения. Оно также имеет значение "ниже до", сочетается почти со всеми частями речи и употребляется в отвлечении от лексического содержания или с ослабленным лексическим значением. Поэтому это деепричастие ограничено выступает в качестве ведущего слова оборота.

Деепричастная форма "куртл", сочетаясь с другими словами, выступает вместо послелога, обозначающего конечный момент какого-нибудь действия, в котором значение начала действия несет другая глагольная форма в роли также послелога в форме слитного деепричастия "ани": Ирси хэрин нун куукиг келэснь ани томъа куртлань иньдэд хэръ. /Б.Б.Ө.Ц.У./ - "Приехавший гость осмотрел девушку с ног до головы и ушей". Если предельное деепричастие "куртл" сочетается с причастной или деепричастной формой, то оно выступает с полным лексическим значением и, как другие деепричастные формы, образует оборот, являясь в нем ведущим словом в сочетании с причастием: Зуныи оар элкх куртл, экэн күцэд ачкони бедун тейго хэд дунд үгдэнь. /Д.Б.Ч.Х./ "Среди овец виднеются взрослые ярки, догнавшие в росте маток еще до наступления летних месяцев". Действие такого оборота начинается и завершается непосредственно за действием сказуемого основной части предложения, его субъект выражается именем существительным в форме именительного и винительного падежа: Миниг хотан уутл, ямшик мерэн тергид зүүхэд күлэжд. /И.Г.Н.В./ - "Пока мы поели, ямшик запряг лошадей и шдал нао".

Деепричастие на "тл" в качестве ведущего слова оборота, выступавшего в роли обстоятельства времени, приобретает личнос-притяжательные частицы. Если такое деепричастие образовано от глагола повелительного наклонения, то действие оборота следует за действием сказуемого основного предложения:

Хот кедг хорад ортм, тер шар нохад хуврч одна. /Х.Т.Х./ - "Пока я заходил в столовую, он обернулся желтой собакой".

Если в обороте ведущее деепричастие на "тл" образовано от глагола изъявительного наклонения в форме настоящего времени, то действие оборота предшествует действию основного предложения: Маниг өвс Хадһна бригадт кеджэтгмдн, манг үр студентир ирд, махад их некд болв. /Б.А.Э.Д.М.О./ - "Когда мы работали в бригаде по сенокосению, то приехали к нам наши друзья-студенты и оказали большую помощь".

В значении обстоятельства времени выступает оборот, в котором ведущее деепричастие на "тл" употребляется с частицей возвратного склонения, при этом действие основного предложения предшествует действию деепричастного оборота, субъект выражается именем существительным в косвенных падежах: Цергес бууд иртлэн, тер кевүн келсн куукндэн өдрөн зааж, бичг илгэсн билэ. /Д.Б.Э./ "Будучи в армии, тот парень прислал своей невесте письмо, указав день их свадьбы".

Деепричастие на "тл", сочетаясь с соединительным деепричастием, служит ведущим словом оборота и выражает действия, которые совершаются после действия, выраженного сказуемым основного предложения: Анһуч бууһан суһлж автл, чон зөвөр холд йовж одв. /С.Б./ - "Пока охотник снимал с плеча ружье, волк убежал порядочно далеко".

Деепричастие на "тл" сочетается с разделительным деепричастием и образует оборот. Действие, выраженное таким оборотом, предшествует действию, выраженному основным предложением: Барсиг түлэнд олад иртл, арат темэнэ семж, ужрхһинь авад идчкэ. /Х.Т.Х./ "Пока барс ходил за дровами, лиса поела внутреннее сало и рубец верблюда".

Предельное деепричастие выступает в сочетании со слитным деепричастием. События, выраженные самим предложением и оборотом, происходят одновременно: Кевүг герт орн хартл, эмгн дала үг келд, бүргэд, бурад бээнэ. /Д.Б.Ч.Х./ - "Пока парень находился в доме и до его ухода, старуха много болтала и говорила". Деепричастие на "тл" может сочетаться с причастием настоящего времени на "а - э", при этом временная

управлять машиной".

Деепричастие на "м" в качестве ведущего слова оборота со значением обстоятельства времени сочетается со служебным словом "цацу". Дистанция во времени между совершением действия, выраженного таким оборотом, и событием, обозначенным в основном предложении, так сокращена, что их действия непосредственно следуют одно за другим: Увл болад, түрүн паш орм цацу, догшн шуурһн шуувр. /Д.Б.Ч.Х./ - "Наступила зима, и, как только выпал первый снег, поднялась сильная пурга".

Разделительные деепричастия в качестве ведущего слова оборота в сочетании с другими глагольными формами участвуют в образовании развернутого обстоятельства времени. Такие обороты указывают на значение временной последовательности действий: Удси уга директорин машин хэру эрич иред, бригадирин буулчкэд, түдлго совхоз ордг хавлд орц авад, адһм бөөдлөбөр йовад одв. /Д.Б.Э./ - "Вскоре машина директора, вернувшись, высадив бригадира, быстро помчалась по дороге, ведущей в совхоз".

Деепричастие с суффиксом -чк выражает завершенность ряда последовательных действий. Если однородные обороты оканчиваются с ведущим деепричастием с "чк", то действия всех предшествующих оборотов имеют значение законченности, окончательности действий с указанием на последовательность их совершения. Суффикс "чк" встречается не только в одном из деепричастий, являющихся ведущим словом оборота, он встречается во всех деепричастиях, выражая и ярче оттеняя значение завершенности и последовательности обозначаемых оборотами действий: Суд үгөн нег үлү смгтаһар келчкэд, альхари үсэн хоорандь или дачкэд, үгзрен йовдлар Чок орман темцэд йовд одв. /Д.Б.Э./ - "Произнеся последнее слово еще более внушительно, пригладив назад волосы ладонью, резкими шагами направлялся Чок к своему месту".

Развернутое обстоятельство условия

Развернутое обстоятельство условия в основном выражается оборотом, в котором ведущим словом является условное деепричастие на "хла - хль". Условное деепричастие в совре-

менном калмыцком языке менее зависимо от сказуемого основного предложения, чем остальные деепричастия первой группы. Поэтому оно имеет тенденцию к обособлению и самостоятельности, освобождаясь от зависимости основного глагола — сказуемого, при этом очень часто приобретает частицы личного притяжения, чего не может быть в отношении сопутствующих деепричастий. Относительная самостоятельность условного деепричастия, во-вторых, поддерживается еще и тем, что субъективное имя оборота выражается формой именительного падежа, то есть в независимой форме.

Особенность условного деепричастия, кроме того, состоит в том, что чаще всего употребляется с зависимыми словами, очень редко без них. Самостоятельность условного деепричастия особо отмечается подчеркнутой интонацией, которая на письме обозначается обязательной постановкой соответствующего знака препинания. Особенно это наиболее выукло проявляется, когда выражается действие параллельного сосуществования двух событий, обозначенных оборотом и самим предложением с оттенками противопоставления: Эцк кедлмшес ирхлэ, кевунь шкодл одна. /Б.Б./ — "Когда отец приходит с работы, сын его уходит в школу". Данный оборот имеет некоторое сходство с предложением, которое выражается ярко подчеркнутой интонацией, хотя действие в нем не завершилось и нет законченной мысли, поэтому этот оборот после себя требует последующего высказывания.

Оборот с ведущим условным деепричастием на "хла — хлэ" выступает в предложении развернутым обстоятельством условия и показывает, при каком условии совершается действие основной части предложения. Действие подобного оборота показывает событие, за которым немедленно должно совершиться другое действие, выраженное самим предложением: Долдаг эклэд эврэннь кедлмшин тускар келхлэ, комсомолын бюрон сеглэтр мусхлэц инэв. /И.Л.С.К./ — "Когда Долда начала говорить о своей работе, то секретарь бюро комсомола незаметно улыбнулся".

Условное деепричастие выступает с ведущим словом оборота в сочетании с условным союзом "кемр" /если/, который

является факультативным. Он может быть опущен, и это не повлияет на лексическое значение деепричастия или его оборота: Кемр баахн коммунистар партийн устав эвдхлэ, терунд эркн оньган егх кергтэ. /Д.Б.Э./ – "Если молодые коммунисты не соблюдают партийного устава, то на это необходимо обратить самое серьезное внимание".

Условное деепричастие на "хла – хлэ" сочетается с причастием настоящего времени на "дг", при этом действие оборота предшествует действию основного предложения: Карһсн гөмөн меддг болхла, тер. сөн, тким күн чик хаалһд ордик. /Д.Б.Э./ – "Если человек признает совершенную им ошибку, то это хорошо, такой человек пойдет по правильному пути".

Ведущее деепричастие оборота со значением обстоятельства условия выступает в сочетании с причастием прошедшего времени на "сн": Давта тер асхн ирон болхла, көвүн герүрн ерглэ бөөгтэ имн. /Бедм.А.У.Э.Б./ – "Если в тот вечер он приехал, то обязательно парень пришел бы домой".

В развернутом обстоятельстве условия выступает ведущим условное деепричастие в сочетании с причастием настоящего времени на "а – э", при этом события, выраженные оборотом и самим предложением, происходит одновременно: Терүг одачн унта болхла, биче шуугтн, унтг, көдлмшесн ора ирлэ. /Э.К. Н.Х./ – "Если он до сих пор спит, то не шумите, пусть спит, поздно пришел с работы". Деепричастие на "хла – хлэ" выступает в сочетании с причастием будущего времени на "х", в таком сочетании обычно употребляется деепричастие, образованное от вспомогательного глагола: Сурсимдн эвэр егх болхла, егхэн келтн, эвдритх болхла терүгөн бас келтн. /Х.Т.Х./ – "Если вы отдадите миром то, чего мы просим, скажите об этом, если хотите сразаться, об этом также скажите".

Условное деепричастие может сочетаться с причастием в форме косвенных падежей, в данном случае – срудного, при этом оно образуется от основы вспомогательных глаголов и несет формальное значение ведущего слова оборота, а сочетающееся с ним причастие – лексическое значение: Ду көвүһән ялчд егхэр бөөхлэ, көдлмш олх, би буру гижэхшив. /Э.К.Д.

Ш.Х./ - "Если младшего брата хочешь отдать в бастуак, то работа найдется, я не возражаю".

В образовании развернутого обстоятельства условия выступают также оборот с ведущим разделительным деепричастием: Баасан кэвтэ мээдэ деер тэжкэд, Чон кезэд чигн хэоран пухригонь мөл лавта ил. /Д.Б.Э./ - "Совершенно ясно, что Чон поставил все на карту, и никогда не отступит".

Среди условных деепричастий необходимо отличить деепричастную форму на "хла" от глагола "болх" /быть, стать/. Глагол "болх" имеет вспомогательное значение, поэтому он обычно выступает в качестве ведущего слова деепричастного оборота в сочетании с какой-нибудь глагольной формой. При этом его лексическое значение или теряется, или становится осложненным: Хот-хоолан уусн болхла, ода хөөбэн кэндэтн. /Д.Б.Э./ - "Если вы уже поели, то трогайте сейчас своих свей". В этом предложении лексическое значение ведущего слова "уусн болхла" несет причастная форма "уусн", а деепричастие "болхла" - выражает грамматическое значение, соединяя оборот с основной частью предложения.

Помимо того, этот глагол "болх" сочетается не только с глагольными формами, но и с именами, то есть существительными, прилагательными, числительными, дополняя и конкретизируя их значения. Оно придает этим словам значение сравнения, противопоставления. При таком сочетании данный глагол "болх" в форме деепричастия уже не является ведущим словом, и, стало быть, оно не образует оборота: Кун болх баһасн, кулг болх уһһнасн. /Х.Ү.Х./ - "Что настоящим человеком станет, видно уже с малых лет, что хорошим конем станет, видно уже по жеребенку". В этих предложениях деепричастие "болхла" как бы связывает два главных члена предложения и имеет значение союза: "кун-баһасн, кулг-уһһнасн".

В современном калмыцком языке, особенно в художественных произведениях, употребляются в одном периоде очень много деепричастных оборотов, ведущие слова которых, не являясь деепричастиями основной структуры, в то же время выражают однородные развернутые обстоятельства. Об этом очень

правильно подметил А. Бобровников в "Грамматике монгольско-калмыцкого языка": "Монголы и калмыки, особенно в книжном языке, любят употреблять в одном периоде очень много деепричастий. Но так как при этом от стечения одинаковых деепричастий речь может сделаться утомительно однообразной, то часто для выражения обстоятельств, одинаково между собою относящихся, употребляются произвольно различные деепричастия, так что в этом случае между первыми тремя деепричастиями /разделительное, соединительное и слитное/ теряется всякое различие, между тем от произвольных разделений и сближений различных действий, речь получает живость и разнообразие". Это замечание А. Бобровникова можно проиллюстрировать примером из современной художественной литературы: Эгүнд үг эггдснь зарлгдхда, Чон эднгернь темнэр хатхсн мет, ормашн есрц босад, энд-тендэн хэлэж, тудлго дивсн хурдн ишдлэр йовн йовд, трибун деер куцц күред уга йовтльн, нэрэр татон энүнэ дууна үгмүд сөмсгдмн /Д.Б.Э./ - "Когда объявлялось его выступление, Чон вскакивал с места, словно уколотый иглой, поглядывая по сторонам, шел, не задерживаясь, быстрой скользящей походкой и еще не доходил до трибуны, как уже слышались звуки его тонкого голоса".

В этом предложении пять деепричастных оборотов, ведущие слова их выражены условным, разделительным, соединительным и предельным деепричастиями, между тем они выступают в качестве однородных развернутых обстоятельств, а смысловое, синтаксическое единство и семантические отношения между оборотами не нарушены, внутренняя структура, хотя они выражены различными деепричастными оборотами, не теряется, речь воспринимается живо и становится разнообразнее.

Наблюдения над художественными произведениями показывают, что для калмыцкого языка характерна определенная последовательность сочетания различных видов деепричастных оборотов. Чаще всего сочетаются обороты с ведущими словами в форме разделительных и соединительных деепричастий: Конторин ерэд эмнэн бөөсн шил графитэ ус хэлэчкэд, Санцх селгэтрин үгиг, терунлэ кесн күндвирг дэки давтж, дотран

ухалж тоолв. /Д.Б.Э./ "В конторской комнате, осмотрев стоящий перед ним графин с водой, Сангаджи стал раздумывать, заново повторяя про себя слова секретаря и беседу с ним".

Обороты с условным деепричастием обычно сочетаются с разделительным деепричастием, при этом оно особо выделяется резко выраженной интонацией. В этом случае оба деепричастных оборота находятся в подчинении сказуемого основной части предложения: Нарниг үүд темцэд хархла, Сангаж бас үнэ босад, энүнэ ардас дахлцад харв. /Д.Б.Э./ - "Когда Наран направился к двери, Сангаджи поспешно встал, пошел вслед за ним".

Обороты с ведущими соединительными и слитными деепричастиями выражают почти неразличимые оттенки в семантическом отношении, поэтому они очень часто заменяют одно другое: Цэргэс совхозур ирн, мөдг кедлмштэн орж, кэвүн өмнк кэвэри кедлэд бөөв. /И.Л.О.К./ "Вернувшись из армии в совхоз, парень устроился на свою знакомую работу и стал работать". В этих оборотах от замены местами слитного деепричастия соединительным или наоборот смысловое значение их не изменяется. Несмотря на то, что в деепричастных оборотах ведущими словами выступают разные формы деепричастий /разделительное, соединительное и слитное/, они являются однородными развернутыми обстоятельствами, относящимися к сказуемому основной части предложения.

Различные развернутые второстепенные члены предложений, выраженные деепричастными оборотами, имеют в калмыцком языке широкое употребление, которое в иных случаях, тесно сочетаясь между собой, представляет собою комплексное синтаксическое строение из нескольких взаимосвязанных компонентов и создает сложность в понимании данной конкретной речевой ситуации. В зависимости от непосредственного языкового окружения, контекста ситуации они могут быть в различных семантических отношениях. Несколько оборотов могут быть однородными обстоятельствами и выступать в роли развернутых членов предложений, а другие деепричастные конструкции могут быть зависимы от других оборотов, то есть, когда один из них подчиняет себе другие подобные конструкции, которые развивают

содержания одного из членов в составе основного оборота.

Очень часто наблюдаются деепричастные обороты со значимым однородных развернутых членов предложения, выражающих равные отношения, не зависящих от сказуемого основной части предложения: Уеен таи эмиин эрчид сеенер кедед, эмиин кедеиерэ үлгүр бедед, района газетд берлигад, нернэ холд һарь. /Х.У.Х./ - "В течение пяти лет чабан хорошо работал, своим трудом показывая пример ждам, о нем печаталось в районной газете, его имя стало известным далеко за пределами района". В этом предложении три деепричастных оборота, все они являются однородными развернутыми обстоятельствами по отношению к сказуемому основной части предложения.

Деепричастные обороты зависят от другого оборота, определяют какой-нибудь член подчинявшегося оборота: Гентки сар мацци һарад, суудун үзед, туула терүнеси эһһэд, сеени дууси гүүһэд, ке гиз муурад, ерин өми кеүтэд унтв. /Х.Т.Х./ - "Вдруг показалась яркая луна, увидев тень свою, боясь ее, заяц всю ночь бегал; сильно устав, к утру лег и уснул". В приведенном примере пять деепричастных оборотов, и все они подчинены один другому последовательно; первое относится второму, второе - третьему, а последний зависит от сказуемого основной части предложения.

В калмыцком языке предложения иногда по объему становятся большими потому, что причастные и деепричастные обороты тесно переплетаются между собой, расширяют и дополняют предложения, хотя они не влияют на основное синтаксическое отношение, выраженное главными членами предложения: Маңнаһаси һарси кејжэн арчи беэд, ааһдан кеси цэһһэн бер-жеһэд, столыи еер сууси өнги зевер ут йерэд төвчкэд, хумха хурһан цөөд дурэд, деегһэн цацад, амин таян кеv. /Э.К.Д.Ш.Х./ - "Старик, сидевший за столом, держа чашку с чаем и вытерев пот со лба, произнес довольно длинное благоспожелание, и затем он, указательным пальцем прикоснувшись к чаю, брызнув эти капли вверх, приступает к чаепитию". В этом предложении пять деепричастных оборотов, первые три оборота в своем составе имеют по одному причастному обороту, который поясняет

один из компонентов деепричастных оборотов и находится в их подчинении.

Таким образом, деепричастные обороты образуют целые сочетания однородных или разнородных оборотов, роль которых в калмыцком языке чрезвычайно велика. Если учесть, что, кроме оборотов, одиночные деепричастия и причастия участвуют в образовании составных глагольных и составных именных сказуемых, являясь лексическим элементом в них, то особенности функционирования их очень велики. Поэтому деепричастные и причастные обороты и их одиночное употребление являются принадлежностью буквально каждого предложения. Они как бы расцвечивают ткань предложений самыми разнообразными красками и оттенками значений. За счет причастных и деепричастных оборотов проявляется такая особенность предложений калмыцкого языка, как красочность и выразительность и его распространенность по объему.

Необходимо заметить как недостаток, что иногда предложения бывают настолько распространенными причастными и деепричастными оборотами, что они представляют собою известную трудность в различении их структуры, стало быть, смыслового значения предложений: Туслц им кедлмш күцэдг организацда дил эклхэс урд бооца кеж, терунэ зурад эс орулгдон учрар, дарук жилд дөң күргэ чадшго болснас иште, эд кедлмшиг эвре эдл-ахун арһар эклэ кех болд дирекц шиддэхнь закврт цээл-гдженэ. /Д.Б.Э./ - "В приказе дирекции разъяснялось, что решено начать эту работу хозяйственным способом, потому что в свое время, в начале года, с организацией, которая должна была выполнить эту работу, не был заключен договор, и, следовательно, эта работа не была включена в их план, и она /эта организация/ не имела возможность помочь до следующего года".

В этом предложении пять причастных и деепричастных оборотов, и в структурном отношении все обороты построены в соответствии с общей нормой словосочетания, и каждый из них несет свою смысловую нагрузку. Хотя предложения построены правильно, но излишнее загромождение отдельных оборо-

тов второстепенными пояснительными словами затрудняет понимание прямого смысла предложения. Такие предложения, сохраняя его семоловое синтаксическое единство, легко разбить на два-три предложения с одним или двумя-тремя оборотами. Поэтому существование таких слишком громоздких предложений является не особенностью языка, а виной автора художественного произведения, который без всякого труда мог бы превратить их в небольшие предложения с несколькими оборотами, поскольку семантическое значение их от этого не изменится. Иногда предложения бывают понятными, достаточно ясными, несмотря на их распространенность, ибо автор четко отработал их с точки зрения лексико-фразеологических соответствий между отдельными частями: *Өрүн ерлэ босад, үкрүдөн санчкэд, үсән авч иред, чигендэн кечкэд, нег цеек бумчкэд, мод авад, тедниг туучкэд, Цаһан цаёһән чань.* /М.Н.И.Г.Б.Э./ - "Цаган, встав утром рано, подоил коров, налив молоко в вьюки, немного ободрав, взяв палку, выгнав коров, стала варить чай". В этом предложении имеются шесть деепричастных оборотов, несмотря на это, предложение воспринимается совершенно ясно, ибо оно хорошо отработано автором со стороны смысловой структуры. Все ведущие слова этих оборотов выражены разделительными деепричастиями. В осложненных предложениях, если они оформлены хорошо в соответствии с языковыми нормами, то эти обороты в сложных сочетаниях воспринимаются довольно-таки четко и ясно: *Теднэ келд халурхад, үг келхэр седэд, белн болад, Бадм цагин эв күлэж бөөнэ, болв Долана үг догшар һарад, гер дуургэд, эмтэд им соңсхл уга бөөнэ.* /Б.Б.Б./ - "Торячась от их слов, готовясь высказать, Бадма ждет удобного момента, но громкие и резкие слова Долана заглушают все, наполняя дом, не давая людям что-либо услышать". Это сложносочиненное предложение, в каждой его части имеются деепричастные обороты. Несмотря на такую сложную синтаксическую конструкцию, - смысловые отношения этого предложения не вызывают каких-либо различных толкований или недопониманий.

-
- 1 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Гягех. М., 1963, с. 227
 - 2 Бобровников А. Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 313-314
 - 3 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Гягех. М., 1963
 - 4 Бобровников А. Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 316
-

- Б.Б.Ө.Ц.У. - Басангов Бэатр. Повесть "Өдгрон цагн үни"
 Б.Б.Б. - Басангов Бэатр. Повесть "Буһи"
 Б.А.Б. - Балаквев Алексей. Рассказ "Буһи"
 Б.А.Э.д.м.о. - Балаквев Алексей. Роман "Эмэт дээр мандхон оди"
 Бад.А.У.э.б. - Бадмаев Алексей. Роман "Уонн эки-булг"
 Д.Б.Ч.х. - Дорджиев Басанг. Роман "Чяк хаалһ"
 Д.Б.Э. - Дорджиев Басанг - Повесть "Ээн"
 М.Л.О.к. - Иаджиев Ладжи. Роман "Огьдан кууки"
 Л.Г.н.в. - Лормонтов М. Роман "Терой наного времени"
 Л.Ц.Х. - Ладжиев Церен. Хураңһу "Сб. стихов и поэм"
 Н.М.М.т. - Нарманев Мерхаджи. Роман "Мандин такуд"
 Н.М.М.н. - Нарманев Мерхаджи. Роман "Манд нол"
 Н.М.С. - Нарманев Мерхаджи. Рассказ "Сталинград"
 Н.М.К.т.к. - Нимгир Манджиев. Повесть "Көлхезин туск көлөр"
 Н.М.Ц.х. - Нимгир Манджиев. Рассказ "Цаһан хурһи"
 Н.М.И.г.б.э. - Нимгир Манджиев. Рассказ "Ик герин бички ээн"
 С.Б.У.х. - Сян-Белгян Хаср. Рассказ "Улан хоти"
 Х.т.х. - "Халдыг туулин хураңһу". "Сб. калмыцких сказок"
 Х.у.х. - "Халдыг үнгүрии хураңһу". "Сб. калмыцких пословиц"
 Х.у. - Газет "Халдыг үни" - Газета "Калмыцкая Правда"
 Э.К.н.х. - Эрендженов Константин. Роман "Һаһан хадһи"
 Э.К.Б. - Эрендженов Константин. Рассказ "Буһи"
 Э.К.Д.н.х. - Эрендженов Константин. Повесть "Дууч нар хөөч"

ҮҮЛДЭГЧИЙН МЭДЭН БОЛИ ҮҮЛДЭГЧ ХАЛЫГ-ОРС
ТОЛЫД

Ямаран чиги келнд үүлдэгч /гялгол/ элдгэр элдгднэ. Нарт делкэд үүлдэгч эс элдгдгт келн уга. Ингад тгнм бол - келнб гнц сурхла - үүлдэгч ямаран чиги кина, кэрг-үүлин келдлннг болн бөөлннг медулнэ. Талдмар келхд, ямаран чиги кэрг-үүл ингад, ялц келдлэхинь олн-эмтнд медулнэ. Эн келгд-олг сөөнэр медули төлө нлм зөңг авад хэлэй: 1917-гч дил болон революцнн хөөн келдлнчир болн крестьян улж йос һар-тан авла. Эн зөңгд келдлэх һанцхи үүлдэгч - авла гшон үг - ннн, кезэ, альд нн учр дээрес йос һартан авонл медулнэ. Төрсн халыг келнд үүлдэгч бөс элдгэр олзлгднэ. Цуг халыг улжт эврөнн сөннһан, ухахн ухаһан медулнн төлө үүлдэгч теорли уга элдгднэ. Нлм санаг сөөнэр медули төлө, Халыг-орс төлөс нлм үлгүр авад хэлэй - эн тольд "А" гндг үзгэр ут-турлнн 1371 күүрэгч үгмүд өггдөнөс - 402 үгнн үүлдэгч бөлц һарн. Төгөд, нннн халыг келнд бөөдг үгмүднн кернөгөс һурна кесн нөг хуынн үүлдэгч бөлц һарчана.

Халыг келнэ грамматикд - цамудар, тооһар болн нүүр-мүдэр хундг, үүлдэр келдлэхннг болн үүлдврнн бөөдлннг үзүл-дэх келлннэ хуынг үүлдэгч гнц нэрөдлнн. Үүлдэгч н келнэ, ялцана, ямаран бөөнө гндг сурврмудт хэрү өгнэ гнц келгдлө-кэ.

Ямаран чиги келнд зөңг үгмүдөс тогтлг. Төрсн келнд үүлдэгч зөңг бүрлөдннэ эрнн һол хуынн бөлц тоолгднэ. Синтак-смонн халлар болхн келгч гнц нэрөдлгөд, зөңгнн һол мечнн бөлц тоолгднэ. Зөңгд үүлдэгч йир элдгэр, дару-дарунн олзлгд-на. Үүлдэгч эс орнцон зөңгнн учр-утхннн, пуна тускар келгд-лэхннн медулн кучр дээрэн төрүц медул болнго гнхлэ чнц болонн. Нлм санаг ямаран чиги зөңгөс үүлдэгчннн авад халчкхлэ манд медулнэ, үлгүрлхд: торлзон хурнн манд тоос бүргүлц гүүдннэ гшон зөңгөс-гүүдннэ гшон үүлдэгчнн авад халчкхлэ, зөңгд келгдлэх торлзон хурнн манд н келлэхнн төрүц медул болнго.

Ийм хөвөр, ямаран чигн зөнгөөс үүлдэгчийг эвэд хайчхиа хөлд чигн тодроһоор медгдэе. Ийм учр дээрэс, үүлдэгчийг үзүлгч үгүмүд угаһаар ямаран чигн келн төрүд дэлгэч чадгис гяж келхнэ, давулад нэлээнэ гяж тоолж болнго.

Бдгэ цагт төрөкн халымг келнд үүлдэгчин экид ялань /инфинитив/ -х- үзгөр төгсдг чинрагч үүлдэрин /причасть/ иргч цаг мөн. Чигч -х- ямаран чигн үүлдэгчин сүүрлэ инилэд, нег үг болж бичгднэ, үлгүрэхд: ир + х = ирх "приходить", "приезжать", кел + х = келх "говорить", "рассказывать", нис + х = нисх "лететь". Ийм үгүмүд үүлдэгч келди зөвтөг болн иргч цагт келдхэр бөөхиг үзүлдг мөн. Ийм үгүмүд үүлдэгчн инфинитивин керг хүлөөнөөс талдан, зөндү эврөннь чинрагч үүлдэрин керг бас күцэнэ.

Төрөкн келнд үүлдэгчэр-келгчэр дамжж зөнг эврэн онц айлга /интонация/ болна. Зөнг болнд тиим үүлдэгчин-келгчин төгсөгч айлт бөөсн учрар, предикативин хүвс болн залһа үгүмүд кергалдгис чигн учр харһна. Ийм зөнгин келгдлһиг дүндүлэд хэлһй: Дурн мөнх, эн диилдгис бөөлгис мөк гисн зөндиг - дурн мөнх, эн диилдгис бөөлгис "любовь вечна, она не может не победить". Талһаар келнд, зөнгс тогтасн цагт айлт ик керг күцэнэ.

Үүлдэгчин-келгчин нег ончта халхнэ - цуг зөндү харһдг үгүмүдиг үүлдэгч эврөннь живр доран гийлэ халһлад, теднд үлмэһэн халһлаһад, зөнгс бүрдэхднэ шумһаһаар орһна. Төгөд чигн, үүлдэгчин-келгчин эргнд кесг некци мөчмүд зөндү харһна, үлгүрэхд: Хөөч дөкн үкс хурдлад, һадд авгдж одон үүд секв. "Хойчи снова бросилась и открыла охваченную огнем дверь". Эн зөндү цуг некци мөчмүднэ үүлдэгчин-келгчин үлмэд бөөх болж һарчана. Эн зөндү нерлгчинэ - хөөч мөн. Эн нерлгчд кетлгдэх нег чигн үг уга. Келгчд кетлгдэх үгүмүднэ - кен үүд секв?, яһж үүд секв? яһж одон үүд секв? - гисн сурвмүдт хэрү өгчэнэ. Ийм учр дээрэс, ямаран чигн келнд үүлдэгчин-келгчин күцэдг кергнэ, чинринэ наадк келнэ хүрүмүдлэ эдлүлхлэ - зөвөр элэд гяж темдгилх кергтэ.

Халымг келнд, наадк төрд келдлэ эдл /моңһд, бурят/ үүлдэгч-келгч нерлгчин дару келгднэ. Эди нуриһж зөнгс төгсө-

нэ. Болв хаймыг келнд цуг зэңгс мөл ийм кевэр тогтса гий
көлж болыго. Вүүндэсн цагла үүдлэгч-көлгч нерлгчин өмн
чигн харһна. Хаймыг литератури келнд, күүндэрийн келн икэр
үлэмбэн халдылдг учрэр, үүдлэгч-көлгч нерлгчин өмн келгдсэв
чигн харһна. Тэр цагт зэңг нурһлд нерлгчэр төгснө. Үлдүрхд:
бууһад, мөрөн уяд оуц ирв хоурн. "Степанилысь я привязав ко-
ней, оба вошли в дом". Тодрхалад келхлэ, үүдлэгчин-көлгчин
хөөн нурһлд заагч орч нерн келгднэ. Үлдүрхд: көвүн, чинас
нег сурх үгтөв, им терги? "Мальчик, я что-то хочу спросить
у тебя. А что это?"

Хуучн монһл келнд нур орч нерн келгчин хөөн эльгөү
келгдд эдлгддг бөөсөн. Ийм йовдл мана баатрыг элсс "Данарт"
бэс харһна. Үлдүрхд: Нарн Гүшг зандн хэана бодягуд билэ
бодн. "Ми вятязи хана Наран Гүшиг Зэндьна".

Дээр келгдснэс ахр аялвр келхлэ - өдгө цагин хаймыг
келнд үүдлэгч зэңгл зокалар шиллц батлгдсн орм уга гийг келж-
лэ чин бодл.

Ямаран чигн келнд үүдлэгчин күцөлдг керг-үүнэ, учр-
утхнэ талдан келднэ хувмудэр бодкля, эльг дээрэн олд эүсн
гийг дээр келгдлэ. Зэңриг тодһалдгнэ, һарддгнэ зэңгн хойр
һол мөчнэ - нерлгч болд көлгч хойр мөн. Үүдлэгч зэңгд келгд-
дэх нерлгчин /субъект/ үүлдиргч ийж келгддэхинэ, төрүнэ бөөд-
днэ үзүчдэх үгмүд мөн. Эн эрвн һол кергиг үүдлэгч эврөннэ
биднэ бээх олд эүсн эрһарн олд-амтад мөдүлнэ. Тэр эв-эрһнэ
ийм: 1/ келдэх күүнд нерлгч /субъект/ ямаран хэрлэтэ бээ-
хинэ мөдүлхнэ төлэ һурвн хуурмудэр хуврнэ; 2/ ямаран чигн
келн /предмет/ үүлдирэр ямаран келд күцөгддэхинэ мөдүлхнэ
төлэ һурвн цаг бөөнэ /өдгө, өнгрсн болд иргч/; 3/ үүлдвр
экикнэс авч сүл күртлэн янд күцөгддэхинэ үзүлнэ, талданар
келдд, үүлдвр цугкелдднэ күрч күцөгдсн, эс күцөгдсннэ мө-
дүлнэ /үүдлэгчид эйд/; 4/ нерлгчин /субъект/ келдэх үүлдвр
келдэ бээх, эс бээхинэ үзүлнэ, талданар келхлэ, үүлдвр йоста
үчн бөөддлэ /действительность/ ямаран хэрлэтэбннэ үзүлнэ
наклонение/; үүдлэгч субъектлэ болд объектив ямаран хэрл-
этэ бөөдднэ мөдүлч янзта /заисг/. Эн дээр келгдсн гогд
цувар үүдлэгчин олд шинэнь болд тоомрднэ. Хаймыг келнэ үүд-

дэгч талдан келлһнэ хүмүүдэс дээр келгдсн тавн зүсн шьндлт-сэри дилһрнэ. Цуг төрснй келнэ үүлдэгчнй шьндлто морфологичнй хаяхар авад хэлэхлэ, үүлдэгчирнй оүүрд шьндл цагнй, нүүрнй, залогнй, эдлнй аффиксүмүд нэмгдд бичгднэ.

Цуг аффиксүмүд дэмжэ үүлдэгчнй сөгдәрлһнйг хүврлһнй /спряжение/ гнж нәрэдлн.

Төрснй калымг келнд үүлдэгчнй учр-утхта нм дөрвн морфологическ янэс бээнэ. Таслгч /изъявительн/, дуудвр /образе-ние/ чирлгч үүдвр /причастке/ болн нөмр үүдвр /дөспричас-ткн/. Болн эн дөрвн зүсн үүлдэгчнй янэс нөг-нөгнмәри тәрүц өдл бншәр хүэрнэ. Эдн эн халхарн нм һурвн өнгд хувагднн: нөгдәр, хүврлг үүлдэгчнй янэс /таслгч янэ болн дуудвр/, үлгүрлгд: йов-йовн "умел", йовн "идет", йовх "идет", йовнй, йовнъя, йовнч "иди"; хойрдвар, кнжкврмүдәр кнжкгддг, нүүрмүдәр хүврлг, үүлдэгчнй тоод эрдг үгмүд, талданар келх-лэ, чнврлгч, үүлдэгчнй янэс, үлгүрлгд: йов-йовн "умелннй", йовч "нмелннй обнкновенне ходит", йовх - "пойдет", йовхнй /тәргч кнжквр/, йовхд /өггч кнжквр/, йовхар /орудннй па-дәж/, йовхас /нәргч кнжквр/; һурвдвар, кнжкврмүдәр кнжкгд-дг, нүүрмүдәр хүврлг, ямарн чнйгн ээлгч аффикс уга, үүлдэг-чнй тоонд эрдг үгмүд /нөмр үүдвр/. үлгүрлгд: йова йовд, йовад, йовсар нанз чнйгн.

Эврәннй учр-утхарн болн морфологичнй янзәрн эн үүлдэгчнй тоонд эрдг һурвн зүсн баг үгмүд эңгс тогтасн цагт ойн зүсн керг-үүл күцәнэ. Нөгдвр, үүлдэгчнй таслгч янэс болн дуудвр учр-утхарн төгсгөн эңгд келгч болд орн /таслгч янэ/, үлгүрлгд: күүнд тус күргхлэ, бнйчн туста болх "ока-жель помошь другому, получишь помошь и себе". Эндр уул һат-цас өр цәэтл бнйлнй, өргн һолн дөвснгнй өвснд бэсн чнйг хаг-стл бнйлнй "потанцуем до тех пор, пока не придет рассвет /идуший из-за высокой горы/, потанцуем до тех пор, пока не раотает в долине иней". Хойрдвар, чнврлгч үүдвр эңгд яма-ран болн чнйгн мөчн болд орн, үлгүрлгд: Сән эктә күүнд чнмкә өгв чнйгн цадлг, шьндлж келв чнйгн сонсдг "Дети хороших матерей наедаются, когда дают шепотку, слушаются, когда го-ворят шепотом"; Энд йовсн хөөн ааһнй ам зуух /цәэлһвр/ "Лншь

Сы бытэ жывын, здоровын – край чашки будет в губах"; Цуг термуд мундгдонэ хээн, ахлэч хуртгиг хаав /кэлч/ "председатель закрыл собрание, после того как были обсуждены все вопросы"; Выхода школыс дри, уроки ин болюны, бэйеснь в оуруны, ядэ керүһинь өгсөннь эцкэн кэлэ эгв /неир/ "Володя, прихожа из школы, рассказав отцу о том, что было на уроках, что у него спрашивали и как он отвечал"; хурьдвар, немр үүлдвр ээйрд дөспричастин эртчин, даяр эңгичи болн уршин кетамдч комиссиет болж орна, үлгүрхд: ер цөөхлэ ан аратыт ормдэ гэх авхв гнэ оавх кэнтэ /уриг/ "Разширила, когда наступает зима, эту группу здесь застрелят". Тер нег өдрө һэрт күжэ гнэ бичгт бичгдин бөөд "Это писимо гласило, что он будет идти на расстоянии отодняного пути".

Мана халымг келн үгмүдэс тогтдгннь бидн сөөнөр меднэ-мелд. Цуг келнэ бөөд үгмүд төлкө нөрүгннь болж тоолгдгт мөн. Хелнд элгдгдг үгмүдг айдвигин дараһар цуглууд, цөөлвр өгхлэ, эс гнэ нег келнэс талиан келнүр орчудн цагт тохь /словарь/ болж тоолгдгт мөн. 1977-гч жик халымг номар ивнэ-лгч институт бөдөд, борос һарсон Халымг-оро тохьд үүлдэгч ямарак келнөр өггөннэ тусвар цөөкн үг нөжөр бөөнөмдн.

Эн оро-халымг тохь /26000 үгмүд/ урднэ халымг тэңгд баргдд һарсон тохьмүдэс тогтһарн болн үгмүдин статьяс өгһ-һэри онгоставар бичгдими. Эн тохьд бичсн умэ өдгө цагын халымг келнэ үгмүдин байн керн, терүнэ фразеолог, идиоматик, үгмүд цөөлгч үлгүрмүд, туульсик тосрихэс ормөн ээлхдэ икэр снъган өгхлэ. Эн тохьд баатрд "Дадһрэс" үлгүр болгч тос-рхэс эавнөр өггдв. Халымг келнэ ойна лексикин үгмүд тохьд өггдв.

Өдгө цагт мана халымг үгмүдт Хадвр үгмүд олар зергддг харһдг болж одсн бөөнэ. Эдниг умэхд, бичхд чигн зөөр зовлң-та. Зовлңта болдг учринь – төрөкө келнд бөөдг тодрха билн өгмүд бичгт эс төмдгддгэх учр мөн. Тер учрар толин статья-син экилд өггдсн халымг нүүрлгч үгмүдин дару дөрвийн хаворт хавалгдг авгдал, үгмүдин транскрипц өггдсн бөөнэ. Үгмүдт кергтө һэртнэ өггдгэх транскрипц олд умшачнрт төдниг чекер, гниһнэр умэхдннь некл болхнэ ямаран чигн цөөлвр угаһар медгд-

дэнэ. Мана Советин ори-нутгт умшад, бичхд зовицта орфограф-
та бай колн улжн келд бас бээнэ. Ийм келдин бэрлэгдэ харон
толмулын нүүрлгч үгүмдин хөөн, хавсрд авгдад, транскрипц
бас өггдөн бээнэ.

Эн Халымг-орс толь бичсэн улс мана төрсн келд бөөдг
үүдлэгчирин болн төднэ янзонь ошц статьяс кел өгхд мкэр
оньган өгэхэлэ. Үүдлэгчириг тольд статья кел эгхлэри, негд-
лэр, цуг төрсн келд бөөдг үүдлэгч болн ямарн ошц зүсн
учр-утх, чинр күшэдгнн, дарагдаз тоолж, томчад тольд өгнн
зовицта болн дээрн эран керг болж тосагав; хоёрдвар,
үүдлэгч болнн чинр, учр-утх ошц умшачнрт сөөнөр мөлгдхн
төлэ, зээлбич үлгүүмүд урдаснэ цугдулж авад, өгх кергтэ
болв. Үүдлэгч болннд өггдөн цээлгч үлгүүмүд нурнлж халымг
үлгүүмүд хураңхусас, туульзас болн баатрлг "Данһрас"
алһгэр өггдв.

Төрсн халымг келд үүдлэгчин хол хувнь /инфимитн/
-х- үзгэр төгсдг иргч цагин кемр үүдлэри янзэ болн гнж
дээр келдлэ. Ийм үүдлэгчин хол хувмүд орс кэвэз нурнлж
төгсгдэд уга тодрха биш үүдлэгчэр дамжулж орчулгидав, үл-
гүрхд: насх /насхе/ "лететь", көкүрх /көкөрхе/ "эземесть"
нань чигн. Төрсн келнэ үүдлэгчд бөөдг залогин янз аджа-
витин дараһар ори-оридан өггдв. Ийм залогин янз өггдхлэри
үүдлэгчин хол хувнь янж бичгддг болн, терүгинь зягдг
өггдв, үлгүрхд: уһалнх /уһалньхь/ побуд. от уһах "одевать
в стирку"; уһалдх /уһалдхь/ соем.-взаимн. от уһах "мыть
/стирать/ вместе"; уһагдх /уһагдхь/ страд. от уһах "быть
мытым /стираным/, омываться" нань чигн.

Дээр келдөн Халымг-орс тольд үүдлэгч болн төрүнэ
янзэнь янж өггдсннь -бэрх- гнлг үгнн статья авад хэлэй:
бэрх /бэрхе/ I /держать в руках/, брать /ь руки/, мана
һартан бэрх /держать плеть в руках; хархд кийтэ, бэрхд бу-
лан загадка посмотримь - хлощный, а возмемь в руки -
теплый /үкрин өвр коровьи рога;/ бэрэд морхд дел уга.
бөтүн хөрх сүд уга загадка нет гоянэ, чтобы ухватиться,
нет хвоста, чтобы обмакиваться от мух /темен вершиц;/
2/ ловить, хватать; мөр бэрх поймать лошадь; бэр гнжнн

бэрдг эс билэв Длангар не я ли лоял, не я ли давл и мял
 тех, на кого ты указывал; 3/ удерживать; ерд мэнг бэрх
 удержат деньги в счет долга; ерд бэрэ авх насильно отби-
 рать что-л. в счет неоплаченного долга; 4/ иметь, содер-
 жать; мая бэрх содержать скот; хурди шург бэрх иметь гон-
 чув собаку; 5/ управлять что-л.; мерне дола бэрх править
 конем; 6/ осуживать, пробовать; эд бэрэ үэх пробовать ма-
 терия на омуц суцц бэрэ үэх шупать пульс; 7/ заниматься
 ловлей чего-л.; захс бэрх заниматься ловлей рыб; аң бэрх
 ловить зверей, охотиться на зверей; 8/ ставить, строить;
 мнхэ гер бэрх ставить юрту из коней; гер бэрх отстроить
 дом; 9/ преподносить; эе бэрх получать подарок /о племян-
 нике или внуке по материнской линии/ сең бэрх поднимать
 тост; 10/ придерживать что-л.; хаалд бэрэ йовх идте,
 придерживать дороги; 11/ держать себя в руках, брать себя
 в руки; бийен бэрх брать себя в руки; 12/ хоронить, погре-
 бить; юмнь бэрх /яо бэрэцх/ хоронить, участвовать в похо-
 ронах; 13/ часть употребляется в роли компонента парного
 глагола обычно в форме причастия или деепричастия для выра-
 жения неопределенного обобщения; носителем значения компо-
 нента является первый член; йовх бэрх гадэла поговаривали,
 что поедат; чини дахон берсичи нанд кергте бий мне не важ-
 но, пойдешь или нет; тайган бэред үдх разориться /букв.
 остаться, держа в руках посох; сүл бэрх пользоваться послед-
 ним /букв. держать за хвост/; зарь бэрх а/ клауэничать,
 сутяжничать; б/ жаловаться в суд; беяг бэрх гадать на чем-л.;
 эдг бэрх породниться; ам бэрх заставить замолчать /букв.
 закрыть рот кому-л.; наад бэрх насмеяться, издеваться, выс-
 мейивать; мацг бэрх постыться¹.

Бэрулх /бэрулхе/ побуд. от бэрх 1/ брать в заложники;
 2/ уст. делать подношение духовному /или другому какому-л.
 важному/ лицу; 3/ велеть взять /поймать/; күүнэ һарап моһа
 бэрулх посл. заставлять чужими руками жар загребать
 /букв. ловить чужими руками жер/².

Бэрдх /бэрегдехе/ страд. от бэрх 1/ быть пойманным,
 схваченным; быть арестованным; 2/ быть пойманным на слове;

үгд бөргдх понался на слове; 3/ отроиться; гер бөргдх дом
будет построен; 4/ не идти на ум; һарт бөргдхи аз рук ва-
лится; 5/ сражение, битва, схватка; бээр бөргдхэн уст.
схватка с врагом; нари арад бөргдхиң солнечнее затмение³.

Бэрүмгдх /бэрүмгдехе/ страд. от побуд. формы бэрүмх;
шуңл мөңги цулнураснь тэви сэн көвүдөр бэрүмгдөн бөөдг Джан-
гар за серебряный чамбур держала пятьдесят отборных молод-
цов⁴.

1 Каменичко-русский словарь. М., изд-во "Русский язык", 1977,
с. 92

2 Там же, с. 92

3 Там же, с. 91

4 Там же, с. 92

ПОВЕДИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Поведительное наклонение выражает повеление, приказ, призыв и другие оттенки побуждения со стороны говорящего лица, адресованные другому лицу или лицам.

Формы поведительного наклонения глубоко субъективны, побудительная модальность, выражаемая ими, обусловлена наличием побудительности и обращенности к собеседнику. Эта особенность морфемы поведительного наклонения предполагает "ситуацию" общения, в которой присутствуют два участника: говорящий и собеседник - в волеизъявлении говорящего исполнение действия возлагается на собеседника. Из них первый /говорящий/ остается грамматически не выраженным, а второй /собеседник/ выражается формами 2-го лица.

Оттенки значения, выражаемые формами этого наклонения, весьма разнообразны и в зависимости от контекста, ситуации речи¹ и интонации могут представлять целую гамму значений, начиная от категорического приказания и кончая советом, убедительной просьбой и мольбой. Так как в самой форме разновидности побуждения не выражаются, они передаются совокупностью других языковых средств: грамматических, лексических, интонационных и контекстуальных, которые функционируют в предложении в теснейшей взаимной связи, обуславливая и дополняя друг друга. Следовательно, семантические признаки поведительного наклонения объединяют частные значения формы поведительного наклонения. К частным значениям грамматической формы поведительного наклонения можно отнести обусловленные контекстом и ситуацией речи типы категорического и смягченного побуждения, а также и третий тип, так называемый, "нейтральный", представляющий собой переходную ступень между первыми двумя типами побуждения.² Все эти разновидности побуждения определяются анализом структуры побудительной ситуации: по признаку зависимости говорящего от собеседника, ког-

да говорящий осознает возможность или невозможность выполнения собеседником действия, к которому говорящий его побуждает. Каждый тип побуждения представлен вариантами, модальными оттенками. Исходной формой повелительного наклонения является так называемая нулевая форма 2-го лица единственного числа, совпадающая с основой глагола. В монголистике эту форму принято считать древнейшей, она выражает категорическое требование выполнить волю говорящего вторым лицом /собеседником/: "совершить какое-либо действие немедленно"³. Например: Хей, тер һанз авад, һанд тэмк һерд өгн, тер ирсн улст тэмк өг /М.Н.,К.х.,31/ - Эй, возьми ту трубку и набей ее табаком для меня, заодно дай табак пришедшим. Для категорического побуждения характерен признак зависимости собеседника от говорящего. Побуждение выражается в категорической форме в таких модальных значениях, как требование, приказание, запрещение, распоряжение.

Модальное значение требования выделяется как основное главное значение среди вариантов категорического побуждения и может быть выражено различными контекстуальными средствами:

а/ Прежде всего это могут быть глаголы, вводящие категорическое побуждение, типа захх "приказать", нехх "требовать", даалхх "поручать" и др. Семантика этих глаголов предполагает безусловное выполнение действия, которого требует говорящий от собеседника: Эн сөөн бийднь күргэд хэрү ир! - гяц хурлын ахлач захв /Э.К.,һ.х.,182/ - В эту же ночь отвези и возвратись! - наказал настоятель хурула. Эврэннь кедлмийн тускар ахрар кел,- гяц директор эврэйһэн нехв /З.т.,16/ - Коротко расскажи о своей работе, - потребовал директор.

Другая группа глаголов, типа хээкрх "крикнуть", "прикрикнуть", уурлах "рассердиться", завдхх "грозить руками" и др. также способствует реализации формой повелительного наклонения модального признака категорического требования с оттенком грозного, гневного приказания: Өег! - гиһэд һудрмән үзүләд һажарн заңгад оркна /Х.т.,76/ - С криком: Отдай! - /старик/ грозя кулаком, взмахнул косой. Арһс авч ир! - гиһэд хээкрв /Д.Б.,Ч.х.,8/ - Принеси кизяк! - крикнула /она/.

б/ Наличие в предложении слова ЧАМАГ "я тебя" со значением угрозы и ограничительно-видеительной частицы ЗУГ "только", "ку"^ж со значением угрозы также способствует реализации формой повелительного наклонения оттенка угрозы: Чамаг, зогсжа зуг /Б.Б., Б.о., 171/ - Я тебе, ку погоди! Зогсжа зуг, чамга мнцдур куундхув /Б.А., З.э.к., 240/ - Погоди только, завтра я поговорю с тобой.

в/ Реализации категорического побуждения способствуют и вводные компоненты: гинэв "говори", соцсжач "слышишь", кецд калжэвэв "кому говори" и т.п., придающие высказыванию оттенок грубости, угрозы: Эми кергтэ болхла, нааран дугмад аңхучилад бээдгэн уур! - гинэв /Э.К., А.к., 29/ - Говори /тебе/, если жизнь дорога, перестань охотиться здесь.

г/ Значение категорического требования реализуется значительной группой глаголов, объединенных общей семантикой действия с целью удаления из зоны общения, типа үзгдэ уга од! "не попадайся на глаза", һар! "выйди", һарч эрд! "выйди вон" и др.: Нэ, һар!!! Үзгдэ уга од! Хотиди бичэ бэ! /М.Н., К.х., 24/ - Ну, выйди!!! Сгинь с глаз! Не живи в моем хотоне!

д/ Модальное значение требования может быть связано с темпоральной отнесенностью категорического побуждения к ближайшему будущему. Специальные временные локализаторы, типа ОДА "сейчас", МИНЬ ОДА "сейчас же", ТУДЛ УГА "немедленно", ШУДУН "скорее" и др. не только указывают на временную отнесенность, но и выполняют указанную модальную функцию, подчеркивают немедленность выполнения действия: Ду һард уга минь ода көнүртм арви арсд ас! /М.Н., К.х., 15/ - Не разговаривая, сейчас же отдай десять рублей за мою ось /телеги/. Гесм ежсэд бээв, ээж, цээһэн чан. Шудун чан! /Там же, 29/ - Проголодался я, бабушка, сваря чай. Быстрее сваря!

* Частица ЗУГ не относится к числу специфических средств выражения модального значения угрозы, так как может участвовать и в выражении других модальных оттенков побуждения /в частности, просьбы, например: чи ир зуг, нэй! "ты приходи только, ладно! /

в/ Значение категорического побуждения реализуется производной глагольной основой на -ЧК, возникшей в результате слияния деепричастия на -К с остатком вспомогательного глагола ОРКХ "положить", превратившимся в суффикс -К- и утратившим свою лексическую самостоятельность. Вместо прежних аналитических форм келд орк "скажи", хадд орк "скажи", "забей", хаад орк "закрой", тэвд орк "полежи" и т.п. теперь в письменной и прежде всего в устной речи встречаются синтетические формы келчк, хадчк, хаачк, тэвчк. Форма на -ЧК означает действие "в известной степени необходимое, с оттенком неожиданности, которое должно незамедлительно совершить 2-е лицо по велению, приказу и воле говорящего лица"⁴: А чи, де-вун, хортан маад оркчк /Б.Б., Б.о., 86/ - А ти, парень, врагов своих нам оставь. Чи одад темад йовси эн кингем һунинь кер-рэдд худд орк, - гив /М.Н., К.х., 24/ - Ты сейчас несамай и продай трех годовалого бычка этого нечестлица.

ж/ Один из вариантов категорического побуждения - запрещение - реализуется с помощью отрицания БИЧЭ "не", употребляемого только с формой повелительного наклонения: Биче хот авач ег /М.Н., К.х., 79/ - Не относись никуда. Зуг куукм эд-не һарт биче үддэ. Ави йов./Т.д., 6, 55/ - Только не оставляй здесь мою дочь. Возьми ее с собой. Тер улан аьчурта куукм-лэ биче харй гицхэдг билэ /З.т., 52/ - Говоришь, - с этой девушкой в красной косынке не встречайся.

Для типа смягченного побуждения, напротив, отношения таковы, что говорящий зависит от воли собеседника, он в более смягченной некатегорической форме выражает побуждение к действию. А собеседник может выполнить или не выполнить действие, выраженное в контексте в значениях просьбы, упрямивания, просьбы, мольбы.

з/ Глаголы, вводящие смягченное побуждение, типа сурх "просить", ээрх "умолять", "упрашивать", эвдх "угovarивать" и др. подчеркивают зависимость говорящего от собеседника: Нэ, кел, кел цаарандь, - гид тер хоорид Аши берес сурдана /Б.Ал.Ревд., 57/ - Ну, рассказывай, рассказывай дальше, между тем просят женщину Аши.

б/ Наличие в контексте глаголов речи КЕЛХ "сказать", ГИХ "говорить" придает форме повелительного наклонения значение обычной просьбы с оттенком повеления: Дарук куукнь бас торһ, булһ асрҗ ас,- гив /Х.т.,35/ - Следующая /вторая/ дочь его сказала: "Мне тоже шелк и соболя привези". Ээж, ээж, һарч аң шову орулҗ ав,- гине /Там же, II9/ - Мать, мать, выйди и занеси дичь,- говорит.

в/ Выделяется также группа глаголов, лексическое значение которых связано с модальным значением просьбы, например: харсҗ ав "защити", эм авр "спаси", некд бол "помоги", дөңги "поддержи" и др. Харсҗ ав - аа!!! гиси дун улм еэд авч чаш-курдад, деер авч җиңив /Д.Б., Ч.х., 36/ - Спасите!!! - неся истощный вопль, который становился все более пронзительным. Кежәх кедрмштм некд бол /разг./ - Помоги мне в моей работе. Глаголы этого типа актуализируют признак зависимости говорящего от собеседника, признак направленности побуждения в пользу говорящего.

г/ Просьба может выражаться конструкцией с побудительной частицей НЭ /НЕ/ "ну"^{*} и выделительно-ограничительной частицей ЗУТ "только" с модальным значением просьбы: Нэ, чи үрвэд күрэд ир, би одад хот белдҗәнәв,- гичкэд һарв /Т.л., 6, 13/ - Ну, ты не спеша приходи, я пойду и приготовлю пищу, - сказав, вышла. Ээж, мана гем,- болҗ Болд эвлә,- зуг бичә ууль /Б.Т., Ту., 240/ - Бабушка, наша вина,- уговаривает /ее/ Болд,- только не плачь.

д/ В выражении смягченного побуждения участвует обращение в стилистически нейтральной форме /с положительной эмоциональной окраской: Бадм, манаһас ирэд тер башмгуд ав /Т.л., 6, 63/ - Бадма, приходи к нам, возьми те башмаки. Махи һални залин уурт шаргҗад болдмн,- гиж келәд, чи, Манҗ, тер дотринь ергәд авад ир,- гив /М.Н., К.х., 20/ - Сказал,- Мясо на жару от пламени жарится, ты, Манжи, тот дотур достань и принеси.

* Побудительная частица НЭ /НЕ/ находится на границе между частицами и междометиями и вносит в речь непринужденный, а иногда грубый тон.

е/ Специальным контекстуальным показателем просьбы выступает частица БУЙН БОЛТХА "пожалуйста", которая является принадлежностью вежливой речи /она определяет внешнюю отношение высказывания к смягченному типу побуждения, даже если оно носит категорический характер: Буйн болх, Демя минь, эмтэ хоорнд бичэ ориц /Б.Т., У.э.б., 202/ - Пожалуйста, Демя /моя/, не вмешивайся между людьми /супругами/.

ж/ Наличие междометных слов типа а дэрк "о боже", яндав "о боже, что я сделал", привносит оттенок мольбы, который выражает крайнюю степень усиления модального значения смягченного побуждения. *В этих контекстуальных условиях интегрирует специфический признак обращенности к собеседнику: обращение к нескольким лицам, повторное обращение, обращение с личнопритяжательным местоимением минь "мой" - который усиливает степень мольбы: Я-а-һлав...Кее-мэ-э, Боб-ба-а...Яма-а-ан! Эм аврта-ан!!! /разг./ - О боже, Кее-ма-а, Боб-ба-а... Яма-а-ан! Спасите!!! Күүкн, Бальжрма минь, экэн хэлэж ав. Зүснь-зүркнь тодлж ав,- гяж ээж экрн бээж келв /Б.А., З.э.к., 12/ - Девочка, Бальжрма моя, посмотри на мать. Запомни ее черты,- сказала, рыдая, бабушка.

з/ Другая повелительная форма 2-го лица, равная исходной форме плюс долгий, либо неясный гласный /-Н, -Э, -Ь/⁵, представляет собой эмфатическую форму повелительного наклона с явно выраженным просительным оттенком, когда преодолевается непонимание к выполнению действия со стороны 2-го лица, Например: бич/э/ "пиши же", кел/э/ "говори же", хад/н/ "коси же", харсж ав/аа/ "защитите", эм авр/аа/ "спасите" и т.п.

Нейтральный тип побуждения предполагает ситуацию взаимной независимости говорящего и собеседника, наибольшей свободы действия последнего. К вариантам данного типа относятся такие модальные оттенки, как совет, приглашение, позволение, наизидание, ироническое побуждение и др.

В отличие от семантики категорического и смягченного побуждения в типе нейтрального побуждения семантический потенциал заключается в признаке направленности действия в пользу

собеседника. Наличием этого признака обусловлена нейтральность побудительной силы в названных вариантах типа нейтрального побуждения, включая и простое побуждение: т.е. предложение совершить действие,

Выявляются определенные контекстуальные средства, актуализирующие признак направленности действия в пользу собеседника. а/ Так, частица НЭ "ну" выступает побудительным сигналом простого побуждения, т.е. предложения совершить действие: Нэ, чи бүрүц эндр манад хонад, манһндур хэр /Э.К., Н.х.,95/ - Ну, ты заодно сегодня переночуй у нас, а завтра возвращайся домой. б/ Группа глаголов: АВ "бери/те/", ИД "покушай/те/", БЭР "возьми/те/", ОЛЗЛ "присвой/те/" и др. - с семантическим значением возможности брать, получать то, что кем-то дано, также соотносится с модальностью простого побуждения. Манаһур ирэд хот у /Б.А.,З.э.к.,40/ - Приходи к нам покушать. Бадм, манаһур ирэд, бийдэн тер башмгуд ав /Т.л.,6,103/ - Бадма, приходи к нам и возьми те башмаки.

К одному из вариантов нейтрального побуждения относится модальность совета, который указывает на целесообразность совершения действия, которое представляется говорящему полезным для собеседника. Нэ,ода санаһан бичэ зов, юмн-күмн болхла нанд зэңг өгүләд орк, би ирэд улан селвгөн өгн бээсв /М.Н.,К.х.,73/ - Ну, не печалься сейчас, если что случится, мне подай весточку, я приеду и буду давать тебе "красные" советы. Ахан адд күндл, дүүһэн делм күндл /В.К.,К.п.и з.,71/ - Старшего брата почитай на сажень, а младшего - на пол-сажени.

Значение совета чаще всего встречается в содержании пословиц. Особенно выразительна модальность совета в конструкции с заменным деепричастием /с суффиксом ХАР/ХЭР/, где вопреки нежелательному действию, говорящий советует совершить действие более полезное, с его точки зрения, для собеседника: Зун күүнэ чирэ үзхэр, нег күүнэ нер мел /Х.у.б.т.т.,46/ - Чем видеть лица ста человек, лучше знай имя одного человека.

Разрешение, позволение - как одна из вариантов нейтрального побуждения создается в контексте, где форме повелительного наклонения с указанным модальным оттенком предшествует

ет просьба или вопрос собеседника: Чи тер һаза бэесн шитмд нас кесн ерэсн подуск уга хар модн көшүр авч одад, авад ир, - гяж келэд Санж Манжд көшүрэн авх зөв өгнө /М.Н.,К.х.,14/ - Ты возьми дубовую ось без одного костыля, которая служит подпоркой того плетня на улице, а потом принеси, - Санжи дал разрешение взять ось.

Приглашение - как вариант нейтрального побуждения не имеет внешних лексических показателей, характеризуется лишь принадлежностью к определенным ситуациям, которые могут быть выражены группой глаголов с таким семантическим значением как приглашение войти, приходить, уйти, садиться, отправиться, ор/тн/ "войдите", суу/тн/ "садитесь", хэлэ/тн/ "посмотрите" и т.д. Менд, менд. Уралан һарад су. Дахулд ирсн улсан герт орул /Б.Б.,Б.о.,70/ - Здравствуй, здравствуй. Проходи вперед. Введи людей, которых привел. Манаһур хот уухар ир /Б.А.,З.э.к.,21/ - Приходи к нам покушать. Пожелание также относится к нейтральному побуждению: Эмд насдан, өвчнэ хог орнэ хог хойрас хонд йов, - гяв /Х.у.б.т.т.,32/ - Сказала, пока жив, от болезней и от долгов подальше будь.

К одному из вариантов нейтрального побуждения относится и модальное значение иронического побуждения: А, ахлач... Дууджа... /Б.Б.,Б.о.,159/ - А, начальник... Зови-я /букв. продолжай звать/. Нээмн чамаг шавхртан күртэхэрл бээнэ, аман аңһажа. Түүндчи болхла нохаснь чамас үнтэ /Там же,32/ - Так и собирается Нямин тебе давать остатки от пищи, открой рот пошире. Ему его собаки дороже тебя.

В некоторых стилистических условиях значение 2-го лица единственного числа смещается, транспонируется на другие лица: а/ форма императива употребляется для выражения побуждения, обращенного говорящим к самому себе - Дэрк, дэрк яһсн юмсви ? Күлэ, күлэ - уга. Арһан бэрэд хэһэд һарч йовлар. Хэрн./Б.т.,Т.у.,176/ - О боже, о боже, что за люди ? Жди-жди /я/ - нет. Потеряв терпение, я вышла искать. Вот. Би бичкэ мед, чи бичкэ мед, кен медхми түүг тегэд ? /Б.Б.,Б.о.,228/ - Я не знаю, та не знает, кто же должен звать ? б/ действие в форме императива может быть направлено говорящим и на третье

лицо - Бер, цаачи Харла ирсн зэцгтэ. Хувиц хуиран эмсэд, нааран күрэд ир гиж келвэ ги /Х.т., 78, 2, 9/ - Сноха, говорят, что там появился Харла. Скажи ему: "Оденься и приходи сюда, скажи". в/ форма императива может выступать и в обобщенно-личном значении, сама по себе не выражая конкретного лица - Келэд шууга татад орк: мана бол! Тийклэ үксн деер, андрхв. Келл уга бэ: хортн бол! Тийклэ бас эмд бэаһэд керг уга /Б. Т., Ту., 103/ - Скажи, подними тревогу: окажись /ты, он-неизвестный/ наш! Тогда лучше умереть, опозорюсь. Если не скажешь: окажись /ты, он/ враг! Тогда тоже жить незачем.

Форма множественного числа повелительного наклонения выражается при помощи аффикса множественного числа - ТН. Она исследователями трактуется неодинаково. А. Бобровников отмечает, что она употребляется с оттенками совета, наставления, приглашения и просьбы. Г. Д. Санжеев об этой форме пишет, что она представляет собой обращение различной интенсивности и категоричности. Другие авторы называют ее "вежливой формой побуждения" /Вл. Котвич, Б. Б. Бадмаев, У. У. Очиров, Г. Ц. Пюрбеев/.

Форма множественного числа на -ТН представляет собой обращение говорящего к собеседникам, высказанное также в виде категоричного, смягченного, нейтрального побуждения. Категорическое побуждение формой на -ТН выражается в определенных контекстуальных, интонационных условиях. Так, модальный оттенок приказания, категорического требования может быть выражен с помощью таких языковых средств, как:

а/ наличие в контексте вводящих глаголов с семантическим значением категоричности побуждения: захк "приказывать", хээкрх "крикнуть", уурлх "рассердиться" и др: Хажудан цергчир авад эмнэснь тостн. Кенёһинь йилтн - гиж майор захжана /Б. Ал., Б. ц., 143/ - Возьмите с собой солдат, идите навстречу. Выясните чьи /обозы/ - приказал майор.

б/ наличие определенной ситуации разногласия между говорящим и собеседником: Хээртэ сеглатр, ода нама соцстн Эн хамгиг үзтн, соцстн, - гиһэд стол цокад босув /Б. А., З. э. к., 292/ - Ударив по столу, я встала: "Уважаемый секретарь, теперь меня послушайте! Посмотрите на все это, послушайте!"

в/ модальное значение угрозы появляется при наличии соответствующей повелительной интонации, а также и выделительно-ограничительной частицы ЗУГ "только", "ну" с оттенком угрозы: Зогсхати зуг, кишва нохас /Б.Б.,Б.о.,36I/ - Ну погодите, нечестивые собаки.

г/ с помощью отрицательной частицы БИЧЭ "не" реализуется модальное значение запрета: Бичэ альвлтн, хоордан ни-сээхн бээтн, сурһуль сээнэр дастн,- гиж Санжд даалһв /Т.л.,6,96/ - Он наказывал Санжи: "Не бадауйтесь, между собой живите дружно, хорошо учитесь". Бичэ бийм көндэтн, биярн гиж бээнэв /В.К., К.п.и з.,3,39/ - Не троньте меня, я лопну.

д/ повторение глагола в форме повелительного склонения также усиливает значение категоричности действия, которое должен совершить собеседник: Тади йовтн, шулуһар йовтн, усав обозд кургж өгтн,- гиж худгийн өөр үлдсн хальмг келв /О.У., Синт,85/ - Выезжайте быстро, езжайте, отвезите воду к обозу,- сказал калмык, оставшийся около колодца.

Варианты смягченного побуждения также реализуются с помощью определенных языковых средств:

а/ Вариант простого обращения с оттенком непринужденности вводится в контекст с помощью глаголов речи: келх "сказать", гих "говорить", шимлдх "шептать" и т.д.: Мана хувиг үлдэчктн,- гиж Нарн инөһөд, гергөн, көвүһөн дахулад йовж одв /Б.А.,З.э.к. I37/ - Оставьте нашу долю - смеясь, сказал Наран и, взяв с собой жену и детей, ушел. Бочким өгтн, болжанэв /М.Н.,К.х.,47/ - А я говорю, отдайте бочку.

б/ Модальный оттенок просьбы в контексте может реализоваться с помощью вводящих глаголов, типа: сурх "просить", эрэд сурх "умолять", ээрх "упрашивать", с помощью частиц: АЛЬКОВ "а ну-ка", ИИР "смотри", НЭ "ну", частицы вежливости БУИН БОЛТХА "пожалуйста", а также междометиями: "Я", "Ой", "Уй" и др.: Сүл манх сө энлм, ода негнтн одад мэнтн,- гийһөд хэйр ахан ээрнэ /Х.Т.,43/ - Вот уже наступила последняя ночь, пусть один из вас пойдет сторожить,- упрашивал он обоих старших братьев. Альков, кишгтэ улс, күүкэн нанд үзүлчхөтн /Б.А., З.э.к.,236/ - А ну-ка, счастливые люди, покажите мне свою

дочь.

Оттенок просьбы принимает настойчивый характер, если в контексте имеется отрицательное слово УГА "нет", а также наречие ОДА "сейчас" с частицей НЭ "ну", усиливающие значение просьбы: Дээнэ цагт цэргт мордсн, тннд кэдлсн эдл чниртэ. - Уга намаг йоввулти /Т.д.,6,98/ - Во время войны одинаково важно быть на фронте или работать в тылу. - Нет, отправьте меня.

Формой на -ТН могут быть выражены и варианты типа нейтрального побуждения:

а/ приглашение и позволение - Орти, наартн, суутн /М.Н., К.х.,53/ - Войдите, подойдите сюда, сядьте. Базак улс, орцхатн /Там же,32/ - Люди, стоящие на улице, войдите. Келжэтн, соцсжанав /Там же,251/ - Говорите, слушаю.

б/ призывы, употребляющиеся в воззваниях - Ээмг орад, сурхуль суртн /Там же,58/ - Поезжайте в аймак, учитесь грамоте. Советск олд-эмтн шин дхлиг күч-кэлснэ дхилврэрн то-стн! /Х.ү./ - Народы Советского Союза, встречайте Новый год трудовыми победами.

в/ совет и наставление - Залу нерэн хуталго, заасинь кинж дас /Х.л.а./ - Не посрами свое имя мужское и усердно учи то, чему обучают. Эн хамгыг үзтн, соцстн, тодлтн, дхрхлдтн кергтэ болх /Там же,75/ - Все посмотряте, послушайте, запомните - в вашей жизни это пригодится.

Форма на -ТН употребительна и в пожеланиях, зложеланиях, относящихся по своему содержанию к типу нейтрального побуждения. Например: Хээсм минь менд йовтн. Хаалхтн цаһан болтха. Алтн дола эргүлж иртн /Б.Т.,Б.ц.,104/ - Милые мои, будьте здоровы. Пусть путь ваш будет светлым. Возвращайтесь с удачей /букв. золотой уздечкой/. Үрглждэн, жилин дөрвн цагт, үртэ садтаһан амулц менд бээтн /К.Р.С./ - Всегда, во все времена года благоденствуйте со своими детьми в полном здравии.

Форма на -ТН, называемая в монголистике "формой вежливого обращения", применяется и при обращении ко 2-му лицу единственного числа и представляет собой обычный прием вежливой и официальной речи: Бальжрма Сумьяновна, сууж автн, би таниг

дурта һазрти күргнэв /Б.А.,З.э.к.,199/ – Балжирма Сумьяновна, садягесь, я вас в любое место доставлю /на машине/. Келти, келти, аав, болж бидн нег дууһар суржанаваиди /Х.ү.,52,74/ – Мы все просим,– рассказывайте, рассказывайте дедушка.

Присоединение к форме императива утвердительной частицы –Д /ЛАВТА "действительно"/ с последующим наращением лично-предикативных частиц 2-го лица единственного и множественного числа усиливает некоторые модальные оттенки побуждения, содержащиеся в действиях, выраженных формами повелительного наклонения:

1. В таких вариантах категорического побуждения как поведение, угроза: А–ай, Ке–эмэ! Сердчи! /Д.Б.Ч.х.,16/ – А–ай, Ке–ема! Просиясь же! Альков, он гяж келсэн давтлч,– болж эгч Отта отхи көвүнүри шурулкв /Б.А.,З.э.к.,44/ – А ну–ка, прв–тори сказанное,– грозно сказала тетя Отта младшему сыну. Хә–дәлчи, өөрдлчи зуг чамаг би яһдгжв /разг./ – Смотри у меня, приблизься только, я с тобой расправлюсь.

2. В одном варианте смягченного побуждения – в просьбе: Кәл–мрч болхла, минн хойр сурврт хәру өглтн,– гинә /Х.т.,34/ – Если вы скажите, дайте–ка ответ на два вопроса,– говорит /он/. Альков, Балжирма, хувцән тәәдлч /Б.А.,З.э.к.,35/ – А ну–ка, Балжирма, снимн одежду.

3. Также и в одном из вариантов нейтрального побуждения – в приглашении: Нааран суулч, чамла күүндх үг бәәнә /Б.А.,З.э.к.,83/ – Садись–ка сюда, /мне/ надо поговорить с тобой о деле. Наарят /разг./ – Идите же сюда. Альков, одак журналан авлч /Б.Б.,Б.о.,205/ – А ну–ка, возьми тот журнал.

Форма просьбы повелительного наклонения, равная основе императива, плюс просительная частица –И–, вслед за которой наращиваются аффиксы 2-го лица единственного и множественного числа приобретает вид –ИЧ, –ИТ "означает категорическое требование выполнения воли говорящего лица вторым лицом"⁶, но с оттенками пожелания, назидания, просьбы.

В калмыцком языке имеются две просительные формы с просительными частицами –И, –ХН, /–ИЧ, –ИТ, –ХНЧН, –ХНТН/, но (с оттенками) они не придают формам 2-го лица единственного и

множественного чисел повелительного наклонения значения категорического побуждения, не выступают в его вариантах. Эти частицы в побудительном высказывании указывают на совершения действия в течение ближайшего времени и выражают оттенки смягченного и нейтрального типов побуждения, они означают существенное усиление их вариантных значений: мягкого повеления, убедительной просьбы, настойчивого увещания, приглашения. Эти формы выступают в сочетании с другими языковыми средствами и реализуют:

а/ модальное значение повеления с оттенком просьбы - На, хурһан үзүлч,- гяҗ келәд, ирсн күн һучниг даһад хөөнд өөрдү /Б.Б.,Б.о.,498/ - Ну, покажи же ягненка,- сказав, пришедший-вслед за Гучином приблизился к овцам. Буруһим эс тәвж өгдг болвчн нерәдсә белгим эдлхнтн,- гяҗ би үүдн хоорндас хәәкрүв /Б.А.,З.э.к.,153/ - Я крикнула отцу с порога: "Если вы даже и не простили мне, возьмите же подарки, предназначенные вам.

б/ модальный оттенок просьбы - Нег оон хулдхнчн,- гилдв Х.т.,46/ - Продай же одного рогаля-сайгака. Намаг әнүнәс авхнч,- гяҗ би арһан бәрж сурнав /Б.А.,З.э.к.,75/ - Я изо всех сил прошу,- возьми же меня отсюда.

в/ модальное значение усиленной просьбы реализуется данными формами при наличии и других речевых средств, таких как - наличие обращения: Адр нойн ах, нама авч одыт,- гяв /Т.л.,6,24/ - Мой знаменитый старший брат, возьмите же меня с собой,- сказал он. Ах нойн баав, одак үгән дәкн соҗсхнтн,- гяв. /Там же/ - Сказал,- господин, послушайте же еще то слово.

- наличие двойного обращения: Эәж минь, Данара минь, намаг бий тәдән авхнтн /Б.А.,З.э.к.,19/ - Бабушка моя, Данара моя, возьмите же меня к себе.

- наличие слов, подчеркивающих просьбу повторить действие: Бас нег амнд авх тәмк өгич, манаһад тәмкн уга болад хоосн йовлав,- гяҗ салад йовх санатаһар өвгн келд /М.Н.,К,х.,84/ - Дай мне табаку еще на одно кураво, у нас нет табака,- сказал старик, намериваясь уходить.

Повторения форм повелительного наклонения с проситель-

ными частицами -И, -ХН- : Нясич, дун, нисич, нари делкэ эргич /Т.Р., 77, 2, 86/ - Лети же, песня, лети, обойди вселенную. Багдик, Багдик серлти, Багдик, серхити, - гиһэд һурв давтад дуудв /Д.Б., Ч.х., 46/ - Багдик, Багдик проснитесь. Багдик проснитесь же, - трижды крикнул /он/.

Просительные формы реализуют такие варианты типа смягченного побуждения, как: а/ призыв /выражается только просительной формой -ИТ/ - Хаврлад болх ялчирин боцана кергт хамдан ни-неги седклер, уни хол зуркэри орицит /М.Н., К.х., 78/ - Единодушно все вместе участвуйте в деле объединения батраков, которое состоится весной. б/ приглашение: Аав, нааран сууһит, ачти домбр цокж өгнэв /О.У., Синт., 91/ - Дедушка, садьте же поближе, я, ваш внук, сыграю на домбре. Хотан зооглчкэд невчк неэрсхити /Б.Б., Б.о., 306/ - Приняв пицу, вздремните же немного. в/ предложение: Эн кедлмшэн хайич, һэрэ, пэрвлэ орий, соньн-сорни зэнг чиги бэһэд бээдг /М.Н., К.х., 93/ - Гара, брось же свою работу, пойдем в правление, ведь могут быть интересные новости. г/ назидание /выражаемое только формой - ХНЧН-ХНТН/ : Төрүц таныдго ку ээрэд бээхдэн ичхити /Б.А., З.э.к., 198/ - Постесняйтесь же докучать совсем незнакомого человека. Бийэн невчк татхичи /Там же, 179/ - Подтяните же себя хоть немного.

Основным грамматическим значением повелительного наклонения является выражение побудительной модальности.

Исходная форма повелительного наклонения /императива/ всегда выражает побуждение к действию, направленное говорящим непосредственно адресату. Следовательно, для повелительного наклонения присущи такие признаки как побудительность и обращенность к адресату: благодаря этим двум оппозициям повелительное наклонение противопоставляется изъявительному наклонению.

Наряду с основным ведущим значением побудительной модальности, которая находит основное выражение в значениях приказа, запрета, угрозы, реализующихся при наличии обращения и особой побудительной интонации, повелительное наклонение имеет и второстепенные значения: совета, просьбы, разрешения,

приглашения, пожелания.

Все перечисленные значения побудительной модальности имеют общую темпоральную отнесенность в будущее, так как в самом содержании этой ведущей модальности содержится семантика будущего времени.

Так как сами формы повелительного наклонения не выражают эти разновидности модальных оттенков повеления, то они реализуются прежде всего с помощью соответствующей интонации, а также определенных контекстуальных средств /как модальные частицы, вводные слова, вводные глаголы, обращение, междометие и т.д./.

Особая побудительная интонация актуализирует побудительное значение форм повелительного наклонения, она сопровождает выражение всех вариантов побуждения.

Различные формы повелительного наклонения неоднородны по выражаемым ими побудительным значениям. Одни из них наиболее емки, способны выразить широкий круг разновидностей побуждения /формы 2-го лица единственного и множественного числа/, другие же характеризуются определенной закрепленностью лишь за отдельными вариантами побуждений /например, просительные формы -ИЧ /-ИТ, -ХНЧН/-ХНТН/.

-
- 1 Под ситуацией речи понимается соотношение между говорящим, собеседником и действием в форме повелительного наклонения
 - 2 Андреева И.С. Повелительное наклонение и контекст. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1971
 - 3 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с.170
 - 4 Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964, с.86-87
 - 5 Кичиков А.Ш. Дербетский говор. /Фонетико-морфологическое исследование/. Элиста, 1963, с.68

6 Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964, с.85

-
- Б.А.,З.э.к. - Балакан Адексей. Зархим эврэн кетн, түүк, Элст,1969
- Б.Ал.,А.ш.д. - Бадмин Алексей. Алтн шорад даргддго.Роман. Элст,1966
- Б.Ал.,У.э.б. - Бадмин Алексей. Усна экн булг.Роман. Элст, 1969
- Б.Б.,Б.о. - Басцна Баатр. Бумбин орн. Суцнса наадд, келвр-муд болн шулгүд. Элст,1971
- Б.Т.,Тү. - Бембин Тимофей, Түүмп, түүкс. Элст,1973
- Б.Т.,Б.ц. - Бембин Тимофей. Бамб цецг.Роман. Элст,1972
- В.К.,К.п.я з. - Владислав Котвич. Калмыцкие пословицы и загадки. Элиста,1975
- З.т. - Зүркни таалар. Элст,1965
- М.Н.,К.х. - Манжин Нимгр. Келврмүдн хурацну, Элст,1959
- Н.М.,М.ц.т. - Нармин Морхаж. Манцин цаһан ташу. Роман болн түүкс. Элст,1975
- Т.А.,С.э. - Тачин Анжа. Садсын эк. Түүк болн очеркс. Элст, 1975
- Т.г. - "Теегин герл"- литературно-художественный альманах Союза писателей Калмыцкой АССР
- Т.л. - Төрснн литератур. 6-гч классин дегтр
- Х.т. - Хальмг туульс,4 боть. Элст,1974
- Х.ү. - "Хальмг үнн" - газет
- Э.К.,Б.х. - Эрндэнэ Константин. Һалан хадл. Роман. Элст, 1972
- Э.К.,А.к. - Эрндэнэ Константин. Ацнучин көвүн.Түүк. Элст, 1976

ДЕВЕРБАТИВНЫЕ НАРЕЧНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Наречие как самостоятельная часть речи пополняется за счет других лексико-грамматических категорий: имени существительного, прилагательного, числительного, местоимений и глагола при помощи адвербиальных суффиксов или путем "изоляции" слов в определенных пространственных падежах.

Образование наречий от глаголов. Небольшая группа наречий образуется от глаголов. По мнению Д.А.Алексеева, не от всех глаголов образуются наречия, а участвуют... "только те, которые обозначая действие, могут выступать в качестве признака другого действия"¹. По участию глаголов в образовании наречий он делит их на "два крупных семантических подразделений".

Особо следует обратить внимание на наречия, образованные путем "усечения" /по терминологии Д.А.Алексеева/ основы глаголов, т.к. среди монголистов по отношению к словам типа невт, шувт, мулт, алс, ку, тоңна, тас, тес, балт, бут, хамх, суһ и др. нет единой точки зрения. Эта группа слов интересна как по своей морфологической структуре, так и по значению. Свообразием их является и то, что они употребляются только с глаголами и максимально /до определенного результата действия/ усиливают значение действия. Например, хуһ тусх "резко падать", ку цокх "вдребезги разбить", хамх цокх "в щепы разбить" и др. Эти сочетания трудно переводимы на русский язык. Однако для них характерно общее значение "сильно", "вдребезги", "резко" и т.д.

Примеры: Арви хойр иртэ балтнь хуһ тусад, зооһин махнд шигдэд, ястад одв. /Дж.177/ "Двенадцатилезвовая секира резко падая, пронзила позвоночную мякоть до костей". Хойрдгч сумарнь Эрдниг хахар седхлэнь, кэвэчнь тес тусад тасрад одв. /Д.Б.,М. отк. 143/. "Когда хотел второй стрелой поразить Эрдни, тетива у лука резко оборвалась".

Перечисленные слова, действительно, внешне похожи на

основы глаголов, но это обстоятельство еще не дает основания приравнивать их с повелительной формой второго лица и именовать усеченной основой глагола. Они подлинные основы глаголов — не только внешне совпадающие, даже более того, первичные основы, вернее, корни. Поэтому их лучше именовать корневыми элементами. Ср. основа /повел.накл./ глагола мулт —л —х "вырывать", мулт —л "вырви", а наречие мулт, —л— глагольный суффикс.

Примечательно, что А.Бобровников одним из первых отметил особенность этих слов и относит их к коренным частицам, которые придают глаголу значение "усиленного до последней возможности, или совершенно законченного действия"². Не обошел молчанием эти слова В.Д.Котвич, выделив их в особую группу, которая обозначает "быстрое изменение нормального состояния предмета"³. Б.Х.Тодаева рассматривает их как наречия в составе сложных глаголов, от которых "могут быть образованы новые, самостоятельные глаголы"⁴. В грамматиках бурятского языка они относятся к наречиям. Несколько иного мнения придерживается М.Н.Орловская, отмечая, что эта группа слов стоит как бы на грани категории морфологических и синтаксических. Поэтому, — продолжает она, — мы не можем относить их к наречиям, а предпочли бы выделить в особую группу и рассматривать с глаголами⁵. Сочетание невт, мулт, тас и др. с глаголами, по мнению калмыковеда Б.Б.Бадмаева, образует идиомы⁶.

Рассматриваемые слова Т.А.Бертагаев именует префиксоидами и мотивирует это следующим образом: "В монгольских языках, — пишет он, — аффиксы расположены в слове за основой и являются, главным образом, суффиксами. Но наблюдаются и образования, напоминающие префиксы. Они являются формализованными словами, первоначальными корнями слов, утратившими в значительной степени связь с производными словами, или повторениями начального слога слова. Они употребляются обычно с ограниченным кругом слов и полностью не формализованы, как аффиксы. Поэтому такие префиксоидоподобные образования будем называть для краткости префиксоидами"⁷.

По своей морфологической структуре и происхождению префиксоиды подразделяются Т.А.Бертагаевым на три группы: 1. формализованные или омертвевшие слова типа уга кэх и др.; 2. корни, оторванные от слов, или корневые элементы типа тас цокх и др.; 3. слоговые элементы слова⁸.

Префиксоиды второй группы, относящиеся к интересующему нас разряду слов, в плане морфологическом всегда препозитивны и, как правило, тесно связаны с ограниченным кругом глаголов. Вероятно, последняя особенность имеет прямое отношение к валентности рассматриваемых "префиксоидов". В синтаксическом плане эти корневые элементы выполняют функцию обстоятельства образа действия и отвечают на вопрос ялж? "как? каким образом?". Бурятский ученый Ц. -Ж.Цыдыпов относит их к разряду лексикализованных, словообразовательных⁹.

Примеры: Ээв балтан авад эргэ ирэд,

Одн Цаһаниг цокад,

Хаһна нөөмн сееринь мөлт цокад

Күдр хэр хавсинь кү цокад. /Дж.77/.

"Схватив дуноподобную секиру,

Ударил Олон Цагана так,

Что выбил совершенно его восемь огромных
шейных позвонков

И совсем разбил его крепкие ребра".

Эн шивэ кү тусв /Д.Б.,М. отк. IIO/. "Эта крепость вовсе развалилась".

Таким образом, в современном монг'оловедении в отношении слов невт, мулт, тас, алс, бут и т.д. нет единого мнения среди ученых. Одни относят корневые элементы глаголов к наречиям, другие же рассматривают их вместе со сложными глагольными формами.

По нашему мнению, они сближаются с наречиями по своим признакам, определяющим данную грамматическую категорию: морфологическим, семантическим и синтаксическим. По своим значениям корневые элементы глаголов усиливают действие с определенными результатами, подчеркивают завершенность действия и в какой-то степени совпадают по семантике с наре-

чиями берк, йир, дэгд и др. со значением "очень, весьма". В синтаксическом плане они выполняют функцию обстоятельства образа действия и потому всегда находятся перед глаголом.

Образование наречий от деепричастий. Категория наречия пополняется также за счет деепричастных форм. Д.А.Алексеев отмечает, что только некоторые слитные и разделительные деепричастия, уже потерявшие облик глагола и получившие другое значение, могут быть причислены к наречиям¹⁰. Переход ряда слитных деепричастий в разряд наречий объясняется, вероятно, их уточняющей и поясняющей функцией. По некоторым признакам деепричастия сближаются с наречиями. Деепричастия определяют глагол и соединяются с последним способом примыкания.

Ряд деепричастных форм проявляют наречные качества /на-пример: разделительные, соединительные/. В силу определенных условий наречные качества проявляются весьма выпукло, и в таких случаях оттенок глагольного значения не ощущается.

Наречия, образованные от предельных деепричастий. Целый ряд предельных деепричастий переходит в наречия. Однако это происходит при следующих обстоятельствах: если деепричастие присоединяет возвратную частицу -ан// -эн, и при этом деепричастие утрачивает глагольные видовременные признаки: Минь ода Лавга Матвеевичин кабинетес нарч ирв, - болж экрн бөөж Ольга Андреевна кель, - дуудулж авад, келси уг сонсн уга, үктлэн хээкрв. /Н.М., Боова, стр.113/. "Я только что вышла из кабинета Лавги Матвеевича, - всхлипывая, сказала Ольга Андреевна, - вызвав к себе и не выслушав сказанные слова, до смерти накричал". Цатлан у, үктлэн бичэ март. /Х.ү. болн т. стр. 85/. "Пей до сыта, не забывай до смерти".

Ряд разделительных деепричастий уже перешли в разряд наречий, например, үрвэд, дивэд.

1 Алексеев Д.А. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1953, с.92

2 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с.183

- 3 Котвич В.Л. Опыт грамматики калмицкого разговорного языка
 - 4 Тодьева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, с.151
 - 5 Орловская М.Н. О непроизводных наречиях в монгольском языке. Сб. Монголоведение и тюркология. М., 1964, с.24
 - 6 Бадмаев Б.Б. Грамматика калмицкого языка. Элиста, 1966, с.99
 - 7 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с.24
 - 8 Бертагаев Т.А. Там же
 - 9 Цыдыпов Ц.Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972, с.257
 - 10 Алексеев Д.А. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1953, с.91
-

Дж. - Джангар

Д.Б.М.отк - Доржин Басц. Мини отк

Н.М.Боова - Нарман Морхац. Боова

Х.ү.болн т. - Хальмиг үлгүрмүд болн туульс

О ГЕНЕЗИСЕ СУФФИКСА ПРИЧАСТИЯ БУДУЩЕГО
ВРЕМЕНИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Изучение категории "причастие", в частности, причастия будущего времени и его показателя в самом древнем состоянии и эволюция их на современном этапе имеет огромное значение для грамматического строя монгольских языков. Реконструкция древнейшей системы причастия будущего времени и его суффикса связана с большими трудностями. Весьма вероятно, что в монгольских языках причастия произошли от отглагольных имен существительных, возможно, что данная категория существовала уже в протомонгольском, но называлась и была ли она тогда "причастием", сказать в настоящее время пока еще трудно.

Недостаточно полное исследование категории "причастие", в частности, причастия будущего времени в монгольских языках, дает нам полное право еще раз проследить этимологию данной формы и ее суффикса. То, что исследователи монгольского языка как-то стараются обойти данный вопрос, ни для кого не остается загадкой, в виду того, что одна и та же форма на -х- обслуживает три разных разряда слов: причастие будущего времени, глагол будущего времени в изъявительном наклонении и инфинитив, что и является "камнем преткновения" для ученых. До сих пор в монголистике нет единой точки зрения по данному вопросу.

Настоящие противоречия в толковании лишь только одной формы вызваны, видимо, тем, что причастие в монгольских языках обладает некоторыми специфическими особенностями, присущими нескольким частям речи сразу: склонение как у прилагательных и существительных, наличие вида, времени, переходности, как у глаголов.

В терминологическом отношении настоящая форма называлась также по-разному: "то формой будущего времени причастия, то формой будущего времени изъявительного наклонения". Так, Г.Д.Санжеев отмечает, что относительно происхождения

будущего причастия и его суффикса сказать что-либо определенное пока что трудно², оно нуждается в более тщательном исследовании, поскольку оно в какой-то степени является дискуссионным³.

Причастие будущего времени в монгольских языках образуется путем добавления к основе глагола суффикса -х, например: ирэ "приходить, приезжать" + х = ирэх; хэлэ "говорить, рассказывать" + х = хэлэх; ява "ходить, ездить" + х = явах и т.п. Обычно оно обозначает действие, которое должно совершиться или имеет намерение совершиться в будущем. Образование формы причастия будущего времени в современном монгольском языке специфично: при добавлении данного суффикса после основ, оканчивающихся на согласные, перед суффиксом появляется гласный звук в соответствии с сингармонизмом. Подобное явление мы наблюдаем и в бурятском языке, с той лишь разницей, что соответствующие гласные добавляются после суффикса -х: гара+х+а "выходить", оро+х+о "входить", теэри+х+э "блуждать" и т.д.

Т.А. Бертагаев в своей работе "Морфологическая структура слова в монгольских языках" отмечает, что "большинство аффиксов имеет свои фонетические варианты, при этом никому неизвестно, какой из них является базовым, первичным или основополагающим. Вероятнее всего, что они равноценны и ни один из них не является вариацией другого. Это нечто фонетически неизвестное, реализованное в разных вариантах⁴".

Таким фонетически неизвестным, реализованным в разных вариантах и является рассматриваемый нами суффикс причастия будущего времени. Вариативность суффикса причастия будущего времени как в современном монгольском языке, так и в старомонгольском многообразна.

Суффикс -х /совр. монг. -ах, -ох, -эх, ух, -ех, -үх/; бур. -ха /-хо, -хө, -хэ, -ху, -хү/; совр. калм. -х; ордос. -ха, -ху; дагур. -гү, гу; монгол. -гу /в тунжэньском говоре -го/; дунс. -ку /~ву/; басаньский -гу/ является, как мы указывали выше, показателем причастия будущего времени в монгольских языках. Современный суффикс причастия будущего

времени исторически восходит к *ku, -qu; *kui, -qui; *kup, -qip. Высокая валентность слов с данным показателем как в современных языках, так и в старомонгольском заслуживает большего внимания. Для этого мы приведем небольшие статистические данные о валентности формы на -х- в современных монгольских языках на примерах текстов, взятых из художественной литературы по всем трем языкам, входящим в монгольскую группу /халха-монгольский, бурятский, калмыцкий/.

Так, на 1 000 словоформ в монгольском языке приходится всего причастий - 73; из них прошедшего времени - 25; формы на -х - 40; причастий настоящего времени - 4; многократных причастий - 4. Другие формы причастий не встречаются. Текст взят из "Хэлхээгүй сүлд" Дашдоржийн Нацагдоржа /Монголын шилдэг өгүүлэгчүүд, Улаанбаатар, 1971, стр. 10-12/.

Бурятский текст дает нам следующие показатели: также на 1 000 словоформ приходится причастий: а/ прошедшего времени - 48; б/ будущего времени - 39; в/ настоящего времени - 3. Остальных форм причастий нет. Текст взят из рассказа Хонцы Намсараева "Тахуунай". /Бурядад уран зохиолшодой расказууд, Улан-Удэ, 1967, стр. 12-16/.

И, наконец, в калмыцком тексте приходится причастий: а/ прошедшего времени - 72; б/ будущего времени - 32; в/ настоящего времени - 0; г/ многократных - 7; д/ формы на -мр - 2. Остальные формы причастий не встречаются. Отрывок текста взят из романа К.Эрендженова "Һалан хадһл", Элст, 1972, стр. 7-10. Исчисляя валентность в процентном отношении, мы приходим к выводу, что в монгольском языке причастие будущего времени составляет 42,4%, в бурятском - 55,6%; в калмыцком - 27,8% на 1 000 словоформ. Наибольший процент по частоте употребления данной категории приходится на бурятский язык, затем - монгольский, и, наконец, - калмыцкий. Валентность рассматриваемой категории значительна, но что это? - грамматические омонимы, тождественные лишь материально или это совершенно разные разряды слов? На материальное тождество указывает один и тот же показатель /суффикс -х/, генезисом которого интересовалась целая плеяда ученых алта-

истов, но его этимология до сих пор не раскрыта. Приведем несколько гипотетических соображений по поводу этимологического родства тюркского суффикса с монгольским. "В прошлом суффиксы, также как и корни, указывал В.Л.Котвич, подвергались эволюции, она продолжается и в настоящее время, хотя темп ее несомненно замедлился⁵". Естественно, подобную эволюцию претерпел и наш суффикс.

Так, в периодизации монгольского литературного языка, А.Луvsандэндэв придерживается того мнения, что в грамматическом строе монгольского языка причастия, деепричастия, изъявительные формы глагола, система падежей оформились лишь только с середины ХУП в.⁶ На что мы можем указать, что впервые употребление причастий с данным суффиксом было отмечено в конце ХП в. и в начале ХШ в. в памятнике монголов "Сокровенное сказание". В старомонгольской письменности на основании исследования текста этого памятника были зафиксированы следующие суффиксы причастия будущего времени: -qui, -kui и -qun, -kun, наряду с -ku - для основы с передним гласным и с -qu - для основы с задним гласным⁷. Например: ...ede tabun koudiyen jerkelen saulju, nijiel musut ququlutqun, keeji okba "...посадила рядом своих пятерых сыновей и дала всем им по одной хворостинке, чтоб они переломили". / § 19, стр. 204/; Sünit buti čaoken. šira kuun kerun eruke čstoga-in, kekeer oroju, keeli mino wiliju, kekeen ino beeli-tur mino šinkeku bulee. - "Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час когда светило внутри /погасло/, входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево". / § 21, стр. 204/; Qarurun, naral sarain kiriyer, šira noqai metu šicalaljaju qarqu bulee - "А уходит так: в час, когда солнце с луной сходятся, процарапываясь уходит, словно желтый пес". / § 21, стр. 205/.

Памятники квадратной письменности, относящиеся ко второй половине ХШ в. и первой половине ХIV в. также сохраняют в себе следы причастия будущего времени со следующими показателями: -qu(-ku), -qui(-kui) и -qun(-kun). Суффикс -qu /-ku/ употребляется в определительной, субстантивной и

предикативной позиции; суффикс - qui /-kui / в определительном и субстантивном употреблении; - qun /-kun / только в определительном употреблении. Последние две формы в современных монгольских языках вообще отсутствуют /- qun(i) , -kun(i) /. Установить различие этих трех формантов затруднительно, но существует мнение, что употребление причастных форм на -qu , -qui связано с категорией рода: -qu - для мужского рода, -qui - для женского рода⁸. Однако, исследователи "Сокровенного сказания" оспаривают данное положение "вряд ли есть основание считать, что употребление причастия на -qui связано с наличием женского рода, а причастия на -qu с присутствием в предложении мужского рода⁹, что не характерно для данного памятника. Основное отличие форм -qui /-kui /, -qu /-ku / состоит в том, что форма на -qui /-kui / менее употребительна в предикативной функции, нежели форма на -qu , /-ku /, а также реже выступает в качестве окончательной формы сказуемого и реже входит в состав составного сказуемого¹⁰. Надо отметить, что форма на -qui употребляется в предложении большей частью с самостоятельными существительными или же с прилагательными в ед.ч.¹¹.

Форма на - qun /-kun / употребляется в древнем языке исключительно как форма множественности¹², встречается она гораздо реже и функционирует в предложении в форме сказуемого и определения¹³: Merkidun ulus Selanke huruu suenide durbeju yabuqui-tur, bidan-o cериut durbeju yabuqun Merkid-i sueni-de-ku daruju durbeju daoulin talan yabuqui-tur, Temujin durbeju aisuqun irken-tur: Borte, Borte! keen unšiju yabuqui-tur, uciraju, Borte-ujin tede durbekun irken-tur bujuui.

- "Тюю же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать по течению реки Селенги, а наши войска ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов. Темучжин же, забегая навстречу бежавшим, все время громко окликал: "Борте, Борте!" А Борте как раз и оказалась среди этих беглецов. / § IIO, стр. 224/. В словаре Рамстедта форма причастия jabuqun дается как jabu-gan. Г.И.Рамстедт указывает, что йовин jowɣun / jowɣʰn / "пешком, пешеход"

jowɣɤn jowɣɤ "идти пешком" восходит к jabu - gan →
 jafa - ɣan . В современных монгольских языках ни тот, ни
 другой суффикс не встречается, возможно, что слова с одним
 из них пополнили класс слов с суффиксами - qu / -ku /, -qui
 / -kui /, а другие, - субстантивирываясь, или адъективирываясь
 /см. Йовхи "пешком, пешеход"/, перешли соответственно в су-
 щественные или прилагательные.

С фонетической точки зрения наше гипотетическое сообра-
 жение по данному предположению объяснимо. Исходя из этого фак-
 та, что в алтаистике существует мнение о происхождении при-
 частий от отглагольных имен существительных, оканчивающихся
 на - qun / -kun /, -qün / -kün /, типа: jawaqun , в кото-
 рых с течением времени происходят следующие фонетические из-
 менения. Конечный согласный -n, по утверждению Б.Я. Владимир-
 цова, чередуется в абсолютном конце слова с - i ¹⁴, обра-
 зуя при этом: jawaqüi , появление - i было подтверждено
 все тем же автором "среди гласных непервого слога, возник-
 ших уже в XIII-XIV в.в., существовал какой-то очень краткий
 гласный, который монголы на письме передавали при помощи
 u, i в словах с гласным заднего ряда или u, i в словах с
 с передними гласными" ¹⁵. В рассматриваемом нами суффиксе об-
 разовался двугласный -üi , -üi , в современных языках
 вместо них стоят одиночные долгие гласные:

уй - \bar{y} , \bar{y}
 уй - \bar{y} ¹⁶.

С течением времени -i на конце исчезал, исчезновение -i
 всюду влекло за собой удлинение впереди стоящего гласного;
 гласные u, ü стали долгими. Прежние суффиксы приняли фор-
 мы: -kun, qun → -kui, -qui → -küi, -qüi .

Ссылаясь на В.Л. Котвича, мы сможем объяснить вариатив-
 ность рассматриваемых суффиксов: -qun , -ɣun , -qün ,
 -ɣün и -kun , -qun , -kün , -gün , "где чередование
 q / x /, ɣ с согласными -k , -q совершается таким об-
 разом, что первые выступают в словах с гласными заднего ря-
 да, а вторые - с гласными переднего ряда" ¹⁷.

Гипотетическое соображение по поводу типологического

родства так называемого суффикса причастия будущего времени с самого начала различно.

Исследователи алтайской группы языков считали, что тюркские элементы: $-qı$, $-qu$ и $-qın$, $-qun$ находятся, видимо, в тесной связи с монгольским суффиксом причастия будущего времени: $-xu$, $-xü$, $-kü$, $-xun$, $-xün$, $-xui$, $-xüi$, а также бесспорным соответствием монгольскому суффиксу считали $-yu$, к их мнению после тщательного исследования пришел и Г.И.Рамstedт. По мнению В.Л.Котвича, данная точка зрения не выдерживает критики, поскольку тюркскому элементу $-yu$ должно было бы соответствовать в монгольском языке $-xu$ или $-ü$.

В.Л.Котвич не отрицает сопоставление данных двух суффиксов на фонетическом уровне $/-qu -xü -xu -$, но семантический уровень вызывает сомнение, так как тюркский элемент $-yu$ имеет больше глагольных признаков, чем суффиксы $-qu$ или $-qun$.

Важные для данного положения факты, утверждает В.Л.Котвич, ярко выражены в киргизском языке, где суффикс $-qı$, $-yı$, $-qu$, $-yu$ образует специальные формы со значением возможности¹⁸, которые даже изменяются по лицам. Вполне убедительно также мнение Д.А.Алексеева, заключающееся в том, что суффиксы $-xu$ и $-gu$ не должны быть объектом сравнения¹⁹. Интервокальный комплекс $-агу$, наличествующий в данных примерах /катагу/, в результате выпадения интервокального согласного "г", с последующим стяжением /ау/ и уподоблением, превращается в долгий гласный \bar{u} и является суффиксом, обозначающим качественный признак имени, а не глагола.

Семантическое значение тюркского суффикса $-qı$ и $-qu$ и монгольского суффикса причастия будущего времени $-ku$, $-qu$ различно. Тюркский суффикс выступает, во-первых, самостоятельно, во-вторых, входит в состав сложных суффиксов: $-qın$, $-qun$, $-qıs$, $-qus$, $-qur$. Они образуют от глаголов имена, которые выступают иногда в роли существительных $/-qı$ и $-qıs$ /, а иногда в роли прилагательных $/qın$ и $-qur$ /. Монгольский суффикс причастия будущего времени,

также как и тюркский, выступает в собственном значении и может входить в состав сложных суффиксов. Он является контаминантом некоторых суффиксов, в частности, имен прилагательных и деепричастий:

1/ целевого деепричастия на -хаар = аффикс причастия будущего времени -х / < ха/ + аффикс творительного падежа -аар,

2/ целевого деепричастия -хайа / < -хуйа/ ~ хая = показатель причастия будущего времени + форма древнешонгольского дательного-местного падежа -а / явахая = ja w a + хаі + а/ "с тем, чтобы идти/; в бурятском языке данный суффикс считается контаминантом суффикса причастия будущего времени -ха и суффикса безличного притяжания -яа, который придает аффиксу причастия будущего времени значение цели,

3/ деепричастия степени -хысэ = причастия будущего времени -хы / -хуй -/ и показатель предельного падежа -са / явахыса "по того, как идти"/;

4/ деепричастие на -халаар, где -ха- аффикс причастия будущего времени + аар - аффикс творительного падежа + л. Аффикс -л, по замечанию Т.А.Бертагаева, является загадочным по своему происхождению, и возможным рудиментом совместного падежа -луга²⁰,

5/ желательно-повелительного наклонения гтан /-ктан/ ~ -гтуй/ /ктуй/ ~ -гты/ -кты/ также состоит из аффикса причастия будущего времени -хуй ~ -ху ~ -х, который в силу регрессивной ассимиляции перешел в заднеязычный взрывной-к /орфографическое -г/ местоименный аффикс 2-го лица с собирательно-множественным значением: -тап / > -та/ ~ тоя ~ -тун и т.д.,

6/ -г- аффикс повелительно-желательного наклонения 3-го лица /от -хуй -суффикс причастия будущего времени/ перешел в абсолютном конце в -к /орфогр. -г/: оло-г "пусть найдет",

7/ видовой аффикс со значением неполноты действия, типа: уу-ха-т-ха также содержит в себе показатель причастия будущего времени.

8/ условное деепричастие с суффиксами хула /хуле/ состоит из показателя причастия будущего времени + аффикс соединительного падежа,

9/ в бурятском языке встречается форма на -хоо /орхихоо/, происхождение которой считается двояким²¹, с одной стороны, считают данную форму усеченным аффиксом орудного падежа /хоор, где -р выпал, с другой, причастие будущего времени с субъективным притяжением: /хо + ео = -хоо/.

10/ различные падежные формы причастия будущего времени.

- I Санжеев Г.Д. Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955
- 2 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 131
- 3 Алексеев Д.А. Функции причастия будущего времени в бурятском языке. Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. I. Л., 1971, с. 44
- 4 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 29
- 5 Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. М., 1962
- 6 Лувсандэндэв Л. Хэл, зохиол судлал. IV боть, Улаан-Баатар, 1972, с. 20
- 7 Орловская М.Н. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов". Сб. Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 101
- 8 Цитировано по М.Н. Орловской. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов", с. III
- 9 Там же, с. II 2
- 10 Там же, с. II 2
- 11 Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 90
- 12 Рамстедт Г.И. Там же, с. 90
- 13 Орловская М.Н. Указанное сочин., с. II 2
- 14 О чередовании n /j см. Б. Владимирцов. Сравнительная грамматика... с. 370
- 15 Указанное сочинение, с. 312-313
- 16 Котвич В.Л. Опыт грамматики. СПб, 1929, с. 18

- 17 Котвич В.И. Исследование по вьетнамским языкам. М., 1962, с.4
- 18 Указанное сочинение, с.300
- 19 Алексеев Д.А. Функции причастия будущего времени в бурятском языке. Сб. Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1971, с.40
- 20 Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с.32
- 21 Алексеев Д.А. Функция причастия будущего времени в бурятском языке. М., 1969, с.43

ГЛАГОЛЫ ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ

В камыцком языке бытуют сотни слов, передающих всевозможные звучания окружающей человека действительности. Это своеобразная имитация звучаний, воспроизводимых речевым аппаратом человека. Эти слова являются основами, которые не изменяются ни по числам, ни по лицам, ни по падежам. Они сочетаются с другими словами, в основном, при помощи служебных глаголов гих "говорить", реже кех "делать".

Звукоподражательными основами являются однословные закрытые слоги, т.е. структурные типы СГС, СГСС /С – согласный звук, Г – гласный/.

Звукоподражательные корни бывают одиночные /структурные типы СГС, СГСС/; удвоенные /структурные типы СГС – СГС, СГСС – СГСС/; парные, которые отличаются от удвоенных корней изменением звукового состава во втором компоненте. В производных формах к корням звукоподражательных слов присоединяются словообразовательные аффиксы. Таким образом, в камыцком языке путем аффиксации образуются, в первую очередь, звукоподражательные глаголы, а затем звукоподражательные имена существительные и имена прилагательные.

Образование глаголов

Глаголы, образованные от звукоподражательных основ, выражают состояние, действие или воспроизведение звуков, обозначающих процессы действий.

Существует два способа образования звукоподражательных глаголов: аналитический и синтетический.

Аналитическая форма образуется путем сочетания непроезводных звукоподражательных основ со служебным глаголом гих. Примеры: таш гих "подражание резкому, сухому звуку, исходящему при стрельбе из ружья, падении, стуке, сильном хлопке, ударе хлыстом, плетью"; таш-таш гих "п. резким, сухим звукам при бесперебойной стрельбе, стуках, ударах, хлопках";

таш-туш гих "п. звукам при беспорядочной стрельбе, стуках, ударах, сопровождающихся звуками, разными по своей силе и громкости"; тош гих "п. резкому, отрывистому звуку, исходящему при преломлении чего-д. тонкого и сухого /ветвей, сучьев, рогсовых предметов/"; тош-тош гих "п. непрерывным отрывистым звукам"; сард гих "п. резкому звуку, исходящему при вспархивании птицы, шорохе, шуршании, шелесте, копошении, возне"; сард-сард гих "п. неоднократным звукам, исходящим при взлете птиц, шуршании, шелесте, копошении, возне".

Синтетический способ образования звукоподражательных глаголов представляет собой аффиксированные основы данных слов, т.е. образование звукоподражательных глаголов с помощью присоединения к основам различных аффиксов. Наиболее характерными аффиксами глаголообразований являются следующие:

1. аффикс -жн присоединяется к односложным закрытым корням типа СГС, оканчивающихся на -р или -л. Глаголы с этим аффиксом обозначают процессы, явления, производимые неодушевленными предметами, и звучания, производимые самим человеком или живым существом, например: харднх "греть", "стучать"; курднх "глухо греть", "грохотать" /о раскатах грома, звуках отдаленной канонады, моторов и др./; сурднх "посащывать", "шмыгать носом"; карднх "скрипеть"; сарднх "шелестеть"; серднх "веять" /о легком дуновении ветра/; кирднх "поскрипывать"; шорднх "журчать"; ширднх "шипеть"; бурднх "бурчать", "бурлить"; дарднх "тараторить", "дребезжать"; торднх "дробно стучать"; хорднх "храпеть"; хурднх "бурчать"; бурднх "бормотать", "бурлить"; шальднх "булькать", "плескаться".

2. аффиксы -кр, -р- обычно присоединяются: а/ к корням звукоподражательных основ и образуют глаголы, обозначающие процессы действия, характерные живому существу, например: куркрх "рычать" /о собаке/; суркрх "сопеть"; бэркрх "плакать навзрыд". Сюда можно отнести и такие слова: кекрх "рыгать"; оркрх "орать", "вспить"; хэркрх "кричать" /о верблюдах/; ишкрх "свистеть", б/ аффиксы -кр, -р- присоединяются

еще к основам с открытым слогом и глаголы с этими аффиксами являются в большинстве случаев подражаниями различного рода крикам людей, животных, птиц, например: хээкрх "кричать"; шуукрх "тяжело вздыхать"; мөөрх "мычать"; түкрх "на- травливать", "науськивать" /собаку/; но сравни: мээлх "блеять" /об овце, козе, о мяукании кошек/; буульх "жалобно реветь" /о верблюдаше/.

Калмыцкие аффиксы -кр, -р, аффикс -хир в бурятском и монгольском языках обладают идентичной значимостью в подражании явлениям. Л.Д.Шагдаров считает, что "и в этом отношении они отличаются как от своих корней, так и от других звукоподражательных глаголов, большинство которых характеризуется полисемантической"¹. Например, в бурятском языке хурхирха "храпеть"; хэрхирхэ "рычать" /о собаке/; бүрхирхэ "реветь" /о быке/; бархирха "плакать"; хаахирха "кричать, окликать кого-либо"; һээхирхэ "хрипло кричать"; "тукать" /о филине/. В монгольском языке хурхирх "храпеть /во сне/"; бархирха "крикун", "плакса"; бархирхдан взаимн. от бархирх "кричать", "орать", "реветь", "голосить"; мөөрэх "мычать" /о крупном рогатом скоте/². По мнению С.Кудайбергенова подобные аффиксы с такими же значениями характерны не только для монгольских языков, но и тюркских, и сравнивая аффиксы -ра, -ре, -кыр в киргизском и монгольском языках /кирг: бакыр, ишкыр; алт.багыр; монг. бархирх, исгэрэх/, он приходит к выводу, что наличие этих суффиксов в древне-тюркских, также в монгольских языках, указывает на их древнейшее происхождение³.

3. аффикс -г- присоединяется: а/ к корням типа СГС, оканчивающихся на согласный -р. Глаголы с этим аффиксом выражают различные звучания, производимые как предметами, так и человеком, животными, птицами и др. живыми существами: джиргх "шебетать" /о птицах/; ниргх "шуметь"; сэргх "шуршать"; дэргх "прорываться со звуком" /о паре/; в перен. смысле "говорить без умолку", "пустословить"; түргх "фыркать", б/ аффикс -г- присоединяется к открытым корням, представляющим собой мертвые корни. Значение, которое выражают эти

глаголы, подобно вышеописанным: шуугх "шуметь"; жаагх "скрипеть"; жиигх "жалобно скрипеть"; шиигх "шипеть"; сиигх "сквозить", "дуть со свистом", "сифонить"; диигх "звенеть", "шуметь" /в ушах, голове/; звучания, издаваемые живыми существами: гуугх "куковать", "гудеть"; гаагх "гоготать"/о гусях/; зиигх "стрекотать", "звенеть" /о насекомых/; бөөгх "громко плакать", "орать", "вопить" /о человеке/; "каркать" /о вороне/. Примеры из текста: Оцл көк һалзнь дээрнь иред түргэд серуль. /Д., 42/. "Склонился над ним вороной и разбудил его своим фырканием". Улан сатья баашгнь босад ишкх болһнднь жаагад, шухтад бөөнө. /Э.К.Һ.Х., 375/. "Красные сафьяновые башмачки всякий раз, когда он ступал, поскрипывали и скрежетали". Харһа орн саяк кевтөн жаагад, жиигэд одв. /Э.К.Һ.Х., 530/. "Деревянная кровать по-прежнему заскришела и заскрежетала". Үкл бөөд: Үүмсн мини нудад шүс гиж торлэсн, шуугсн үзгдв. /К.Д.Ш.б.ш., 625/. "Это был смерч. Вдруг перед глазами внезапно возникла бушующая тень". Жиигд, шовун, живрөн делгэд адһд, зуурнь үкл бөөхиг мецсн кевтөнөр, зулсн бөөдл һарв. /К.Д.Ш.б.ш., 638/. "Птица, шебеча, расправив крылья, поспешно улетела прочь, чувствуя, что на пути ее подстерегает опасность".

4. аффикс -н- присоединяется: а/ к корням типа СГ: Глаголы с этим аффиксом являются, в основном, подражаниями различного рода крикам людей, животных, насекомых. В калмыцком языке имеется такое слово, значение которого распространяется на все виды живых существ: гиигх "визжать", "хныкать", "канючить", "ныть" /о человеке/; "визжать", "скулить" /о собаке/; "гудеть", "жуужать" /о мухах, комарах/. Ср. бур. гиинаха "визжать", "скулить"; һиинаха "жуужать", "гудеть" /о комарах, рое мух/; монг. гиенэх "визжать", б/ -н присоединяется к корням типа СГС, оканчивавшихся на сонорный -ң. Данные глаголы выражают звучания, издаваемые как живыми существами, так и звуки, исходящие от металлических, фарфоровых, стеклянных предметов: һөнигх "скулить"; һунгх "гундосить"; жидгх "звенеть". Примеры из текста: Костин бөөсн селэнд ноһан хувцта, һундд жамраһн кеддг, хуцсн

нохан дуута күүнэ һазрин салдсмуд ирхэв. /Б.А.А.ш.д., 152/.
 "В селе, где жил Костя, появились чужеземные солдаты, одетые в зеленую форму, они гундосили, когда произносили слова, и речь их была похожа на лай собак". Ноха һэннм⁴ халууд, намрин сохр буднд, алык захд болв чигн автомашид гүүлднэ. /К.С.Т.н.ч., 29/. "И в нестерпимо знойные дни, и в осеннее ненастное время, не переставая несутся автомашины". Гентки падрси сальки мет, тер өөрхнд домбр жиндэ айслив. /И.Л.Б., 76/. "Словно вспыхнувшее пламя, внезапно раздалось где-то вблизи мелодичное звучание домбры". Хэңкнэд, жиндэд, айслулад, алхиннь ээһинь гүжрулич. /Д.н., 33/. "Тремя, звеня, выводя мелодично, усиливай звон молота."

5. аффикс — присоединяется к закрытым односложным корням с конечным заднеязычным -г, -ң и носовым -м. Эти глаголы выражают негромкие, приглушенные звучания, производимые человеком и некоторыми живыми существами: а/ звуки, исходящие от человека: тамшх "причмокивать"; твншх "пришл-кивать" /языком/, "цокать"; дугшх "пульсировать", "хлоко-тать", "биться", "бухать" /о сердце, биении пульса, биении в висках/, шугшх "всхлипывать"; шагшх "копошиться", "щебе-тать" /о птицах/, о звуках, исходящих одновременно от мно-гих и разных птиц и зверей/; битшх "копошиться" /о льдах/, о звуках, исходящих одновременно от топота и шарканья круп-ного рогатого и мелкого скота; о звуках, исходящих от скоп-ления множества насекомых; б/ звуки, исходящие от природы: дугшх и лагшх "бурлить", "булькать" /звуки, исходящие при кипении жидкости или какого-л. варева /бульона с мясом, по-лужидкой каши, киселя и др./; туншх "стонать". Примеры из текста: Болха эмкәһән зуучкад, хойр талан нәэхлэд, ерчән бәрэд түншнэ. /Б.А.А.б.э., 191/. "Болха стонет, прикусив большой палец, качается из стороны в сторону, прижав руки к груди". Төрсн уңһн, ботхн, туһл, хурһд тогльдна. Тенэд уга ноһанан, таслэ авад тамшалдна. /С.А.Э.э.ц., 60/. "По-прыгивают и резвяся молодые жеребята, верблжжата, телята и ягнята, смачно пожевывая незнакомую еще им зеленую трав-ку".

В рассмотренных выше словообразовательных аффиксах некоторые монголисты нашли элементы вспомогательных глаголов гих "говорить" и кех "делать, что дает основание рассматривать аффиксы, образующие звукоподражательные глаголы, сложными по своему составу. А. Бобровников писал, что "частицы производства служат для обращения корней, не имеющих значения глагола /междометий/, в глаголы. Из таких частиц замечательны частицы -гэ, -ги, -хэ, -ки, в которых легко усмотреть глаголы гэгү "говорить" и кигү "делать"⁵. Он приводит монгольские слова жиргихү "петь" /о птицах/; шуугихү "шуметь"; чимхихү "шипать". В калмыцком языке имеются подобные глаголы с теми же значениями, например: жиргх, шуугх, чимхх.

В. Л. Котвич, рассматривая сложные глаголы в монгольском языке, отмечает, что такое явление совершается чисто механически, "агглютинативным способом, обыкновенно является результатом скорее быстроты говора, при которой два самостоятельных слова сливаются в произношении в одно, чем действительной потребности языка выразить какое-нибудь понятие словом, состоящим из двух корней. Большая часть сложных глаголов состоит из слияния глаголов хихү - "делать" и гэгү - "говорить"... со словами звукоподражательными"⁶.

Влияние "быстроты говора" наблюдается в некоторых звукоподражательных глаголах, где произошло слияние односложных корней с элементами служебного слова гих: күркх /күр-күр гих/ "рычать"; "греметь", "рокатать"; ташх /таш-таш гих/ "хлопать", "ударять"; бүргх /бүр-бүр гих/ "клубиться" /о дыме, пыли/; бурх /бур-бур гих/ "тараторить", "бурчать"; киргх "стричь" /кир-кир гих/; сүркх /сур-сур гих/ "сопеть"; сәргх /сар-сар гих/ "шуршать"; тарх /тар-тар гих/ "рассыпаться"; жидх /жид-жид гих/ "звенеть"; сәргх /сер-сер гих/ "освежиться", "чувствовать себя бодрым"; ниргх /нир-нир гих/ "шуметь", "веселиться"; шуугх /шу гих/ "шуметь"; шаргх /шар-шар гих/ "звенеть", "греметь"; жиргх /жир-жир гих/ "щебетать"; шигх /ши гих/ "шипеть".

Б. Х. Тодаева в своих лингвистических исследованиях, в

резделе словообразование глагола относительно элементов служебных глаголов гих и кех констатирует, что "Суффикс -г при звукоподражательных основах восходит к самостоятельному глаголу ге - "сказать", "говорить", "произносить", /а может быть, в некоторых случаях и к глаголу ке - "делать", "производить - например, звук/, который в процессе длительного развития и изменения языка превратился из вспомогательного глагола в суффикс -г"⁷.

Аффиксы звукоподражательных глаголов играют свою определенную роль наряду с основой глагола, которая является семантически значимой, служат началом для морфологических образований слова, а "разнообразие суффиксов, по мнению Г.Д.Сажеева, очевидно происходит не в силу каких-то случайностей, а вследствие того, что они несут и несли разные смысловые функции"⁸.

Звукоподражательные глаголы образуются еще: а/ путем чередования гласных и согласных в корне; б/ путем присоединения к односложным основам, оканчивающимся на -л и -р, переднеязычного звонкого смычного -д: сар-сур гих "неравномерно шелестеть", "поскрипывать"; хар-хур гих "копоться", "возиться", "производить шум, возню"; таш-баш гих "шумно схватиться" /при борьбе/; садл гих "порывисто дуть" /о ветре/, о внезапном распространении какого-либо резкого запаха; кард гих "хрустнуть со звуком". Т.А.Бертагаев отметил, что "образование слов путем чередования звуков в монгольских языках было продуктивным и, очевидно, принадлежало к языку древнейшего периода"⁹. Он считает, что эти два способа словообразования /аффиксальный и путем чередования звуков/ являются самыми плодотворными в истории словообразования монгольских языков. Автор полагает при этом, что способ чередования звуков предшествовал способу аффиксации.

В звукоподражательных глаголах калмыцкого языка наблюдаются следующие чередования звуков: а/ гласных в основе а// и// о карднх-кирднх-корднх "скрипеть" /зубами/; "скрипеть" /о снеге/, "скрипеть" /при грызении чего-л.

хрустящего/; а// о// у харжных-хоржных-хуржных "грохотать", "стучать"; "храпеть", "урчать"; а// е// у саржных-сержных-суржных "шелестеть" /о бумаге, скрипе пера/, "шелестеть" /о ветре/; "спеть" /во сне/; "шмыгать" /носом/; б/ чередование начальных согласных д// к// с// т// х// ш даржных-каржных-саржных-таржных-харжных-шаржных "дребезжать", "скрипеть", "шелестеть", "тарахтеть", "гремять", "трещать"; в/ присоединение к основе -д- кул-кул гих -кулд гих "звучно глотнуть"; пал-пал гих -палд гих "упасть со звуком, шлепнуться"; пал-пал гих -палд гих "упасть со стуком"; кур-кур гих -курд гих "стукнуться", "упасть с глухим стуком"; цал-цал гих -цалд гих "звучно капать"; шар-шар гих -шард гих "треснуть"; сар-сар гих -сард гих "вспорхнуть" /о птице/; кир-кир гих -кирд гих "треснуть, лопнуть"; сер-сер гих -серд гих "встрепенуться".

Звукоподражательные глаголы, образованные путем аффиксации, как и все знаменательные глаголы калмыцкого языка, характеризуются сложной системой форм, выражавших грамматические категории залога, вида, наклонения, времени, лица, числа.

- 1 Шагдаров Л.Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962, с.77-78
- 2 Монгольско-русский словарь. Под ред. А.Лувсандэндэва. М., 1957, с.65, 245, 567
- 3 Кудайбергенев С. Подражательные слова в киргизском языке. М., 1953, с.103
- 4 Ноха һаңны халун - фразеологизм: о невыносимой жаре, паллящем зное. Букв. жара, заставляющая даже собаку взвизгивать. См: Г.Ц.Ширбеев. Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов. М.-Э., 1971, с.34
- 5 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1848, с.123
- 6 Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб, 1902, с.93
- 7 Тодиева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса "Джангар". Элиста, 1976, с.140

- 8 Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л.,
1941, с.65
- 9 Бертагаев Т.А. О морфологическом строе бурятского языка.
М., 1961, с.23
-

- Б.А.А.б.з. - Балакан Алексей. Аян булгин зээр. Элст, 1965
- Б.А.А.ш.д. - Бадмин Алексей. Аян шорад даргддго. Элст, 1964
- Д. - Длангар. Героический эпос калмыцкого народа. М., 1960
- Д.н. - Даван нэрэ. Шулгүд болн поэмс. Элст, 1960
- И.Л.Б. - Инжин Лиж. Большевикүд. Элст, 1972
- К.Д.Ш.б.ш. - Көглтин Дава. Шүүнэд барлсн шулгүд. Элст, 1971
- К.С.Т.н.ч. - Калян Санж. Теегтөн иерэдсн частр. Шулгүд болн
поэмс. Элст, 1963
- С.А.Э.э.ц. - Сусеев Аксен. Эрднин экн цаг. Элст, 1973
- Э.К.н.х. - Эрндэнэ Константин. налан хадһл. Элст, 1972

ОТАПЕЛЛЯТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В лексике современных монгольских языков наличествует ряд глагольных форм, в основе которых лежит географический апеллятив. Причем, отапеллятивное образование глаголов внутри самих монгольских языков и диалектов распределено крайне неравномерно. Если в одном из монгольских языков образование глагола от апеллятива возможно, то в другом возможно лишь формально или зачастую невозможно. Такая избирательность в отношении глаголообразования от производящих основ - апеллятивов в языках монгольской группы объясняется, прежде всего, актуальностью /или же неактуальностью/ тех или иных географических реалий в хозяйственной деятельности населения.

В монгольских языках отапеллятивные глаголы /инфинитивы/ образуются везде одинаково, посредством прибавления к основе - апеллятива глагольного аффикса - лэх: нуур - нуурлэх, уул - ууллэх.

Со стороны семантики указанные глаголы имеют ряд общих и отличительных черт. В монгольских языках отапеллятивные глаголы могут выражать сугубо определенные значения, из которых наиболее показательными являются:

1/ двигаться по вертикали. Это значение выражает глагол уул-лэх "подниматься в гору". Древняя форма указанного глагола - *aulalaqu* "взбираться на гору" отмечена еще в "Сокровенном сказании монголов"¹. От общемонгольского апеллятива дава 'перевал; возвышенность' в калмыцком языке образовался глагол дав-шх "взбираться, лезть вверх"; калм. эедм "возвышенность" легко преобразовывается в глагол эедлх "подниматься, возвышаться";

2/ двигаться по горизонтали. В калмыцком языке от апеллятивов бел "склон", ташу "скат" образуются глаголы бел-лх, ташу - лх с одинаковым значением "двигаться вдоль по склону".

От монгольского апеллятива евер "юг; южная сторона /горы/" образуется глагол еверлэх "идти по южному склону /горы/, пе-

реходить на южный склон". Аpellлятив хөвч в монгольском языке обозначает "кряж, сопка, гребень, горы". В "Толковом словаре монгольского языка" Цэвэла отаpellлятивный глагол хөвчлөх объясняется как - уудын хөвчийг дагаж явах² "идти вдоль гребня горы". В местах, где горы поросли лесом, указанный глагол хөвчлөх может иметь значение "уходить в тайгу".³

Бурятский вариант хубшэлхэ по семантике мало отличается от монгольской формы хөвчлөх. На территории Бурятии отаpellлятивный глагол хубшэлхэ повсеместно имеет значение "уходить в горы; идти /или ехать/ по горной тайге".⁴

Движение по горизонтали передает монгольский глагол бөөрөглөх - бөөрөг газрар явах⁵ "идти по низине". Калмыцкий аpellлятив кеер "в степи ← степь" образует глагол кеерлэх "уходить в степь".

3/ образоваться /о чем-либо/. Глаголы этой группы образованы, главным образом, от основ - аpellлятивов, обозначающих водные объекты. Такими глаголами в монгольских языках являются общемонг. нуур-лах "образоваться /об озере/"; калм. үйер-лэх образоваться /о потоке/, разливаться"; калм. уул-дх "образоваться /о болоте/, заболачиваться"; калм. цандг-лэх "образоваться /о луже/"; калм. булг-лэх "образоваться /о роднике/". Следует отметить, что продуктивность глаголообразования от "водных" аpellлятивов в монгольских языках не везде одинакова. Так, в бурятском глагол нуурлах в указанном выше значении употребляется не так активно, как в калмыцком. Поэтому, К.М. Черемисов в "Бурятско-русском словаре" дает это слово с пометкой "редко".⁶

Общемонгольский аpellлятив цөл "пустыня" в калмыцком языке образует глагол цөл-дх "испытывать жажду". Первоначально, по-видимому, глагол цөл-дх имел значение "уходить в пустыню", затем стал обычным в значении "испытывать жажду". Причиной такого семантического сдвига послужил реально обусловленный факт - дефицит воды в пустыне, и как следствие его - переход значений по смежности: уходить в пустыню → испытывать жажду;

4/ обосноваться, обитать у чего-либо /на чем-либо/. Это значение характерно в основном для отаpellлятивных глаголов

калмыцкого языка. Калм. бөөрг "низина" образует глагол бөөрглх "обосноваться на низине, обитать на низине", в отличие от монгольского "идти по низине". Калмыцкий аппеллятив нур "озеро" имеет глагольную модификацию нуур-лх с несколькими значениями. Кроме указанного выше значения "образоваться /об озере/", глагол нуур-лх имеет значение "обосноваться, обитать у озера; сделать привал у озера". Помимо этих значений в "Калмыцко-русском словаре", правда, в побудительной форме дается "заселять /напр. водоплавающей птицей/";⁷

5/ расширяться, простирается, расстилаться. Калм. делвэн "равнина" имеет общий корень с общемонгольским дал ~ тал со значением "ширь, пространство, простор", откуда глагол делвэх /далвах/ "простирается, расширяться, расстилаться" и его дериват дел-гх "расстелить". Чередование гласных в корнях дал ~ дел возможно, ср. дава ~ девэ "перевал".

От аппеллятивное образование глаголов в монгольских языках - факт интересный и показательный. Из множества географических аппеллятивов монгольских языков и диалектов лишь незначительная часть образует глагольные формы, хотя в принципе образовать глаголы искусственным путем можно от любых аппеллятивов. Но такое образование окажется нежизненным в языке. Язык, как известно, саморегулирующаяся система, и продуктивность /жизненность/ глаголообразования от именных основ во многом зависит от значимости самих имен - денотатов в жизни общества.

Наблюдение над семантикой от аппеллятивных глаголов показывает, что монгольские языки в большинстве случаев демонстрируют единые значения. Наибольшие отклонения в семантике глагольных форм наблюдаются в калмыцком языке, в котором ослаблено такое ядро значения, как "двигаться по горизонтали", но в то же время усилено значение "образоваться /с чем-либо/" и превалирует значение "обосноваться, обитать у чего-либо /на чем-либо/".

1. К о з и н С.А. Сокровенное сказание. Мань чао би ши, т. I, М.-Л., 1941

2 Ц э з е л И. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаан-Батер, 1966, с. 546

3. Монгол - орос толь, под ред. Л у в с а н д э н д э в а.
М., 1957
4. Буряц-орд словарь. М., 1973, стр. 611
5. Ц э р э л Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаан-Баатар, 1966, с.99
6. Буряц-орд словарь. М.,1973, стр.333
7. Калмыцко-русский словарь. М.,1977, стр.387

ТАБУ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВ В КАЛМЫЦКОМ И НЕМЕЦКОМ
ЯЗЫКАХ

К социально обусловленным явлениям в языке относятся различного рода табу слов, которые определяются сложившимися культурно-историческими традициями общества и характером отношений между людьми.

Запреты на употребление определенных слов издавна свойственны многим народам. Причем широко распространенными были запреты на слова, обозначающие жизненно важные для человека явления природы, например, название хищных животных, которые были опасны для людей.

У многих народов было запретным название волк. Так, украинцы вместо слова волк говорили: поганец, дядько, кузка, серый, латыши – кум, белорусы – зверь, сербы – каменник, звер, немцы заменяли волк словом *Unter* 'чудовище', у монгольских народов называют волка небесной собакой. У немцев был запрет на слово *Maus* 'мышь', вместо чего называли подставными словами *Bönlöper* 'бегавший по полу' или *Dinger* 'штучки' /от *Ding* – 'вещь'/. Для многих народов свойственен запрет на слова, связанные и с другими животными, как медведь, тигр, крокодил, жаба, ящерица. /1; 32-40/.

Запретны и названия болезней, наименования растений, а также личные имена. /2; 200-214/.

Исследователи обычно приводят в качестве запретных слова, являющиеся существительными. Однако немало слов, которые подвергаются табуированию, относятся и к глаголам.

Изучение табу – сферы и характера его распространения в каждом языке, механизмы табуирования, социальные основы и причины возникновения имеет принципиально важное значение для лингвистики, ибо, как известно, многие явления языка могут быть объяснимы только путем обследования табу.

В настоящей статье рассматриваются табуируемые глаголы, выражающие физическое состояние человека, т.е. связанные с

его рождением, состоянием здоровья и конца его жизненного пути, а также связанные с важнейшими аспектами деятельности человека, с его личным именем.

Об исключительном многообразии новых выражений, употребляемых с целью произнесения табуированных слов в монгольских языках свидетельствует статья Клауса Сагастера и Мате Магадбюрин Халтода, которая называется "О некоторых выражениях для "умирать" в монгольских языках" /3, 99-119/. Достаточно сказать, что авторы статьи выявили в научных источниках около 160 различных выражений для понятия "умирать". Немало примеров приведено и из калмыцко-немецкого словаря Г.И.Рамstedта. Анализ приведенных в статье выражений показывает, что подставными являются для этого понятия синонимичные слова и многочисленные глагольные словосочетания с существительными. В качестве используемых подставных слов для понятия "умереть" приводятся такие синонимы, как *jiliikü* букв. 'удалиться' /авторы указывают, что по Г.И.Рамstedту, это слово в калмыцком языке употребляется в отношении детей/, *ögedelekü* букв. 'возвыситься', *qoququ* букв. 'уменьшиться, сократиться', *endekü* 'ошибаться /с правильного пути/'.

В ордосском для выражения кончины князя употреблено слово *axsarqu* 'обрести покой', *mordaqu* букв. 'ехать верхом'. Этими словами и исчерпываются приведенные в статье синонимы. Однако из калмыцкого языка можно было бы привести и другие слова, которые употребляются вместо этого же табуируемого понятия. Например, *өңгрх* в том же значении, буквально 'миновать, проходить мимо' /ср. монг. *өнгөрөх* в тех же значениях/; *эрлх* букв. 'уйти, удалиться', *хэрх*, букв. 'возвратиться домой', *мөңгрх*, букв. 'сделаться бессмертным'.

Абсолютное большинство слов, приведенных авторами статей как заменители слов-табу, являются сложными словами, состоящими структурно из существительного в различной падежной форме и глагола, прилагательного и глагола, типа: *nas barqu* букв. 'исчерпать лета', *taxalal bolqu* букв. 'случиться приятное, желанное' /обычно о кончине духовного

лица/, *γaslang-ača γarqu* 'освободиться от мук',
maγu bolqu букв. 'плохой стать' и др.

Немало случаев замены табуируемого слова целыми словосочетаниями, устойчивыми выражениями, такими, например, как *ūnepkin-ū-ben γajar-tur yabuqu* букв. 'идти в мир справедливости' или *γayaγan-u erke-ber ögede bolqu* букв. 'возвыситься по воле судьбы'.

В калмыцком языке табуируются и другие типы глаголов, например, связанные с состоянием здоровья, т.е. понятием 'болеть, выздоравливать, быть здоровым' и т.д. Так, прямое значение 'болеть' передают слова *гемнх*, *шалтгх* /от существительного *гем* 'болезнь', *шалтг* 'недуг, недомогания'. Причем первое употребляется широко и в отношении людей, и в отношении животных, а второе — только применительно к людям и то не ко всем. Если человек болеет, часто принято говорить иначе. Например, калмыки употребляют следующие глаголы: *таас уга болх* букв. 'неприятно чувствовать', *эв уга болх* букв. 'неловко чувствовать себя', *кинь босх* 'уязвимое место /в организме/ открылось', *хуучнь кендрх* 'активизировалась хроническая (болезнь) /букв. 'зашевелилось старое'/, *ирн-дэрн гих* 'болеть не тяжело, но продолжительно', выражение используется иногда для передачи тяжелой и продолжительной болезни. Причем, как правило, о легком состоянии болезни человека могут говорить довольно сильно выражающими состояние болезни словами *гемнх* и т.д., а когда речь идет о человеке в состоянии, приближающемся к тяжелому, уже употребляют иносказательные слова. Видимо, здесь сказывается психологическое нежелание близких к больному людей думать и особенно выражать, что человек в довольно тяжелом состоянии.

Количество выражений, которые используются для иносказательной передачи состояния болезни, можно было бы продолжить, но достаточно сказать, что у калмыков принято говорить о состоянии больного *сэн болжана* 'становится хорошо, лучше' или *гем уга* 'ничего, нормально', хотя в действительности дело обстоит совсем иначе. Было обычным избегание про-

износить название болезней с тяжелым исходом, поэтому и сейчас еще говорят му нертлэр гемнх букв. 'заболеть той /болезнью/ с плохим названием', а на деле речь может идти о таких эпидемических болезнях, как оспа, холера и другие.

Не менее интересны слова и выражения, которые передают понятие "выздоровливать". Например, об улучшении состояния больного говорят: эрвэх букв. 'немного улучшаться': бийнъ невчк эрвэж бээнэ 'ему немного лучше', чикрх букв. 'становиться правильным' /от чик 'правильный'/, һоорх букв.: 'выпрямляться' /от һо 'прямой'/, ясрх 'улучшаться', тиних букв.: 'выравниваться, выпрямляться' /при тиньгр 'ровный, гладкий'/, эмлх 'оживать' /от эмн 'душа, жизнь'/, нааран хэлэх буквально означает 'вернуться сюда /в нашу сторону/' – так обычно говорят, когда опасный для жизни кризисный момент минует и состояние здоровья больного идет на поправку. Употребляют также и такие глаголы, как тохнхх букв.: 'успокоиться, стабилизироваться', сээрх 'становиться лучше' /при сэн 'хороший'/ и др. Все приведенные здесь слова и выражения в большинстве своем имеют основное значение, но будучи использованными в переносном значении, выступают часто вместо слова эдгх "выздоровливать", которое иногда табуируют, желая не опередить события или "сглазить".

Аналогичным образом табуируется в калмыцком языке понятие "родить", для которого и нет единого обобщающего слова. Одним из наиболее широких по значению словом является һарһх. Однако оно полисеманлично и передает целый ряд других значений, связанных с понятием 'выводить, проводить наружу', например, амнаси һарһх 'вынуть изо рта', дегтр һарһх 'выпускать книгу' /отсюда дегтр һарһач 'книжное издательство'/, гиичэн нохаһас һарһх 'проводить своего гостя' и др. Другой глагол терх 'родиться, родить' более близко передает значение родить, хотя он выступает и как переходный, так и непереходный. Оно выступает и в общем значении 'рождаться, появляться, возникать': нанд нег санан терв 'у меня возникла мысль'. Но именно терх обычно употребляется, когда речь идет о людях и в меньшей степени глагол һарһх.

Что же касается неразумных существ, то используются различные глаголы, например, кичгхлх 'щениться, приносить щенят' /о собаке, волчице, лисе/, пороситься /о свинье/, котиться /о кошке/. Глагол кичгхлх употребляется и в отношении других сямок, например, мыши, крысе, суслике, львице, тигрице. Вместе с тем в отношении коровы, верблюда, лошади, лося используются также, как и в других языках, например, в русском, — соответствующие глаголы: туһлх 'телиться' уһлх 'жеребиться', ботхлх 'приносить верблюжат /о верблюдице/'.

Таким образом, в отношении людей употребляются только глаголы төрх, һарх. Однако они часто табуируются, когда речь идет о роженице. Вместо них употребляются такие слова и выражения, как гийгрх букв.: 'стать легче', келэн татх букв.: 'ноги подтянуть', цаһан төр болх букв.: 'белым родам быть'.

Аналогичную картину представляет характер табуирования различных слов и в немецком языке. Например, понятие "умирать" может быть передано следующими эвфемистическими выражениями: ins Gras heissen букв.: 'кусать траву', ableben, die Augen für immer schließen букв.: 'закрывать навеки глаза', verscheiden aus dem Leben gehen /scheiden букв.: 'уйти из жизни', unserer Mitte gerissen werden букв.: 'быть вырванным из нашей среды', einschlafen 'заснуть', einschlummern 'заснуть', seinen letzten Gang / seine letzte Reise antreten букв.: 'отправиться в свой последний путь'. В отношении состояния больного говорят: nicht wohl sein 'не очень хорошо чувствовать', вместо болеет, eine Schraube locker sein 'быть не все дома', вместо 'быть сумасшедшим' /4; II4/.

Небезынтересны выражения, употребляемые для передачи понятия 'выздоровливать' gesund werden например: der Kranke genes 'больной выздоровел', sie ist von der Grippe, Lungenentzündung genesen 'она выздоровела от гриппа, воспаления легких', der Kranke sah seiner Genesung, entgegen befand sich auf dem Wege der Genesung 'больной смотрит в сторону своего выздоровления'. Но genesen имело /теперь уже устаревшее/ значение 'родить ребенка',

например, Trud genes eine Knablein /Fontane/ 'Трут
родила ребенка' /Фонтане/.

В древнем языковом состоянии genesen 'выздоровли-
вать' употреблялось в значении 'умереть, прожить, уйти'.
Сужение значения 'выздороветь от какой-то болезни' произош-
ло в средневерхне-немецком языке. В 17 веке появилось про-
изводное слово: Genesung 'выздоровление' /5; 210/.

Калмыцкому языку характерно табу глагольных слов со-
вершенно иного качества - табу глаголов, образованных от
личных имен. Последние, как известно, заменялись или изме-
нялись калмычками, если принадлежали родственникам мужа
/см.2; 200-214/. Поскольку личные имена у калмыков очень
часто восходят к простым словам, точнее совпадают с ними,
то личные имена и совпадавшие /или даже созвучные/ с ними
слова; а также производные от них слова, в том числе и гла-
голы, жена-калмычка заменяла другими словами или произноси-
ла в измененной форме.

В абсолютном большинстве случаев заменой табуируемого
слова служили синонимичные глаголы, если же нет соответ-
ствующих синонимов, то заменяли словами, которые имеют сход-
ства в характере действий, обозначаемых глаголами, или пе-
редают описательно. Приведем примеры: бѹтх 'выполняться,
осуществляться' употребляется вместо болх 'становиться, де-
латься, осуществляться' /ср. с личным именем Болха/; андѹх
'приподниматься, подниматься' вместо босх 'вставать, под-
ниматься' /ср. с личными именами Босха, Бооча/; словом
герѹлх 'охотиться' подменяют андх 'охотиться' /ср. с личным
именем Андху, Андхуч/; торпх 'зацепить, слегка прикрепить'
вместо дегѹлх 'зацепить кричком' /ср. с личным именем Дегѹ/
нарицательное значение 'кричок'; зелкѹлх - слово, которое в
современном калмыцком языке уже утратило свое прямое значе-
ние, а употребляется как специфическое женское слово, заме-
няющее хулхалх 'воровать', но иногда может выступать как
компонент парного слова хулха-зелкѹ кѹх 'заниматься воров-
ством' /ср. с личным именем Хулхач/.

Слово бичкрх 'уменьшаться, сделаться маленьким' подме-

няют словом баһрх 'убавиться, уменьшиться' /ср. с личным именем Бичкн, нарицательное значение которого 'маленький'/. Говорят бекрх 'становиться прочнее' вместо батрх 'становиться крепче' /ср. личное имя Бат, нарицательное значение которого 'крепкий, прочный'/.

Если же нет таких синонимов, прибегают обычно к другим способам передачи слов, совпадающих с личными именами, например, употребляют цацх 'разбрасывать' вместо тэрх 'сеять, сажать' /ср. с личным именем Тэрэн/, местх 'обледенеть, покрыться льдом' вместо цастх 'покрыться снегом' /ср. с личным именем Цаси, Цаста/. В первом случае замена основана на общности процесса протекания действия, а именно: когда сеют, то разбрасывают; во-втором в сходстве действия по содержанию: в разновидности состояния воды при температуре ниже нуля. Говорят также дух 'кпать' вместо һоох 'течь' /ср. с личным именем һоокур/, бүләдх 'слегка согреться' вместо дуладх 'согреться' /ср. с личным именем Дулан, Дулахн/ - в этих случаях глаголы неполноты действия заменяются другими, выражающими полноту действия глаголами. Төлх или телән авх 'давать приплод' вместо туһлк 'телиться /о корове/' - подмена слова, выражающего частное явление, другим словом, обозначающим общее /ср. с собственным именем Туһл, Туһлч, Туһлча/. Вместо сохрх 'ослепнуть' употребляют описательные выражения һудн уга болх 'остаться без глаз', хараһан геех 'потерять зрение' /ср. с личным именем Сохр, нарицательное значение которого 'слепой'/. Употребляют слово баслх 'держат в загоне, загнать в загон' вместо хашлх 'загонять, загораживать, держать, никуда не выпускать' /ср. с личным именем Хашн/. Здесь используется глагольное образование от заимствованного из русского языка слова баз.

Таким образом, замена глаголов, совпадающих с личным именем родственников мужа или образованных от общей основы, осуществляется чаще всего путем употребления их синонимов. Когда же их нет, то заменяют табуируемое слово другими словами или сочетаниями слов, имевшими с ними общее в характере протекания действия, или разновидности осуществления пос-

ледного. Нередки случаи замены табуируемого слова, обозначающего частичное протекание действия, словом с общим значением и, наоборот. Иногда вместо табуируемого глагола используется описательная передача понятия или употребляется заимствованное слово.

Однако, несмотря на общность языковых средств, образование эфемизмов все же имеет отличия в зависимости от того, к какому типу табу заменяемое слово относится. Для табуирования слов, относящихся к табу, возникшем на основе страха, боязни, опасения, характерна инскоказательная передача, причем часто очень далекими по значению словами и выражениями. Для табу, обусловленном определенными этическими нормами поведения людей, свойственна замена на основе близости значений, сходства форм, функциональной общности.

Касаясь причин возникновения табу слов вообще и табу личных имен и производных от них слов, исследователи обычно указывают на суеверный страх людей перед силами природы, перед духами и веру людей в магическую силу слова. "Изменение это происходит сознательно и имеет целью, — пишет И. Зеленин, — быть понятным своим собеседникам, но остаться непонятным для тех духов, о которых идет речь или которые по другому поводу заинтересованы в понимании" /I; I60/. Даже табуирование личных имен, которое характерно и для калмыцкого языка, рассматривалось как результат сохранения личными именами в народных поверьях магической силы /I; I62/.

Эти же взгляды на табу отразились и в "Словаре лингвистических терминов" Ж. Марузо: "Табу — полинезийский термин /-священный, запретный/, принятый языковедами для обозначения словарных запретов преимущественно суеверного характера, которые встречаются главным образом у менее цивилизованных народов". /6; 305/.

И совершенно справедливо отметил в примечании к статье редактор русского издания словаря А. А. Реформатский: "Явления языкового табу, — писал он, — гораздо шире: табуирование слов происходит от различных причин, а не только суеверия; случаи языковых табу известны разным степенями цивилиза —

ции". /6; 305/. Правомерность этой точки зрения подтверждается бытованием табу у самых разных по своему экономическому и культурному развитию народов.

Приведенные выше материалы показывают, что табу слов социально обусловлено. В одних случаях /и это широко распространено у многих народов/ оно связано с неизвестным страхом перед силами природы, мифическими представлениями о духах, например, при табуировании названий диких зверей, леших и т.п.; в других – мотивировано нежеланием /не всегда осознанным/ произносить неприятные по содержанию слова и одновременно боязнь и нежеланием вместе, например, о состоянии больного; в-третьих, возникновение табу слов основано на понятиях "приличия", "нормы поведения в обществе, коллективе, семье", как, например, при табуировании личных имен и созвучных с ними слов.

- 1 Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Америки
- 2 Биткеева Г.С. Принципы образования женских слов в калмыцком языке. – Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М., 1976, с.200–214
- 3 Марузо Х. Словарь лингвистических терминов. М., 1960
- 4 Sagaster K. und Haltod M.M. Über einige ausdrücke für „sterben“ in Mongolischen. – Journal de la Sociéte Finno-Ougrienne, № 65, Helsinki, 1964, s. 99-119
- 5 Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Klappenbach / Steinitz, Berlin, 1968, Bd II
- 6 Der große Duden, Etymologie, Dudenverlag. Mannheim / Zürich, 1963

О СЕМАНТИКЕ ОБРАЗНЫХ СЛОВ

Образные слова в современном калмыцком языке представляют собой группу слов, входящих в состав так называемых изобразительных слов.

Изобразительные слова в калмыцком языке как и в других языках¹ по своему лексическому значению и по некоторым грамматическим признакам делятся на две группы: а/ звукоподражательные слова; б/ образные слова.

Первые из них представляют собой подражания различным звуковым явлениям окружающей человека действительности, а вторые выражают представления, возникающие на основе зрительных, слуховых и реже осязательных восприятий предметов с их внешними признаками.

Таким образом, в современном калмыцком языке наряду со звукоподражательными словами существует большое количество образных слов, или по выражению некоторых исследователей, кинематоизобразительных или мимических².

Образные слова в калмыцком языке выражают понятия, наиболее тесно связанные непосредственно со зрительными, слуховыми впечатлениями.

Основы образных слов выражают представления о внешнем виде предмета, человека, живых существ. Характерной особенностью их является то, что они обозначают часто "не отдельные представления, а целую картину или сложное ощущение"³.

Образные слова имеют много общих черт со звукоподражательными словами, хотя у образных слов на первый план выдвигается только зрительный образ предмета. В образных словах уже трудно уловить то или иное звучание, ибо они прежде всего связаны со сложным комплексом ощущений, выражающих конкретно-образную характеристику предмета и его действие, "представляют собой как бы снимок с реального образа с его разнообразными признаками, характеризующий предмет или действие одновременно с различных сторон"⁴.

С точки зрения словообразования образные слова в калмыцком языке можно разделить на непроезводные и производные.

К первой группе непроезводных слов относятся слова морфологически нечленимые и употребляющиеся в речи в сопряжении, главным образом, служебного глагола гих "гово- рить".

Группа производных образных слов представлена много- численными образными прилагательными, образными существи- тельными и образными глаголами.

По структурным особенностям образные слова распадают- ся на ряд групп, в частности на: одиночные образные слова; удвоенные образные слова; парные образные слова.

По своей структуре и звуковому составу одиночные об- разные слова совпадают со звукоподражательными словами. Они представляют собой основы, образованные от звукоподражатель- ных корней типа СТС и СТОС и обозначают моментальность, внезапность, однократность движения или какое-либо ощуе- ние, вызванное в организме человека. Например: даб гих "внезапно податься вперед, рвануться"; дуг гих "чутьку вадреминуть"; шем гих "быстро съесть, проглотить что-то, ед- ва открыв рот". Ср. русское просторечное шмять; дев гих "встрепенуться, очнуться от мыслей"; торд гих "внезапно пред- ставить себе что-то"; салд гих "порывисто подуть" /о ветре/; о внезапном распространении и ощущении сильного запаха; пард гих "вадрогнуть от неожиданности" /при испуге, или при получении какого-либо известия; "екауть" /о сердце/: зурки пард гав; шурд гих "амыгнуть", "моментажно промелькнуть", "исчезнуть"; кирс гих "мелькать", "рысить", "мельтешить".

Удвоенные образные слова представляют собой полную ре- дупликацию основ при глаголе гих без изменения звукового сос- тава и выражающие многократность действия. По словам Н.К. Дмитриева, "они являются одним из способов выражения кате- гории множественного числа"⁵.

В калмыцком языке эта группа слов наиболее употребим- тельна. По своей фонетико-морфологической структуре данные слова представляют собой однословные корни типа СТС - (ТС и

СГСС – СГСС, например: үкс-үкс гих, шүс-шүс гих, шурд-шурд гих – все эти слова синонимичны и выражают торопливую походку человека, т.е. "быстро, торопливо шагать", "спешить", а также выражает поспешные действия, быстроту, сноровку, удаль; джрс-джрс гих "мелькать", "рябить", "проноситься", "мельтешить"; цэс-цэс гих "светиться", "рябить".

Парные образные слова, как и удвоенные, выражают многократность проявления образа в одной и той же ситуации восприятия. Выдоизменение же образа вызывает и изменение компонентов основ. Такое преобразование заключается: а/ в изменении начального гласного или согласного во второй основе; б/ изменении гласной основы во втором компоненте, т.е. в частичном или полном изменении второго компонента. Примеры: арң-урң гих "тускло поблескивать" /о чем-то светлящемся/; цэс-цүс гих "мелькать", "светиться" /при неравномерном освещении/, "поблескивать время от времени"; тамтр-тумтр йовх "делать неуверенные шаги" /о ребенке/; талт-мулт йовх "о первых неуверенных шагах ребенка"; алс-булс гих "о шумной схватке борющихся людей"; изң-тата гих "о неуравновешенном, вздорном характере человека", букв. "проявлять каприз", "своевразничать".

Классификация изобразительных слов по их семантическим признакам и по характеру подражаний явлениям была дана впервые Н.И.Ашмариним⁵.

Ряд исследователей тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языков дает свою классификацию согласно семантическим особенностям и своеобразию подражательных слов.

По характеру семантических проявлений в языках агглютинативного типа образные слова в современном калмыцком языке подразделяются на следующие группы: I/ лексемы, создавшие образные представления о внешнем и внутреннем состоянии человека и вообще живых существ: характер и манеры, мимика, поза и движение, а также связанные с ними душевное состояние, т.е. весь комплекс психологических ощущений, например: марзаад изах "расплываться в улыбке" /о челове-

же с крупными чертами лица, простодушном, добром/; цеб-цеб ишк "осторожно, тихо ступать, делая аккуратные шажки"; бөгчиһэд йовх "идти сутулясь"; һудыһэд суух "сидеть понуро, опустив голову, с огорченным видом"; кизһлзх "капризничать, проявлять недовольство"; кулыһэд хәләх "смотреть испод-лобья"; күрдәһэд суух "тучно восседать" /обычно о человеке полном и высоком/; сарвлзад гүүх "бежать с растопыренными руками", или сарвлзх "радоваться при встрече", "быть доб-рожелательным".

2/ лексемы, воспроизводящие характер и одновременно вид предметов, явления и процессы, отражающие окружающую действительность, например: куриһэд үзгдх "виднеться тем-ной массой", "громоздиться"; бултаһад һарх "едва показываться" /о чем-либо остром, напр. о молодом месяце/; мелм-лзх "наполняться до краев" /о жидкости/; сагсих "лохматить-ся, взъерошиться"; шовах "высозываться /о чем-либо остром/"; күрих "виднеться темной массой вдаль"; сегсрх "трясти"; билдлх "раздавливать", "расплющить"; болабах "бугриться", "возвышаться" /о чем-либо большом, круглом/; бавилдх "об-виснуть", "распуститься", дошиллх "гладко обтесать", "поли-ровать"; дярдах "огрубеть", "затвердеть" /о коже/; бархлзх "грозно выдвигаться" /чаще о тучах/.

3/ лексемы, которые выражают явления в связи со свето-выми образами, передающие зрительные цвето-световые впечат-ления, например: улд-улд гих "тускло поблескивать", "мер-цать"; гилр-гилр гих "о каком-либо блестящем предмете с гладкой поверхностью"; урң-урң гих "едва мерцать"; гилс-гилс гих, гилс хәләх /о поблескивании глаз/; барң-бурң үзгдх, барс-бүрс гих "едва различать что-то в сумерках".

Н.И.Ашмарин подчеркивал особую роль звука - л -, встре-чающегося в световых обозначениях не только в тюркских языках. Автор полагал, что - л - "... возник именно вслед-ствии движения языка, когда первобытный наблюдатель пора-женный световым явлением, невольно и бессознательно двигал языком, подражая движению пламени или мерцанию далекой звез-ды"⁷.

Рассматривая семантику образных слов, можно отметить, что, характеризуя то или иное явление, состояние, положение, образное слово отражает конкретно те свойства, которые присущи именно этим предметам и явлениям, а не взяты со стороны. Здесь играет главную роль Характерность признака, его эмоциональность, образность, конкретность. Обобщающая сила образных слов чрезвычайно мала. Они наиболее конкретно и субъективно отражают реальную действительность. Каждое образное слово имеет определенную, присутствующую только для него область применения. Возьмем, к примеру, слова, создавшие только те или иные представления о человеческом облике мусхлэх "слабо или криво усмехаться"; маасхлэх "широко и доверчиво улыбаться"; арних "сделать кислое лицо, выразить недовольство"; марзах "иметь крупные черты лица"; марзаһад инэх "смеяться, оскалив зубы"; бирчих "иметь недовольный вид", готовый вот-вот расплакаться"; ормах "смотреть удивленно, вытаращив глаза, быть в недоумении"; корних "о приплюснутом и вздернутом носе".

Многие исследователи отмечают сложность семасиологической стороны образных слов. Такую же особенность семантики образных слов отмечает и Л.Д.Шагдаров. Он устанавливает, что, "обозначая несущественные, внешние признаки, образные слова не способны проникнуть в существо вещей, предметов. Для них нет улыбки, а есть улыбающийся вид. Для них нет недовольства, а есть резкие движения, косой взгляд и т.д."⁸.

Конкретность образных слов осуществляется на основе какого-нибудь Характерного, заметного "бросающегося в глаза" признака. Определяющую роль при этом имеет семантика самого образного слова.

При определении образных слов существенную роль играет явление речевой кинестезии, т.е. восприятие движений органов речи, система движений голосовых связок, языка, губ.

Итак, рассматривая фонетико-морфологические и семантические особенности образных слов в современном калмыцком языке, можно сделать следующий вывод:

Образные слова отличаются от всех знаменательных слов

своей специфической семантикой.

Конкретность, наглядность, образность данной категории слов дает возможность ярче и эмоциональнее представить процесс отражения явлений реальной действительности.

Образные слова широко используются в калмыцкой художественной литературе, в произведениях устного народного творчества и живой разговорной речи.

Поэтому возникает необходимость всестороннего их изучения. Тщательное исследование структуры и семантики изобразительных слов составляет одну из важных задач лексикологии калмыцкого языка.

1. Кудайберганов С. Подражательные слова в киргизском языке. 1953; Цак Г.А. Изобразительные слова в корейском языке. Л., 1958; Джафарова С. Подражательные слова в современных тюркских языках. Баку, 1973
2. Абаев В.И. Мимеоизобразительные слова в осетинском языке. Труды ин-та языкознания АН СССР, т. УП, М., 1956; Цыдендамбаев И.Б. Изобразительные слова в бурятском языке. Филология в история монгольских народов. М., 1958; Он же: Изобразительные слова в монгольских языках. М., 1960
3. Харитонов Л.Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск, 1943, с. 63
4. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. т. 2, М.-Л., 1961, с. 213-223
5. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 1948, с. 221
6. Ашмарин Н.И. Основы чувашской мимологии. /О подражательных словах в чувашском языке/. Казань, 1918
7. Ашмарин Н.И. Подражания в языках Среднего Поволжья. Изв. Азерб. гос. унив. т. 2-3, Баку, 1925, с. 156
8. Шагдаров Д.Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962, с. 124-125

ВОСПРИЯТИЕ НЕКОТОРЫХ ИНТОНАЦИОННЫХ ТИПОВ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Из просодической информации, содержащейся в речевом сигнале, могут быть получены сведения, важные для понимания смысла сообщения. Среди них и данные, характеризующие конкретное речевое общение, т.е. сведения о том, вопрос это или сообщение, законченное высказывание или незаконченное, какая это именно информация. Большинству языков свойственно противопоставление вопроса утверждению или законченного высказывания незаконченному при помощи интонационных средств. Конкретные средства реализации типов интонации могут быть различными в разных языках. Описание интонационной системы калмыцкого языка еще не стало темой отдельного исследования. Между тем роль интонации в различении разного рода высказываний значительна, поскольку в монгольских языках "типы предложения друг от друга не отличаются, если иметь в виду порядок слов, составляющих члены того или иного предложения".¹ Имеющиеся же замечания калмыковедов относительно интонации калмыцкого языка основаны на субъективно-слуховых впечатлениях и связаны в основном с проблемой ударения. Так, Г.И.Рамстедт в связи с характеристикой ударения в монгольских языках отмечал: "долгие гласные могут быть произвольно удлинены, повышены и различно оттенены /для выражения вопроса, сомнения, удивления, иронии, призывания и др./".² Б.Я.Владимирцов связывал просодические особенности монгольского ударения с "выражением вопроса, сомнения, удивления, иронии, призыва, желанием подчеркнуть известное слово при всяком акценте".³ Значительным событием в монгольстике стало специальное исследование Э.И.Буревой "Ритмомелодика простых нераспространенных предложений бурятского языка". На материале 40 предложений ею проведено "фронтальное обследование ритмомелодических рисунков по основным коммуни-

кативным установкам сообщений, чтобы при сопоставлении новостатированных разкоустановочных ритмомелодем выявить их характерные типологические признаки.⁴

Материалом данной статьи послужили результаты опытов по восприятию некоторых интонационных типов калмыцкого языка. Исследование шло в двух направлениях: на первом этапе перед автором стояла задача выяснения, насколько в интонации калмыцкого языка присутствуют черты универсально-языковые; это проверялось в опытах по восприятию типов интонации калмыцкого языка аудиторами — не знающими калмыцкого языка. С другой стороны это позволило обратить особое внимание на неуниверсальные и неиндивидуальные характеристики калмыцкой интонации. Задачей второй серии опытов стало выяснение того, как воспринимаются стимулы в зависимости от разной морфологической структуры и разной интонации.

В качестве типов интонации, которыми, предположительно, пользуются и которые различают носители калмыцкого языка, были взяты интонация простого повествования, вопроса, а также признаваемая некоторыми исследователями особым интонационным типом интонация незавершенности. /Н.С.Трубецкой незавершенную интонацию называл "предупредительной"⁵/. В материал вошли также предложения с выделением одного или нескольких из компонентов предложения. Материал составил 230 предложений, из них: 40 — вопросы с вопросительными словами, 28 — вопросы с вопросительными частицами, 20 — вопросы без специальных показателей вопросительности, кроме интонации, 52 — предложения с выделением одного или нескольких компонентов. Предложения различались по количеству слов, структуре, коммуникативному типу. Весь экспериментальный материал был записан от трех дикторов-мужчин, представителей базовых диалектов, говорящих без отклонений от нормы. Материал в виде списка предъявлялся дикторам, задача которых заключалась в чтении в нормальном для диктора темпе; никаких дополнительных инструкций при этом не давалось. Весь экспериментальный материал в произношении трех дикторов составил 1150 предложений. Тот или иной тип мелодии задавался дикторам структурой предложения, его лексическим

составом, знаком препинания. В связи с этим несколько слов следует сказать о знаках препинания. В письменном тексте существует три вида указателей его сегментации: 1/ союзы /или другие служебные слова/, 2/ указатели лексического характера, 3/ знаки препинания. Если обратиться к истории употребления знаков препинания, то в текстах, написанных на старокалмыцкой письменности, "употреблялось два знака: две точки и четыре точки. Четыре точки ставились в конце отделов, глав, вообще отдельных частей книги или статьи.⁶ Двоеточие⁷ употреблялось внутри отдельных частей книги, заменяя русские знаки: точку, запятую, точку с запятой, двоеточие, вопросительный и восклицательный знаки".⁸ А.Д.Руднев совершенно верно отметил сущность употребления знаков препинания: "знаки препинания очень часто совершенно опускаются. Значение их постоянно и на них при чтении полагаться нельзя".⁹ Как видно, наблюдалась неразграниченность функций знаков препинания; знаки препинания не отражали реальное членение фразы и передаваемую интонацию. Что касается знаков препинания в современном калмыцком языке, то в грамматиках не указываются четкие правила их употребления, знаки в большинстве случаев ставятся интуитивно, часто по аналогии с русским.

Итак, предложения различались по объему, количеству знаменательных слов и содержали различные реализации четырех основных интонационных типов.

В первой серии опытов по восприятию в соответствии с первой задачей в качестве аудиторов выступили люди не знающие язык. Перед испытуемыми – не знающими язык /группа аспирантов и стажеров кафедры фонетики ЛГУ им.А.А.Жданова, всего 7 человек/ была поставлена задача отмечать графически слышимую ими интонацию. Здесь была исключена какая-либо лексическая информация. Результаты опыта представлены на таблице I /верхние четыре колонки. См. табл./.

Кроме завершенной интонации наиболее высокий процент правильного опознания имеет вопрос без специальных показателей вопросительности /92,1 проц./, затем вопрос с вопросительными частицами /89,2 проц./, наиболее низкий процент – вопрос

Таблица I

	: / . /	: / ? /	: / ... /	: % прав-сти
1.	100%			
2.	100%			100%
3.	100%			
1.	5%	95%		
2.	9,1%	90,9%		92,1%
3.	9,5%	90,5%		
1.	20,3%	79,7%		
2.	7,3%	92,7%		89,2%
3.	4,8%	95,2%		
1.	68,5%	31,5%		
2.	16,5%	80,2%	3,3%	57,6%
3.	23,5%	61,1%	15,4%	
	: % прав-сти: % неправ-сти			
1.	44,6%	55,4%		
2.	46,6%	53,4%		45,8%
3.	46,4%	53,6%		
	76,9%			

Табл. I.

Восприятие некоторых интонационных типов аудиторами - не знающими калмыцкого языка.
 Слева: предъявляемые сигналы /по дикторам/:
 / . / - завершённые,
 / ? / - вопросы без специальных показателей вопросительности, кроме интонации,
 / ?ч./ - вопросы с вопросительными частицами,
 / ?с./ - вопросы с вопросительными словами,
 / с./ - с выделением одного или нескольких компонентов.

Справа: восприятие их как:

/ . / - завершённые,

/ ? / - вопросы.

/.../ - незавершённые.

с вопросительными словами. Это ещё одно подтверждение так называемого принципа замены Пешковского: отсутствие в реальной речи одного из более действенных средств вызывает усиление того же формального качества в наличествующих остальных средствах выражения той же грамматической категории.

Материал второй части I серии опытов по восприятию составили 52 стимула с выделением одного или нескольких компонентов, которые предъявлялись в случайном порядке. Аудиторам предлагалось отметить в тексте выделенное слово. Всего было получено 936 ответов. Результаты также представлены на таблице I /нижняя колонка/. Целью данного опыта было: посмотреть воспринимается ли на слух не знающими язык выделенность, достаточно ли ярко она выражена. Здесь наблюдается мало правильных ответов. Однако следует заметить, что общий процент правильного опознания довольно высок /76,9 проц./. Интересно, что исключение лексической информации привело к довольно хорошему восприятию интонационных изменений, т.е. в данных случаях испытуемые ориентировались в основном на конкретные физические признаки.

Во второй серии опытов по восприятию принимали участие - носители языка /всего пять человек/. Основная задача данной серии опытов заключалась в следующем. Дело в том, что как уже указывалось, в монгольских языках разные виды предложений по своей структуре друг от друга не отличаются, и поэтому функциональная нагрузка интонации в них велика. Большой интерес для исследователей представляет та разновидность вопросительных предложений, сказуемые которых оформляются особыми аффиксами вопросительности. Ясно, что употребление частиц при неместоименном вопросе снижает различительные возможности интонации. В связи с этим автор попытался выяснить, как будут восприниматься испытуемыми стимулы с предварительно вырезанными вопросительными частицами, а также рассмотреть, каковы

функциональная нагрузка каждого из аффиксов в образовании значения вопросительности.

Материал первой части второй серии опытов составили 26 стимулов, из них:

а/ IO - вопросы с вопросительной частицей - у/-ү. Стимулы типа:

Тана гер хол бээнү ?

Эн герин эзн сэн бээнү ?

Аав ирвү ?

Эрүнэ Дорж ирвү ?

Таниг гертэн күрх цагла хур орвү ?

б/ 5 - с частицей - ба/-бё, -ва/-вё. Стимулы типа:

Медхм бё ?

Мана гер вё ?

Чини келжэсн эн гер вё ?

Тер үзгджэсн мана гер вё ?

в/ II - с частицей - нй/-ий, -й. Стимулы типа:

Мана герий ?

Худлынъ меджэхший ?

Аав ик настай ?

Доржин герэс һарад Бадмин герт одий ?

Мана гер холый ?

Эн мана герий ?

Предложения были записаны на магнитную ленту со скоростью 381 м/сек. Затем отрезалась та часть пленки, которая соответствовала аффиксам. Далее эти предложения уже без частиц и предложения собственно повествовательные предъявлялись аудиторам в случайном порядке, т.е. аудиторам предъявлялась лексически и синтаксически тождественная структура. Всего было получено 390 ответов. Результаты приводятся на таблице 2.

Наиболее высокий процент опознания как вопросительной приходится на стимулы с вырезанными аффиксами -ү/-ү /86,2 проц./, далее с -ба/-бё, -ва/-вё /61,3 проц./, наиболее низкий с -нй/-ий, -й /34,3 проц./. Полученные довольно разноречивые данные заставили автора обратиться к литературе по монголистике в поисках каких-либо сведений из области семантики дан-

Таблица 2

	:	/ ? /	:	/ . /	:	%
1. -у/-ү	:	80%	:	20%	:	
2.	:	87,8%	:	12,2%	:	86,2%
3.	:	90,9%	:	9,1%	:	
1. -ба/-бе	:	76%	:	24%	:	
2. -ва/-ве	:	48%	:	52%	:	61,3%
3.	:	60%	:	40%	:	
1.	:	33,4%	:	66,6%	:	
2. -ий/-ий	:	25,5%	:	74,5%	:	34,3%
3. -й	:	44%	:	66%	:	
1.	:	20%	:	80%	:	
2. / ?с./	:	78%	:	22%	:	42,6%
3.	:	30%	:	70%	:	
	:	% прав-сти	:	% неправ-сти	:	
1.	:	66%	:	34%	:	
2. / с./	:	76%	:	24%	:	75,7%
3.	:	85%	:	15%	:	

Табл.2.

Восприятие стимулов аудиторями-калмыками.

Слева: предъявляемые сигналы с вырезанными частицами /по дикторам/: -у/-ү, -ба/-бе, -ва/-ве, -ий/-ий, -й;

вырезанными вопросительными словами

/ ?с./, выделением одного или нескольких компонентов / с./.

Справа: восприятие их как:

вопросительные / ? /,

завертненные / . /.

ных аффиксов, которые в какой-то мере способствовали бы толкованию этих результатов. Выяснилось, что монголисты лишь констатируют факт использования этих аффиксов для передачи вопросительности и указывают, в каких условиях какой аффикс употребляется.¹⁰ И лишь Г.И.Рамстедт сделал несколько замечаний относительно аффикса -у/-ү: "... существует ... древнее местоимение mi - "что". Оно присутствует в кор. mjet < mjeɕh "сколько?"..., монг. -ū / < wu < mu/. Возможно, что в монгольском языке еще с древних времен в качестве энклитической частицы употреблялось как -ми, так и -ju, обе частицы могут рассматриваться как предшественники современного ū / после долгого гласного -χū, -jū. ¹¹ Подобных сведений об аффиксе -бā/бё, -вā/вё, к сожалению, обнаружить не удалось. С помощью же аффикса -ий/-ий, -й выражается "приглашение других действовать совместно с собой",¹² которое передается вопросительной интонацией, но в слабой степени реализации.

В силу вышеизложенного результаты данного эксперимента можно интерпретировать следующим образом. В случае с частицами -у/-ү, -бā/бё, -вā/вё фонетические характеристики вопросительности настолько ярки, что отсутствие этих частиц не препятствует восприятию стимулов как вопросительных. Другими словами, по изменениям акустических характеристик части фразы, предшествующей аффиксу, слушающий делает вывод о характере информации /как вопросительной или как завершенной/. Большую вопросительную информацию несет аффикс -ий/-ий, -й, при этом интонационные средства ослабевают. 65,7 проц. стимулов без этого аффикса были восприняты как завершенные. Это достоверно свидетельствует о том, что именно в конечном элементе целостной структуры сосредоточены существенные признаки вопросительности. Именно в этой зоне фразы /т.е. в аффиксе -ий/-ий, -й/ сосредоточены те признаки, без которых не может осуществиться восприятие вопросительности.

Во второй части второй серии в случайном порядке предъявлялись вопросительные предложения с предварительно вырезанными вопросительными словами. Все вопросительные слова нахо-

дидлись в начале предложений. Испытуемым предлагалось графически обозначить тип интонации. Следует заметить, что данные по первому и третьему дикторам мало отличаются /у обоих достаточно высоки/. Общий процент опознания понизился за счет второго диктора. Тем не менее это не препятствует выводу о том, что вопросительность, передаваемая с помощью вопросительного слова, фонетически менее ярко выражена.

В последней третьей части второй серии опытов аудиторам также, как во второй части первой серии, предлагалось графически отметить одно или несколько выделенных слов. Всего предъявлялось 52 стимула. Было получено 780 ответов. Как и ожидалось, общий процент правильного опознания выше, чем у аудиторов — не знающих язык /75,7 проц./. Лучшее всего было опознание для третьего диктора — 85 проц., далее — второго: 76 проц., хуже всего для первого диктора. Для выделения в высказывании одного из слов, несущего наиболее важную, с точки зрения говорящего, смысловую информацию, используется логическое ударение. Что касается словесного ударения, то точки зрения монголистов на это были самые разные; спорили не только о месте ударения, но подвергалось сомнению само существование ударения вообще в монгольских языках. Здесь не будут приводиться разные точки зрения. Интересным представляется мнение бурятского ученого В.И.Золхоева, который отмечает в бурятском и монгольском языках "три совершенно разных по типу ударения":¹³ синтагматическое, словесное и логическое, которые выполняют в языке строго определенные функции. Пока что не получены объективные характеристики средств, которыми достигается эффект выделенности, поэтому мы не можем определить, каковы же те признаки, которые определяют восприятие выделенности, а также, какие из этих объективных характеристик являются существенными для ее восприятия.

Итак, на основании вышеизложенного можно заключить:

I/ в 76,9 проц. случаев испытуемые — не знающие язык правильно опознали интонационный тип, что свидетельствует о том, что отсутствие лексической информации не исключает возможности восприятия интонационных различий;

2/ однако, процент правильного опознания зависит от типа интонационной конструкции;

3/ лучше всего опознается завершенная интонация;

4/ восприятие же вопросительных конструкций выглядит следующим образом. В 92,1 проц. случаев вопросительные конструкции без специальных показателей вопросительности, кроме интонации, были правильно опознаны испытуемыми. Несколько хуже было опознание вопросительных конструкций с вопросительными частицами /89,2 проц./. Самый низкий процент правильного опознания среди вопросительных конструкций приходится на конструкции с вопросительными словами /57,6 проц./. Это еще одно свидетельство того, что употребление специальных лексических средств вопросительности /в данных случаях вопросительных слов и вопросительных частиц/ снижает различительные возможности интонации;

5/ хуже всего опознается выделенность;

6/ аффиксы вопросительности несут неодинаковую нагрузку с точки зрения вопросительности;

7/ в конструкциях с аффиксами -ба/-бэ, -вэ/-вё, -у/-ү фонетические характеристики вопросительности настолько ярки, что отсутствие этих частиц не препятствует восприятию стимулов как вопросительных;

8/ большую вопросительную информацию несет аффикс -ий/-ий, -й. Так, 65,7 проц. случаев стимулы без аффикса ий/-ий, й были восприняты как завершённые. Именно в конечном элементе целостной структуры /т.е. в аффиксе -ий/-ий, й/ сосредоточены те признаки, без которых не может осуществиться восприятие вопросительности.

-
1. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1960, с. 83
 2. Рамстедт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. Спб., 1908, с. 58
 3. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929, с. 98

4. Бюраева Э.И. Ритмомелодика простых нераспространенных предложений бурятского языка. Улан-Удэ, 1978, с. 121
5. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960, с. 249
6. То же самое в старописьменном монгольском языке: ♦ -
dörbeljin сэг /4^х-угольный цег/ или dabag /см.: Руднев А.Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка. Спб., 1905, с. 28; Поппе Н.Н. Грамматика письменномонгольского языка. М.-Л., 1937, с. 37/
7. ♦ -dabhur сэг /двойной цег/
8. Котвиц В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915, с. 31
9. Руднев А.Д. Указ. соч., с. 28
10. См. напр., Бобровников Алексей. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 182; Руднев А.Д. Указ. соч., с. 55; Санжеев Г.Д. Указ. соч., с. 84; Тодоева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, с. 164; Илишкин И.К., Муниев Б.Д. Краткий грамматический очерк калмыцкого языка. - Калмыцко-русский словарь. М., 1977, с. 759; Poppe N.N. Mongolian language handbook. Washington, 1970. p. 85
11. Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 78
12. Котвиц В.Л. Указ. соч., с. 109
13. Золхоев В.И. О трех типах ударения в монгольских языках. - Труды БКНИИ СОАН СССР. Вып. 6. Улан-Удэ, 1961, с. 114

В конце 1978 года Калмыцкий научно-исследовательский институт ИФЭ и общественность Калмыкии отмечала 70-летие со дня рождения и 50-летие научно-педагогической деятельности доктора филологических наук, профессора Илишкина Ивана Кузнецовича.

Вся трудовая деятельность юбиляра неразрывно связана с социалистическими преобразованиями, развитием науки и культуры в Калмыкии, воспитанием подрастающего поколения.

В 1937 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему "Пути развития калмыцкой терминологии" в Центральном научно-исследовательском институте Академии педагогических наук. В этом же году И.К.Илишкин вступает в члены КПСС.

Крупные успехи калмыковедения как науки ознаменовались созданием Калмыцкого НИИЯЛИ. Иван Кузнецович возглавил это первое научное учреждение в Калмыцкой АССР. Осенью 1957 г. Иван Кузнецович вновь возглавляет научно-исследовательский институт ЯЛИ и бессменно руководит им более 20 лет. За эти годы институт вырос и окреп. Если в 1957 г. в НИИЯЛИ было всего лишь два кандидата наук, то сейчас работают более 20 кандидатов.

Под руководством т.Илишкина И.К. институт разработал и издал такие крупные научные труды как "Очерки истории Калмыцкой АССР" в двух томах, историко-этнографические очерки "Калмыки", "Русско-калмыцкий словарь" и "Калмыцко-русский словарь" академического типа, "Опыт лингвистического исследования "Джангара", "Во имя победы над фашизмом" и др. В данное время разрабатывается "История Калмыцкой АССР с древнейших времен до наших дней" в трех томах, "История калмыцкой художественной литературы" и др.

Особое и видное место в научных изысканиях И.К.Илишкина занимает сравнительное изучение калмыцкого и русского языков и проблемы двуязычия в Калмыцкой АССР. Высший уровень науч-

ных работ И.К. Илишкина подтверждается тем, что за исследование "Функционирование калмыцкого литературного языка в условиях развития калмыцко-русского билингвизма" И.К.Илишкину в 1975 г. присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Плодотворная научная деятельность предполагает широкие контакты с учеными своей и смежных с ней специальностей. И.К.Илишкина хорошо знает советские ученые и ученые ряда социалистических стран как участника многих научных конференций и сессий. В то же время И.К.Илишкин является одним из организаторов проведения двух всесоюзных конференций по вопросам алтаистики и монголоведения /1972/ и эпосоведения /1978/.

И.К.Илишкин продолжает вести большую общественную работу. Он неоднократно избирался депутатом городского, областного Советов и Верховного Совета Калмыцкой АССР. Он был организатором и первым представителем калмыцкой организации общества "Знание". За составление качественных учебников для начальных школ страны И.К.Илишкин в 1960 г. награжден медалью имени великого русского педагога К.Д.Ушинского. Также он награжден орденами "Знак почета" и "Трудового Красного Знамени".

Ученый-калмыковед, специалист в области языкознания, коммунист и общественный деятель Иван Кузнецович Илишкин продолжает и ныне успешно трудиться на благо советской науки.

Х Х Х

В 1979 г. исполнилось 70 лет со дня рождения и 50 лет научно-педагогической деятельности старшего научного сотрудника института истории, филологии и экономики кандидата педагогических наук, заслуженного деятеля науки Калмыцкой АССР Бембе Джалыковичу Муниеву.

Товарищем Муниевым написано и опубликовано более 20

научных работ, выполненных в основном за двадцать последних лет. Среди них видное место занимают лексикографические работы. Он является одним из составителей "Русско-калмыцкого словаря" /Москва, 1964/. Б.Д.Муниевым в соавторстве с И.К.Илишкиным написан "Русско-калмыцкий словарь" /Москва, 1969/, рассчитанный для учащихся школ Калмыцкой АССР. Под его руководством выпущены различного рода бюллетени по калмыцкому языку, биологии, географии, математике, химии.

Среди лексикографических работ следует особо отметить большой /26 т.слов/ "Калмыцко-русский словарь" академического издания /Москва, 1977/ главным редактором которого является Б.Д.Муниев. Среди населения этот словарь пользуется большой популярностью, являясь настоящей книгой для учащихся молодежи, учителей калмыцких школ, научных работников и широкого круга носителей калмыцкого языка.

Х Х Х

Г.Ц.Пурбеев "Грамматика калмыцкого языка" /Синтаксис сложного предложения/ Элиста, 1979, 136 страниц. Является продолжением первой части синтаксиса /простого предложения, Элиста, 1977/ этого же автора.

В монографии наиболее полно раскрываются синтаксические явления сложных предложений калмыцкого языка. Обращается особое внимание на употребление и семантику союзных слов, определяются разнообразные функции глагола гих и дается подробное описание всех видов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Наряду с этим рассматриваются сложные конструкции бессоюзного и смешанного типов предложений.

О Г Л А В Л Е Н И Е

I/ Илшкин И.К.	Залоги и виды глаголов в русском и калмыцком языках	3
2/ Павлов Д.А.	К вопросу о системе спряжения глаголов калмыцкого языка	23
3/ Рамстедт Г.И.	История спряжения в халхаском наречии монгольского языка	39
4/ Биткеев П.Ц.	Образование глагольных основ ..	66
5/ Очиров У.У.	Деепричастные обороты	89
6/ Муниев Б.Д.	Үүдлэгчин медэн болн үүдлэгч Халымг-орс тольд	120
7/ Дораева Р.П.	Повелительное наклонение	128
8/ Монраев М.У.	Девербативные наречные образования	144
9/ Дамбинова В.Д.	О генезисе суффикса причастия будущего времени в монгольских языках	149
10/ Манджикова Б.Б.	Глаголы звукоподражания	159
11/ Очир-Гаряев В.Э.	Отгеллэтивные глаголы в монгольских языках	168
12/ Биткеева Г.С.	Табу глагольных слов в калмыцком и немецком языках	172
13/ Манджикова Б.Б.	О семантике образных слов	181
14/ Есенова Г.С.	Восприятие некоторых интонационных типов калмыцкого языка ..	187
15/ Научная жизнь		198

ГЛАГОЛ И ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Редколлегия: Б.Д.Муниев /ответственный редактор/,
Э.Ч.Бардаев

Калмыцкий научно-исследовательский институт истории,
филологии и экономики, г.Элиста, ул.Революционная, 8

Подписано к печати 24 декабря 1979 г.

Формат 60x90¹/16

Бумага типографская №3

Усл.печ. л. 12,75

Уч. изд. л. 10,76

Заказ 1294

Тираж 500 экз.

К - 00398

Цена 84 коп.

Республиканская типография Управления по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли Совета Министров Калмыцкой
АССР, г.Элиста, ул. Ленина, 245

Цена 84 коп.